

ISSN 2076-2577 (Print)
ISSN 2541-982X (Online)

FU **Финно-угорский мир**
Finno-Ugric World
Том 14, № 1. 2022

Журнал основан в 2008 г.
Выходит ежеквартально

Зарегистрировано Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство ПИ № ФС77–70644
от 3 августа 2017 г.

Территория распространения журнала –
Российская Федерация, зарубежные страны

Подписной индекс в Объединенном
каталоге «Пресса России» – 42059

Учредитель и издатель:
федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарёва».
430005, Республика Мордовия, г. Саранск,
ул. Большевикская, 68

Адрес редакции:
430005, Республика Мордовия, г. Саранск,
ул. Большевикская, 68
Телефон: +7 8342 474423, +7 8342 478220
WWW: <http://csfu.mrsu.ru>
E-mail: journal@csfu.mrsu.ru

Главный редактор Н. П. Макаркин

Дата выхода 22.04.2022.
Формат 70 × 108 1/16. Усл. печ. л. 12,0.
Тираж 1000 экз. (1-й завод – 100 экз.).
Цена свободная. Заказ № 409

Отпечатано в типографии
Издательства Мордовского университета
430005, Республика Мордовия, г. Саранск,
ул. Советская, 24

© ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», 2022

The journal was founded in 2008.
Published quarterly

Registered by The Federal Service
for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
Certificate ПИ № ФС77–70644
August 3, 2017

Distributed In Russian Federation and foreign
countries

Subscribe index: 42059,
Catalog "The Press of Russia"

Founder and Publisher:
Federal State
Budgetary Educational
Institution of Higher Education
"National Research
Ogarev Mordovia
State University"
68 Bolshevikskaya Str., Saransk
430005, Republic of Mordovia, Russia

Editorial board:
68 Bolshevikskaya Str., Saransk
430005, Republic of Mordovia, Russia
Phone: +7 8342 474423, +7 8342 478220
WWW: <http://csfu.mrsu.ru>
E-mail: journal@csfu.mrsu.ru

Editor in Chief N. P. Makarkin

Released on April 22, 2022.
Format 70 × 108 1/16. Press sheets 12.0.
Circulation 1000 copies (1st – 100 copies).
Free price. Order No. 409

Printed in the Publishing House of National
Research Ogarev Mordovia State University
24 Sovetskaya Str., Saransk
430005, Republic of Mordovia, Russia

© National Research Mordovia State University, 2022

Редакция журнала «Финно-угорский мир Finno-Ugric World» строит политику издания на общепринятых этических принципах научных публикаций. Редакция поддерживает Кодекс этики научных публикаций, сформулированный Комитетом по этике научных публикаций, а также руководствуется Декларацией Ассоциации научных редакторов и издателей «Этические принципы научных публикаций».

Редакционная политика формулируется с учетом этических норм работы редакторов и издателей, закрепленных в Кодексе поведения и руководящих принципах наилучшей практики для редактора журнала (Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors), разработанном Комитетом по публикационной этике (Committee on Publication Ethics).

Редакция открыта для взаимодействия с профессиональными научными ассоциациями и отраслевыми сообществами с целью обеспечения высокого качества работы ученых.

Редакция не оказывает платных или агентских услуг. Публикация в Журнале бесплатная. Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

Редакция не навязывает авторам цитирование статей, ранее опубликованных в Журнале, с целью искусственного улучшения его наукометрических показателей, а также принципиально не оказывает такую «помощь» другим изданиям или конкретным авторам.

«Финно-угорский мир Finno-Ugric World» – журнал открытого доступа (Open Access): все пользователи могут абсолютно свободно и бесплатно читать, загружать, копировать, передавать, а также ссылаться на публикуемые материалы в соответствии с принципами Будапештской инициативы открытого доступа (BOAI).

Авторы сохраняют за собой авторские права и предоставляют Журналу право публикации работы. Неисключительные права на использование материалов Журнала принадлежат ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» как учредителю и издателю.

В Журнале может быть опубликован любой автор, представивший ранее не опубликованный материал.

Журнал считает своей миссией распространение на территории Российской Федерации и за рубежом научных знаний о финно-угорских народах, популяризацию их языков, народной культуры и искусств, истории. Исходя из понимания данной миссии, редакция Журнала публикует материалы, посвященные результатам исследований лингвистических, исторических и этнографических, культурологических проблем финно-угорских народов. Также публикуются информационные сообщения о важных научных событиях, семинарах, симпозиумах и конференциях, связанных с тематикой издания.

Материалы Журнала доступны по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

Допускается свободное воспроизведение материалов Журнала в личных целях и свободное использование в информационных, научных, учебных и культурных целях в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации. При цитировании ссылка на Журнал обязательна. Иные виды использования возможны только после заключения соответствующих письменных соглашений с правообладателем.

The editorial board of the journal "Finno-Ugric World" is committed to generally accepted ethical principles of Journal publications. The editors support Code of Ethics of Journal Publications, developed by Committee on Ethics of Journal Publications (Moscow, Russia), and Declaration of the Association of Journal Editors and Publishers "Ethical Principles of Journal Publications".

The editorial policy is based on ethical norms of the work of editors and publishers written in Code of Conduct and Guidelines for Best Practice for the Editor of the Journal, developed by the Committee on Publication Ethics.

The Editors shall be open for cooperation with professional scientific associations and industry-specific communities to ensure high quality work of scientists.

The editorial board does not provide paid services. All publications in the Journal are free. The editorial board does not charge the authors for the preparation, download and printing of materials.

The editors shall never impose citing papers, which were previously published in the Journal, on the authors, for the purpose of improving its scientometric indicators, as well as shall not provide other journals or specific authors with such "help".

The "Finno-Ugric World" is an open access Journal which means that all content is freely available without charge to the user or his/her institution. Users are allowed to read, download, copy, distribute, print, search, or link to the full texts of the articles, or use them for any other lawful purpose, without asking prior permission from the publisher or the author. This is in accordance with the BOAI definition of open access.

The authors retain copyright holder exclusive rights over their articles and assign copyright to the Journal. Non-exclusive rights to use the papers of the Journal belong to National Research Mordovia State University as a founder and publisher.

The Journal publishes any author, if he presents a material not released before and not supposed to be published simultaneously in other journals. Receipt of articles for publication is effected permanently.

The Journal seeks to develop Finno-Ugric Studies, dissemination of their languages, folk culture and arts, and the history in the territory of the Russian Federation and abroad. In order to fulfil these aims the Journal welcomes the articles on the various aspects in linguistics, literature, culture, history and ethnography of the Finno-Ugric peoples. It also regularly includes the information about important sciences events, seminars, symposiums and conferences relevant to the Journal.

All the materials of the "Finno-Ugric World" journal are licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Free reproduction of the Journal's materials is allowed for personal, information, research, academic or cultural purposes in accordance with the Civil Code of the Russian Federation. When quoting, a link to the Journal is required. Other types of reproduction are only possible following the written agreement of the copyright holder.

- Макаркин Николай Петрович** – председатель совета, доктор экономических наук, профессор, президент ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», руководитель Межрегионального научного центра финно-угроведения (г. Саранск, Россия), makarkin@mrsu.ru
- Бахлова Ольга Владимировна** – доктор политических наук, профессор кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), olga.bahlova@gmail.com
- Бояркин Николай Иванович** – доктор искусствоведения, профессор, ведущий научный сотрудник Межрегионального научного центра финно-угроведения ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), bojarkin_ni@mail.ru
- Братчикова Надежда Станиславовна** – доктор филологических наук, заведующий кафедрой финно-угорской филологии ФГБОУ ВО «МГУ имени М. В. Ломоносова» (г. Москва, Россия), n.bratchikova@mail.ru
- Вичинене Дайва** – доктор гуманитарных наук, профессор, заведующий кафедрой этномузыкологии Литовской академии музыки и театра (г. Вильнюс, Литва), daivarster@gmail.com
- Глухова Наталья Николаевна** – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков и лингвистики Центра гуманитарного образования ФГБОУ ВО «Поволжский государственный технологический университет» (г. Йошкар-Ола, Россия), gluhnatalia@mail.ru
- Жеребцов Игорь Любомирович** – доктор исторических наук, профессор, директор Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (г. Сыктывкар, Россия), zherebtsov@mail.illhkomisc.ru
- Илюха Ольга Павловна** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора истории Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (г. Петрозаводск, Россия), iljuha@krc.karelia.ru
- Кауппала Пекка** – доктор философии, доцент Центра изучения России и Восточной Европы Хельсинкского университета (г. Хельсинки, Финляндия), pekka.kauppala@saunalahti.fi
- Кондратьева Наталья Владимировна** – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и финно-угорского языкознания ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет» (г. Ижевск, Россия), nataljakondratjeva@yandex.ru
- Корнишина Галина Альбертовна** – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), kornishina@rambler.ru
- Луутонен Иорма** – доктор философии, профессор кафедры общего и финно-угорского языкознания Туркуского университета (г. Турку, Финляндия), luutonen@utu.fi
- Мартынова Марина Юрьевна** – доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра европейских исследований Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, (г. Москва, Россия), martynova@iea.ras.ru
- Матичак Шандор** – доктор филологических наук, заведующий кафедрой финно-угорского языкознания Дебреценского университета (г. Дебрецен, Венгрия), maticsak.sandor@arts.unideb.hu
- Миннихметова Татьяна Гильнихметовна** – доктор философии, независимый исследователь Института Европейской этнологии Инсбрукского университета, (г. Инсбрук, Австрия), minnijah@hotmail.com
- Мишанин Юрий Александрович** – доктор филологических наук, профессор, заместитель директора по межэтническим отношениям Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, председатель Межрегиональной общественной организации мордовского (мокшанского и эрзянского) народа (г. Саранск, Россия), mordvarf@mail.ru
- Мосина Наталья Михайловна** – доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка для профессиональной коммуникации ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), natamish@rambler.ru
- Муллонен Ирма Ивановна** – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (г. Петрозаводск, Россия), mullonen@krc.karelia.ru
- Нуриева Ирина Муртазовна** – доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН (г. Ижевск, Россия), nurieva-59@mail.ru
- Попов Александр Александрович** – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора отечественной истории Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (г. Сыктывкар, Россия), doctor_popov@mail.ru
- Пустаи Янош** – доктор филологии, профессор, директор НН «Collegium Fenno-Ugricum» (г. Бадачоньтомай, Венгрия), janos_pusztay@hotmail.com
- Ракин Анатолий Николаевич** – доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора языка Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (г. Сыктывкар, Россия), anatolij.rakin@mail.ru
- Родняков Алексей Викторович** – секретарь совета, заместитель руководителя Межрегионального научного центра финно-угроведения ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), aleviro@mail.ru
- Сейленталь Тыну** – доктор филологии, заведующий финно-угорским отделением Тартуского университета, председатель Программы родственных народов (г. Тарту, Эстония), seilu@ut.ee
- Тултаев Петр Николаевич** – председатель президиума Совета ООД «Ассоциация финно-угорских народов Российской Федерации» (г. Саранск, Россия), afunrf@yandex.ru
- Тулуз Ева** – доктор философии, профессор Центра исследований Европы и Евразии Национального института восточных языков и цивилизаций (г. Париж, Франция), evatoulouze@gmail.com
- Шаланки Жужанна** – доктор филологии, доцент кафедры финно-угроведения Университета им. Лоранда Этвеша (г. Будапешт, Венгрия), salanki.zsuzsanna@btk.elte.hu
- Шилов Николай Владимирович** – доктор исторических наук, профессор кафедры юридических дисциплин ОЧУ ВО «Еврейский Университет» (г. Москва, Россия), n_shilov@uni21.org
- Шкалина Галина Евгеньевна** – доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой культуры и искусств ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет» (г. Йошкар-Ола, Россия), gshkalina@mail.ru

- Nikolay P. Makarkin** – Chairman of the Board, Doctor of Economics, Professor, President of National Research Mordovia State University, Head of the Interregional Research Center of Finno-Ugric Studies (Saransk, Russia), makarkin@mrsu.ru
- Olga V. Bahlova** – Doctor of Political Sciences, Professor, Department of General History, Political Science and Regional Studies, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), olga.bahlova@gmail.com
- Nikolay I. Boyarkin** – Doctor of Arts, Professor, Lead Research Fellow, Interregional Research Center of Finno-Ugric Studies, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), bojarkin_ni@mail.ru
- Nadezhda S. Bratchikova** – Doctor of Philology, Head of the Department of Finno-Ugric Philology, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), n.bratchikova@mail.ru
- Daiva Vyčiniėnė** – Doctor of Arts, Professor, Head of the Department of Ethnomusicology, Lithuanian Academy of Music and Theater (Vilnius, Lithuania), daivarster@gmail.com
- Natalia N. Glukhova** – Doctor of Philology, Professor, Department of Foreign Languages and Linguistics, Center for Humanitarian Education, Volga State University of Technology (Yoshkar-Ola, Russia), gluhatalia@mail.ru
- Igor L. Zherebtsov** – Doctor of History, Professor, Director of the Institute of Language, Literature and History of Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russia), zherebtsov@mail.illhkomisc.ru
- Olga P. Ilukha** – Doctor of History, Lead Research Fellow, History Section, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russia), iljuha@krc.karelia.ru
- Pekka Kauppala** – Ph. D., Associate Professor, Center for the Study of Russia and Eastern Europe, Helsinki University (Helsinki, Finland), pekka.kauppala@saunalahti.fi
- Natalia V. Kondratieva** – Doctor of Philology, Professor, Department of General and Finno-Ugric Linguistics, Udmurt State University (Izhevsk, Russia), nataljakondratjeva@yandex.ru
- Galina A. Kornishina** – Doctor of History, Professor, Department of History of Russia, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), kornishina@rambler.ru
- Jorma Luutonen** – Ph. D., Professor, Department of General and Finno-Ugric Linguistics, University of Turku (Turku, Finland), luutonen@utu.fi
- Marina Yu. Martynova** – Doctor of History, Professor, Head of the Center for European Studies, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, (Moscow, Russia), martynova@iea.ras.ru
- Sándor Maticsák** – Ph. D. {Philology}, Professor, Head of the Department of Finno-Ugric Linguistics, University of Debrecen (Debrecen, Hungary), maticsak.sandor@arts.unideb.hu
- Tatiana G. Minniyakhmetova** – Ph. D., Independent Researcher, Institute for European Ethnology, University of Innsbruck, (Innsbruck, Austria), minnijah@hotmail.com
- Yuri A. Mishanin** – Doctor of Philology, Professor, Deputy Director for Interethnic Relations of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia, Chairperson of Interregional Public Organization of Mordovian (Moksha and Erzya) People (Saransk, Russia), mordvarf@mail.ru
- Natalya M. Mosina** – Doctor of Philology, Professor, Department of English for Professional Communication, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), natamish@rambler.ru
- Irma I. Mullonen** – Doctor of Philology, Senior Research Fellow, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russia), mullonen@krc.karelia.ru
- Irina M. Nurieva** – Doctor of Arts, Lead Research Fellow, Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk, Russia), nurieva-59@mail.ru
- Alexander A. Popov** – Doctor of History, Professor, Senior Research Fellow, Sector of Domestic History, Institute of Language, Literature and History of Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russia), doctor_popov@mail.ru
- János Pusztay** – Ph. D. {Philology}, Professor, Director of the Collegium Fenno-Ugricum (Badacsonytomaj, Hungary), janos_pusztay@hotmail.com
- Anatoly N. Rakin** – Doctor of Philology, Senior Research Fellow, Language Sector, Institute of Language, Literature and History of Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russia), anatoij.rakin@mail.ru
- Aleksei V. Rodniakov** – Secretary of the Board, Deputy Head of the Interregional Research Center of Finno-Ugric Studies, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), aleviro@mail.ru
- Tõnu Seilenthal** – Ph. D. {Philology}, Head of the Finno-Ugric Branch of the University of Tartu, Chairperson of the Kindred Peoples Programme (Tartu, Estonia), seilu@ut.ee
- Pyotr N. Tultaev** – Chairperson of the Presidium of the Council of Association of Finno-Ugric Peoples of the Russian Federation (Saransk, Russia), afunrf@yandex.ru
- Eve Toulouse** – Ph. D., Professor, Center for European and Eurasian Studies, National Institute of Oriental Languages and Civilizations (Paris, France), evatoulouze@gmail.com
- Zsuzsanna Salánki** – Ph. D. {Philology}, Associate Professor, Department of Finno-Ugric Studies, Eötvös Loránd University (Budapest, Hungary), salanki.zsuzsanna@btk.elte.hu
- Nikolai V. Shilov** – Doctor of History, Professor, Department of Legal Disciplines, Jewish University (Moscow, Russia), n_shilov@uni21.org
- Galina E. Shkalina** – Doctor of Cultural Studies, Professor, Head of the Department of Culture and Arts, Mari State University (Yoshkar-Ola, Russia), gshkalina@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.01 ISSN 2076-2577 (Print), 2541-982X (Online)

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Е. Н. Ваганова. Похоронно-поминальные причитания-плачи в фольклоре эрзи: поэтические приемы и средства	8
И. П. Новак, С. В. Нагурная. Определение диалектной принадлежности карельского языкового материала «Проводника и переводчика по отдаленнейшим окраинам России» А. В. Старчевского	20
А. П. Гуськова. Выражение залоговых отношений в разноструктурных языках: есть ли залог в венгерском?	33
Е. Н. Морозова. Стилистические характеристики текстов марийских народных сказок	44
Ф. Я. Хабибуллина, И. Г. Иванова. Заимствования в урбанонимах Йошкар-Олы с отантропонимным компонентом	58

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Т. А. Першина, С. В. Першин. Родственный состав мордовской, русской и татарской семьи-домохозяйства в первой половине XIX в.: сравнительный анализ	78
Ю. Н. Сушкова. Брачно-семейные обычаи финно-угорских народов Поволжья: юридико-антропологический анализ (конец XIX – начало XX в.)	87

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Э. М. Колчева. 100 лет марийского изобразительного искусства: социалистический реализм (конец 1930-х – 1980-е гг.)	100
--	-----

СОБЫТИЯ, ЛЮДИ, КНИГИ

О. А. Сотникова. Сохраняя традиции... К юбилею Сыктывкарского государственного университета	116
Е. Н. Мокшина. Новая книга о традициях чувашей и удмуртов	120
Е. С. Руськина. Подвигу «полярной кавалерии» посвящается... ..	122
В. Н. Максимов, Р. А. Кудрявцева. Памяти профессора Ивана Семеновича Иванова	124

PHILOLOGY

E. N. Vaganova. Funeral and memorial lamentations in the folklore of Mordva-Erzya: poetic devices	8
I. P. Novak, S. V. Nagurnaya. Dialectal attribution of the Karelian language in “Guide and translator to remote outskirts of Russia” by A. V. Starchevsky	20
A. P. Guskova. Expression of voice relation in the languages of different structure: is there a category of voice in Hungarian?	33
E. N. Morozova. Stylistic text characteristics of Mari folk fairy tales	44
F. Ya. Khabibullina, I. G. Ivanova. Borrowings in urbanonyms of Yoshkar-Ola with an anthroponymic component	58

HISTORICAL STUDIES

T. A. Pershina, S. V. Pershin. The relative composition of the Mordovian, Russian and Tatar family-households in the first half of the XIX century: a comparative analysis	78
Iu. N. Sushkova. Marriage and family customs of the Finno-Ugric peoples of the Volga region: legal and anthropological analysis (late XIX – early XX century)	87

CULTURAL STUDIES

E. M. Kolcheva. 100 years of Mari fine art: socialist realism (late 1930s – 1980s)	100
--	-----

EVENTS, PEOPLE, BOOKS

O. A. Sotnikova. Keeping traditions... On the anniversary of Syktyvkar State University	116
E. N. Mokshina. A new book about the traditions of the Chuvash and Udmurts	120
E. S. Ruskina. Dedicated to the feat of the “Polar cavalry”	122
V. N. Maksimov, R. A. Kudryavtseva. In memory of professor Ivan Semenovich Ivanov	124

Похоронно-поминальные причитания-плачи в фольклоре эрзи: поэтические приемы и средства

Елена Николаевна Ваганова

*Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва,
Саранск, Россия*

Введение. Причитания-плачи остаются непреходящим национальным достоянием мордовского этноса. Они не только предлагают богатейшую культурно-историческую информацию, но и представляют собой живое бытование прошлого в современности. В статье с опорой на научную литературу и фольклорный материал дается обобщенная характеристика поэтических приемов и изобразительно-выразительных средств, используемых в текстах причитаний похоронно-поминального цикла мордвы-эрзи.

Материалы методы. Исследование совмещает методы описания и сопоставительного анализа. Базой эмпирического материала послужили авторитетные фольклорные собрания, обладающие исключительной историко-культурной и научной ценностью, заимствованные из устно-поэтического творчества мордовского народа, лексика эрзя-мордовского языка, традиции и обряды.

Результаты исследования и их обсуждение. Причитание-плач – важнейший компонент вербального и музыкального кодов похоронно-поминального комплекса. Поэзия плача, сохранившая архаичные черты, придает национальной культуре особое обаяние, подчеркивает ее живое звучание, исконную самостоятельность и оригинальность. Причитания-плачи исполняются для выражения скорби об утрате близкого человека, для них характерна развитая система сравнений и метафор, выполняющих функции образности и иносказательности. Им присуща оценка человеческих достоинств усопшего. Красочность, яркость и выразительность причитаниям придают широко используемые в них традиционные приемы – обращения, сравнения, метафоры, художественные параллелизмы и другие изобразительно-выразительные средства.

Заключение. Мордовская причетная традиция богата средствами выразительности и поэтическими приемами, функционирование которых в структуре фольклорного произведения придает лучшим ее образцам неповторимый национальный колорит. Манера исполнения причитаний имеет локальные традиции, характерные для конкретной местности плачевые напевы. Рассмотренные образы, мотивы, обращения, сравнения, метафоры, олицетворения способствуют постижению глубины духовного мира народа, его мировоззрения.

Ключевые слова: причитания-плачи, мордва-эрзя, фольклор, изобразительно-выразительные средства, метафора, эпитет, сравнение, мотив

Для цитирования: Ваганова Е. Н. Похоронно-поминальные причитания-плачи в фольклоре эрзи: поэтические приемы и средства // Финно-угорский мир. 2022. Т. 14, № 1. С. 8–19. DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.01.8-19.

Введение

Традиционная мордовская национальная культура формировалась на протяжении многих столетий, являясь отражением многовековой этнической истории, в ходе которой создавались прекрасные образцы устно-поэтического творчества. Фольклорный репертуар эрзи и мокши имеет свои отличительные этнические, культурно-языковые и музыкальные черты, в которых в наибольшей степени сохранились в различных формах проявления архаические элементы традиционной финно-угорской духовной

культуры. Особое место в составе произведений устного народно-поэтического творчества занимают причитания, которые по форме представляют собой импровизационный поэтический текст и сопровождают традиционные свадебные и похоронно-поминальные обряды. Причитания похоронно-поминального цикла образуют ядро архаического пласта этнической культуры, наполненного мифологическими представлениями и импровизационными элементами в соответствии с особенностями поэтики фольклорного

мышления. Истоки жанра причитаний-плачей, ранние формы погребальных обрядов восходят к первобытно-общинной эпохе.

Обзор литературы

Похоронно-поминальные причитания, как и сами обряды, бытующие у мордвы, привлекают внимание лингвистов, фольклористов, культурологов и музыковедов, историков и этнографов. Исследуемый жанр причитаний часто рассматривается в контексте похоронно-поминального комплекса, поскольку поэзия причитаний-плачей генетически восходит к погребальному обряду [11]. Н. Г. Юрченкова сосредоточивается на выявлении сходных общежанровых черт похоронно-поминальных причитаний родственных восточных финно-угорских народов и их национальных особенностей, затрагивает период возникновения причитаний, относя их ко времени существования единой праязической общности [16]. Культ поминовения усопших, поверья и суеверия после погребального периода исследует И. И. Потапкин [12]. С. В. Богданкина анализирует изобразительно-выразительные средства мокша-мордовских похоронных причитаний [1]. К поэтике эрзянских поминальных плачей обращаются Е. Н. Мокшина и М. А. Нарватова [9]. Поэтический язык эрзянских причитаний похоронно-поминального цикла, устойчивые мотивы, плачевая культура, лексические средства вербализации плача становились объектом изучения автора статьи [2].

П. С. Шахов, И. В. Зубов исследуют сибирский локус мордвы-эрзи Залесовского Причумышья, анализируют залесовские традиционные похоронно-поминальные причитания с функционально-семантической точки зрения. При этом они отмечают, что «исполнение эрзянских причитаний, духовных стихов вместе с пением православных молитв составляет музыкально-драматургическое оформление похоронно-поминальных ритуалов исследу-

емой традиции» [15, 287]. Аналитическое описание погребального фольклорно-этнографического комплекса по полевым записям в эрзя-мордовских селениях Залесовского района Алтайского края представлено в работе Н. В. Леоновой, П. С. Шахова [7].

Несмотря на обширную научную литературу, посвященную причитаниям-плачам мордвы, существует ограниченное количество работ, сосредоточенных на языке и поэтике данного жанра, на традиционных причетных формулах и приемах. Этим и объясняется актуальность работы. Статья связана с выделением причитания-плача как особого жанра похоронно-поминальной обрядности, а также с изучением семантики текстов, наиболее выразительных поэтических средств, привычного круга поэтических образов и мотивов эрзянских причитаний. Объект исследования — тексты причитаний похоронно-поминального цикла. Материалом для анализа послужили произведения устного народного творчества, лексика эрзя-мордовского языка, традиции и обряды эрзи¹.

Результаты исследования и их обсуждение

По данным лексикографических источников, эрзянская обрядовая терминология, связанная с похоронными причитаниями, представлена следующими понятиями: *лайшема* ‘причитание; оплакивание; плач, рыдание’; *лайшемс* ‘оплакивать, причитать; плакать в голос, рыдать, *гудеть, издавать заунывные звуки’; *лайшевтемс* ‘оплакивать’; *лайшезевемс* ‘начать плакать; зарыдать’; *авардемс* ‘плакать, рыдать’; *аварькс* ‘горе’; *рангома*, *авардема* ‘воплъ’; *лажамс* ‘оплакивать, печалиться, тосковать’; *лажамо* ‘оплакивание, причитание’; *лажакадомс* ‘зарыдать, заплакать в голос’; *ниреждемс* ‘всхлипывать; рыдать’; *рангомс* ‘кричать; громко плакать’; *куломс* ‘умереть’; *кулозь* ‘умерший’; *вайгель* ‘голос’; *лайшема вай-*

¹ См.: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7, ч. 1. Эрзянские причитания-плачи. Саранск, 1972 (в дальнейшем ссылки на этот источник будут приводиться в тексте с указанием номера страницы в круглых скобках); Вершинин В. И. Этимологический словарь мордовских (эрзянского и мокшанского) языков. Йошкар-Ола, 2004. Т. 1–5; Мордовские загадки. Саранск, 1987; Русско-мокшанско-эрзянский словарь = Рузонь-мокшень-эрзянь валкс: более 14 тыс. слов / сост. В. И. Шанкина, А. М. Кочеваткин, С. А. Мишина. Саранск, 2011; Paasonen H. Mordwinisches Wörterbuch. Helsinki, 1994. Bd. 3 (N – R).

гель ‘голошение’; *кандолазт* ‘гроб’ или *кудо* ‘гроб; изба, дом’; *экишилицят* ‘обмывальщики’; *матедевемс-удомс* ‘заснуть-спать’; *ченярдомс-авардян* ‘плакать-рыдать’; *шлямс-нардамс* ‘обмыть-обтереть’; *пурнамс-сэрямс* ‘собрать-снарядить’; *оршамс-карксамс* ‘одеть-опоясать’².

Интерес представляет лексический ряд разнообразных глагольных форм, при помощи которых плакальщица описывает обрядовое причитание как действие. В традиционной эрзянской культуре принято дифференцировать обрядовую терминологию, различать обозначения для свадебных (*урнемат*) и похоронно-поминальных (*лайшемат*) причитаний.

Яркой особенностью поэтического языка причитаний является его излишняя атрибутивность. Эпитет считается одним из важных элементов стилистики народно-поэтического текста. Стиль фольклорного произведения характеризуется употреблением постоянных эпитетов, которым свойственны стабильность, отточенность веками, что связано с сформировавшейся длительное время традицией. Т. П. Слесарева подчеркивает, что в фольклорном эпитете, как правило, сохраняется лингвистическая архаика, в частности историческая семантика, однако лексико-семантическая структура фольклорного эпитета отличается от структуры соответствующего прилагательного в современном литературном языке [14, 121].

Языковой материал фольклорного произведения позволяет выделить наиболее распространенные в причитаниях эпитеты: *кельме* ‘холодный’, который сочетается с именами существительными *калмо* ‘могила’ (с. 138; 140), *ки* ‘дорога’ (с. 138; 140), *ян* ‘тропа’ (с. 138; 140), *ёжо* ‘самочувствие, состояние; настроение’ (с. 55; 58); *вечной* ‘вечный’ – с существительными *тарка* ‘место, постель’ (с. 128; 132), *кандолазт* ‘гроб’ (с. 137; 139), *удамо* ‘сон’ (с. 23; 32); *вековечной* ‘вечный’ – с существительными *таркине* ‘местечко’ (с. 149; 159), *эрямо* ‘жизнь’ (с. 128; 132), *кандолазт* ‘гроб’ (с. 137; 139), *одежат* ‘одежда’ (с. 24; 33); *пси* ‘горючий’ – с существительным *сель-*

ведть ‘слезы’ (с. 146; 147); *лембе* ‘теплый’ – с существительным *кудо* ‘дом’ (с. 128; 132); *валдо* ‘светлый, чистый’ – с существительными *ойме* ‘душа’ (с. 112; 118), *вальма* ‘окно’ (с. 52; 54); *раужо* ‘черный’ – с существительными *кулома* ‘смерть’ (с. 112; 118), *мода* ‘земля’ (с. 57; 59); *чевте* ‘мягкий’ – с существительным *ацамо* ‘постель’ (с. 137; 139); *паро* ‘хороший’ – с существительным *вакан* ‘миска’ (с. 137; 139); *пиженъ* ‘медный’ – с существительным *сурсеме* ‘гребень’ (с. 137; 139); *калмонъ* ‘могильный’ – с существительным *орта* ‘ворота’ (с. 138; 140); *сиянь* ‘серебряный’ – с существительными *мукоръ* ‘чурбан’ (с. 138; 140), *вакан* ‘миска’, *блидя* ‘блюдо’ (с. 137; 139); *парсеень* ‘шелковый’ – с существительным *столешиникесь* ‘столешница’ (с. 138; 140); *кене* ‘голый’ – с существительным *пильге* ‘ноги’ (с. 146; 147); *ломанень* ‘чужой’ – с существительным *сускомо* ‘кусок’ (с. 146; 147); *мазый* ‘красивый’ – с существительным *какай* ‘дитяtko’ (с. 148; 159); *чачи* ‘родной’ – с существительным *мода* ‘земля’ (с. 149; 159).

Как демонстрирует приведенный список, круг эпитетов замкнут и четко очерчен традицией, немногими средствами обозначается многое. Колоративы – цветные эпитеты – вносят особый вклад в символику причитаний-плачей.

С древних времен смерть представлялась переходом в иной мир. По словам С. Е. Никитиной, «значимым – незначимым может быть и плохое, и хорошее. Смерть, например, в большинстве случаев нечто очень плохое и – очень значимое» [10, 147]. Богатый материал для понимания представлений о существовании после смерти, о взаимосвязанности земного и потустороннего миров, об отражении этих представлений в архаических ритуалах содержится в причитаниях. Согласно архаичным верованиям мордвы, умершие могли не только общаться со своими живыми сородичами, но и влиять на природные явления, способствовать хорошему урожаю, а также взаимодействовать с добрыми и злыми силами – мифологическими существами³.

² См.: Вершинин В. И. Указ. соч.; Русско-мокшанско-эрзянский словарь; Paasonen H. Op. cit.

³ См.: Утраченные обычаи мордовских погребальных обрядов. URL: <https://musei-smerti.ru/utrachennyye-obychai-mordovskih-pogrebalnyih-obryadov> (дата обращения: 10.11.2021).

По народным представлениям, отраженным в причитаниях, смерть имеет антропоморфные черты. Наиболее устойчивыми сочетаниями для ее наименования являются *раужо кулома* 'черная смерть', *раужо ёмамо* 'черная погибель'. Для обозначения смерти широко используются лексемы *оймень саи куломось* 'душегубица-смерть', *ёмамо* 'погибель'.

Показателен следующий пример, в котором описывается приход смерти в дом: *Кода совить, ёмамо, / Тон мазы какам кардайс, / Кода молить, кулома, / Тон пиже какам кенкишензэ лангс, / Кода панжик, ёмамо, / Тон мазы какам / Келейстэ керязь кенкишензэ, / Кода совить, кулома, / Тон пиже какам путонь кудос, / Монь тякам ульнесь, ёмамо, / Ацань-вельтянь таркасо, / Сэрейстэ путозь чевте прялкс лангсо. / Тон кода молить, кулома, / Тон сонзэ малас, / Тон кода молить, ёмамо, / Тон сонзэ вакс, / Тон ваньить-арась, кулома, / Монь пиже какам кудонзо? / Тон вариштыть-арась, ёмамо, / Пиже какам тяканзо лангс? / Тон вариштыть-арась, кулома, / Пиже какам саень поланзо лангс? / Сявордык, кулома, / Тон пайстомо сэрензэ, / Саик, ёмамо, / Тон валдо оймензэ.* «Как вошла ты, погибель, / Во двор любимого дитятко, / Как пришла ты, смерть, / К двери моего любимого сыночка, / Как отворила ты, погибель, / Моего любимого сына / Широко вырубленные двери? / Когда вошла ты, смерть, / В дом любимого дитятко моего, / Мое дитятко лежало, смерть, / На прибранной, посланной кровати, / На высоком мягком изголовье. / Когда подошла ты, смерть, / Поближе к нему, / Когда подкралась ты, погибель, / К нему, / Посмотрела ли ты, смерть, / На дом моего любимого дитятки? / Посмотрела ли ты, погибель, / На моего сына? / Посмотрела ли ты, смерть, / На жену любимого сыночка? / Сгубила ты, смерть, / Моего несчастного, / Отняла ты, погибель, / Его светлую душу!» (с. 149–150; 160–161).

Нередко смерть описывается воинственной, вооруженной косой или острой саблей: *Косто сакинось те смертесь? / Веленть кувалт ютакинось, / Панжадо ортанок годявкинось, / Минек ортаванть совакинось, / Тон васень стречас*

понгокиннить, / Пишти сабянзо таргизе, / Пря куникава эшкинзеть, / Чачи превде маштынзеть. / Пильге ланга эшкинзеть, / Пильге санот керинзе. «Откуда эта смерть явилась? / Вдоль села она прошла, / Наши ворота открытыми оказались, / В наши ворота вошла, / Тебя первого встретила. / Обнажила она острую саблю свою, / По голове тебя ударила, / Лишила тебя разума! / Ударила она тебя по ногам – / Жилы у ног твоих подрезала» (с. 188–189; 190).

Смерть предстает в антропоморфном облике, безобразной и безжалостной, нагоняющей страх и активно уничтожающей жизнь: *Пильгеззеть, тетяй, аравлинь, / Обор куломат сон ашти / Пелюманек-сабянек. / Тетяй, се ватось / Пильге санонь кериясь, / Рунгстот санонь печкиясь. / Пек уш, тетякай, страшной неяви, / Пек уш, тетякай, а мазы. / Секс, а смеян, тетякай, / Мон малазот арамон, / Мон малазот ней самон.* «У ног твоих встала бы я – / Смерть твоя стоит там страшная, / Косами-саблями вооруженная. / Та смерть / Подрезает жилы на ногах, / Во всем теле жилы подрезает. / Очень, батюшка, страшной кажется, / Очень, батюшка, она безобразная. / Потому не смею я, батюшка, / Около тебя встать, / Подойти к тебе поближе» (с. 127–128; 132).

У всех финно-угорских народов, в том числе поволжских финнов, отношение к месту упокоения предков, погребальным и поминальным обрядам всегда было значимым, как и сама смерть. К выбору места погребения мордва относится со всей ответственностью, серьезностью и осторожностью, что можно проследить по произведениям устного народного творчества. Это место должно быть вдали от болотистой местности, ивовых зарослей, оврагов и ям, осины, считающейся у мордвы проклятым деревом: *Шкинень-аванень таркине, / Ваньнь-корьманень местыне. / Илядо варишта чей пуло, / Илядо варишта каль куро. / Вариштадоя покш поляна лугине, / Пиже парсеень тикишине. / Полянанть куникас ёрынкадь, / Полянанть куникас вариштынкадь. / Ецё илядо тынь варишта / Лутков-латков таркине, / Ведень чудевкс местыне. / Шкинень авань, монь корьмань, / Мако*

цецят одежанзо, / Илинзе сае пиже черне, / Илинзе вално тюжа илыне. / Еше илязо уль маласо / Пазонь сюдовт пой чувто, / Нишкенъ проклянянь дерева. / Пиря песэнзэ улезэ / Пазонь вечкема кипарисовой чувтыне, / Пельге песэнзэ улезэ / Нишкенъ кельгема дерева, / Мазы умарь чувтыне. «Местечко для моей родной матушки, / Уголочек для моей кормилицы. / Не выбирайте вы болотистое, / Не выбирайте ивняк. / Облюбуйте вы большую поляну-лужок, / Где растёт трава, как зелёный шелк. / Посреди поляны заметьте, / Посреди поляны присмотрите! / Ещё не выбирайте / Место, где овраги-ямы, / Место водой размытое, / Чтоб у моей матушки, моей кормилицы, / Одежда, как маков цвет, / Не покрылась бы плесенью, / Не затянулась бы жёлтым илом. / Ещё, чтобы не было вблизи / Проклятой богом осины, / Проклятого Нишке дерева, / Чтоб в изголовьи было у ней / Богом любимое кипарисовое дерево, / Чтоб у ног её было / Дерево Нишке любимое, / Красивая яблоня!» (с. 112–113; 119).

Упомянутые в приведённом фрагменте плача словосочетания *чей пуло, каль куро* уходят корнями к уральскому языку-основе. Этимологический словарь В. И. Вершинина трактует эрзянскую лексему *чей* как ‘осока’⁴. По данным словаря Х. Паасонена, *чей пуло* означает ‘болотистая местность, камышовая заросль’⁵. Слово *пуло* встречается также в писцовых книгах в названии бортовых ухажаев (угодий) мордвы в виде *-бола*, компонент *-пуло* определяется как словообразовательная частица, связанная с собирательностью⁶. По Этимологическому словарю В. И. Вершинина, *каль* – ‘ветла, ива’⁷. Согласно Уральскому этимологическому словарю, лексема *kal-kuro* означает ‘заросли ивняка’⁸.

Этнологами и фольклористами подчеркивается высокая степень аксиологичности фольклорных произведений, которая присуща в целом народной культуре и

проявляется в потребности приписывать всем элементам окружающего мира как положительные, так и отрицательные свойства [3, 53; 13]. В поэтическом языке причитаний эрзянского похоронно-поминального цикла присутствует оценочное, эстетически ориентированное восприятие деревьев: *умарь чувтыне* ‘яблоня’ называется красивой (*мазы*), *кипарис чувто* ‘кипарисовое дерево’ – любимым (*кельгема*), *пой чувто* ‘осина’ – проклятой (*проклянянь*). Приведённые эпитеты с положительной и отрицательной коннотацией небезосновательно связаны с почитанием деревьев и их культом.

Ива привязана к влаге, поэтому места произрастания ивовых насаждений – берега и поймы рек, болота – не считаются пригодными для захоронений. Осина, по мнению И. Н. Михалкович, символизирует тоску и печаль, что в какой-то степени обусловлено природными свойствами дерева: дрожанием листьев и ветвей, горьким вкусом коры. «Горькая осина со значением печали входит в символические картины-описания, изображающие определённую ситуацию: горечь и переживания плакальщицы и окружающих» [8, 76]. Такое представление дублируется в мокшанской загадке: *Вирьса сюдов шуфта, / Вармафтома шумнай*. «В лесу проклятое дерево / Без ветра шумит»⁹. В фольклорно-мифологическом восприятии осина преимущественно антропоморфизирована, о чем свидетельствуют мокшанские загадки, в которых она описывается через признаки *трясущийся, дрожащий, поющий, пугливый*, а шелест листвы приравнивается к человеческому пению: *Кивок аф эвфнесы, / А трназь эрйяй*. «Никто не пугает, / А всегда дрожит»; *Кивок аф эвфнесы, / А сокоты*. «Никто не пугает, / А дрожит»; *И либорди, морай, / И лиемс ёрай, / Вастстонза аф срхкави*. «И шелестит, и поёт, / И летать хочет, / А с места не тронется». В других загадках осина уподобляется девушке: *Вальмала стирня, /*

⁴ См.: Вершинин В. И. Указ. соч. Т. 5. С. 488.

⁵ См.: Paasonen H. Op. cit. S. 1834.

⁶ См.: О происхождении эрзянского слова пуло. URL: <http://paradeev.com/2018/02/181/> (дата обращения: 10.11.2021).

⁷ См.: Вершинин В. И. Указ. соч. Т. 1. С. 100.

⁸ См.: Uralisches etymologisches Wörterbuch I–VIII / Hrsg. von K. Rédei. Budapest – Wiesbaden, 1986–1991. S. 217.

⁹ Мордовские загадки. Саранск, 1987. С. 52.

Кельмофтомонга сокоты. «Под окном де-вушка, / Без холода дрожит»¹⁰.

Н. А. Криничная считает, что в традиционных воззрениях крестьян всегда присутствует представление о деревьях-людях, деревьях-животных и даже деревьях-людях-животных, а синкретизм различных фито-, зоо-, антропоморфных свойств в единый синтетический образ зиждется на архетипических проявлениях [6, 78].

В поэтическом языке плачей лежит индизнаказательная речь. Различные табу, связанные с обрядами, способствуют метафорическим заменам слов «смерть», «умереть», «умерший(-ая)», «гроб». Например, возникают семантические ассоциации смерти со сном: *Матедевить-удовить, / Вечной удомсо тон удад.* «Заснула-задремала ты, / Вечным сном спишь!» (с. 23; 32).

В приведенном ниже поэтическом тексте присутствуют мотивы описания 'вечного дома': *Тонеть вечной кудонь тееме / Роднянь лелятне пурнавсть. / Кодат ней лазтнэнь мон кармаван? / Ало лазось улэзэ пекшень – / Пекшень ёжо – соланя, / Пекшень ёжо – валаня. / Седе чевте теланть улэзэ. / Бокаватне улест чачи умаринань, / Лангсо лазось – кипарисовой. / Духовой чине улэзэ. / Потмось улэзэ оложась, / Лангосо улэзэ сёрмадозь!* «Для тебя, родимая, вечный дом / Собрались делать родные дядюшки. / Какие доски велью им [строгать]? / Пусть нижняя доска из липы будет – / Липовая [доска] – мягкая, / [Доска] липовая – гладкая, / Мягче будет твоему телу, / Пусть боковые доски будут из живой яблони, / А крыша чтоб была кипарисовая, / Чтоб приятно пахло от них. / Чтоб внутри они были луженые, / А сверху были расписаны!» (с. 26; 35).

Причитания-плачи отражают народные представления о свойствах и характеристиках деревьев, о чем свидетельствует семантика слов, обозначающих оценку, в таких оппозициях, как хороший – плохой, добрый – злой, правильный – неправильный, красивый – безобразный, любимый – нелюбимый. Народная шкала ценностей признает хорошим то дерево, которое отличается обильным цветением красных

или белых оттенков, возле которого обитают звери и заливаются сладкоголосые соловьи. В противоположность им отрицательной коннотацией обладают деревья, которые произрастают на болотистой местности, с обвисшими ветвями, пожухлой листвой, прогнившей сердцевинкой. В причитаниях упоминаются предпочтительные для изготовления гроба породы деревьев: вечнозеленый кипарис, яблоня, липа, что, безусловно, связано с культом деревьев и мифологической покровительницей леса *Вирь-авой* [13]. Кипарис считается самым подходящим деревом для этой цели. Благодаря своей мрачной темно-зеленой листве, негниющей древесине он снискал славу «траурного» дерева.

Мотив перечисления деревьев и их пригодности/непригодности – типичное явление эрзянских причитаний-плачей: *Вечной стройнятнень путьть. / Эзь тук, авкай, мелезнь: / Те ведь чувтось, авкай, / Поки запойс чачокинось, / Запой куникас касокинось, / Сэрэнзэ касомс / Кувалманзо ведь чудесь, / Потмаксонзо тина аштесь; / Сэрнень пелев нувараль, / Седеезэ раужоль, / Лопя пелев пужозель. / Кизэ чинень самнестэ / Якстере панчсо эзь панчне, / Ашо тветсэ эзь тветя, / Звернет эзь яксе алганзо, / Цёковт эзь морсе прясонзо; / А кипарис чувтонь гроб алкот, / А ладын чувтонь боканзо, / А тёсон чувтонь лангосо.* «Вечный дом рубят. / Не понравился он мне, матушка: / То дерево, моя матушка, / В низине зародилось, / На болоте выросло. / Когда росло оно, / По нему вода текла, / Тиной забивалось нутро его. / Ветви его обвисали, / Серцевина подгнивала, / Листья его были жухлые! / Когда наступали летние дни, / Красным цветом не распускалось, / Белыми цветами не цвело, / Звери дикие не бегали под ним, / Соловьи не пели на нем! / Не из кипариса дно гроба твоего, / Не из ладанного дерева стены, / Не из теса крыша его!» (с. 44; 48).

В эрзянском плаче по матери причитающая сетует на то, что в 'вечном жилище' отсутствуют двери – *якамс-пакамс кенкикезэ*, светлые окна – *валдо зеркала*

¹⁰ Мордовские загадки. С. 52.

вальмазо, лавочки – озадо аштемс эземзэ, теплая печь – лембе каштом: Шкинень, авкай, авакай, / Шкинень авкай, кормакай, / Васькамотне – лелятне / Вечной кудо тетъ теить, / Вечной стройня тетъ путьть. / Арась, авкай, якамс-пакамс кенкишкезэ, / Арась, авкай, валдо зеркала вальмазо, / Еще арась, авкай, / Озадо аштемс эземзэ, / Еще арась, авкай, / Сэреди рунгонь эждемс / Лембе каштом (о) лангозо. «Родимая матушка, матушка, / Родимая матушка, кормилица моя, / Любимые мои дядюшки / Вечное жилье строят тебе, / Вечный дом рубят. / Нету, родимая матушка, / Дверей у него входить-выходить, / Нету, кормилица-матушка, / Светлых, как зеркала, окон у него. / Еще нету, матушка, / Для сидения лавок у него, / Еще нету, родимая, / Теплой лежанки, печной, / Чтоб согреть больное тело твое» (с. 43; 47).

В текстах причитаний встречается также образ гроба с окошком. Мордовские гробы повторяли форму колод и делались с окошечком в крышке или же с символическим обозначением окошечка зарубками или надрезами на плоскости гробовой крышки. На стенках гроба топором, ножом или углем наносилось изображение окон, чтобы покойник в них «смотрел»¹¹. Существовала традиция нанесения родовых знаков на могильных крестах, своего рода обозначения границ территории мертвых¹².

Как свидетельствует следующий фрагмент, в похоронном обряде мордвы при проводах умершего в иной мир большое внимание уделяется выбору одежды, за которую не придется слышать осуждения или испытывать жгучее чувство стыда, болезненные переживания: *Кодат вековечной одежат, / Кодат бесконечной одежат! / Ламо какань оришият! / Ламо какань пурныят, / Паро темень теицят. / Ней вансын, кодат / Бесконечной одежат, / Кодат вечной пурнавксот, / Иля прима виськс ломань икеле, / Иляст ульть берянь одежат. / А примат, авай, виськс, а примат / Вековечной ялгадот – / Мако лопат одежат, / Ашо шелконь тонь саванот. /*

А примат, авай, виськс, а примат. «Какова вековечная одежда твоя, / Как навсегда одели тебя! / Чтоб не стыдно было от людей, / Чтоб не носила одежды плохой! / Не примешь, матушка, стыда, не примешь, / От вековечных подружек своих – / Одежда твоя, как лепестки мака, / Как белый шелк твой саван, / Не примешь, матушка, стыда, не примешь!» (с. 24–25; 34). В народе до сих пор сохраняется устойчивая вера в то, что предстать перед Богом на том свете придется именно в таком одеянии – *вековечной одежат*. «К смерти достойной, человеческой причислялись обязательные ритуалы обмывания покойника, обряжение его в смертную одежду, отпевание, церковная служба и ряд других» [3, 60]. Когда же эти ритуалы не соблюдались, кончина считалась позорной, нехорошей.

Предпочтение отдавалось одежде, сшитой вручную, без швейной машинки, особое значение придавалось времени изготовления одежды, цвету и материалу. Так, Г. А. Корнишина, обращаясь к существующим у финно-угорских народов Урало-Поволжья обычаям готовить «смертную» одежду, отмечает: «Шить ее стараются преимущественно из натуральных материалов: шерсти, ситца, сатина и т. п. Иногда и сейчас пожилые люди изготавливают ее по старинному обычаю: материал не режут ножницами, а рвут; швы прошивают не швейной машинкой, а вручную, при этом стежки направляют только вперед. Считается, что в противном случае умершие будут «возвращаться домой»» [5, 159]. В настоящее время такой наряд, декорированный особыми элементами шитья, стал большой редкостью, архаичные приемы шитья уходят в прошлое, а точная семантика и первоначальный смысл такого искусства постепенно утрачиваются.

По мнению исследователей, в традиционной культуре кладбище представляется святыней, осознается неким «местом контактов между мертвыми и живыми... местом общинного общения живых людей» [4, 117]. С древности считалось, что усоп-

¹¹ См.: Верования и обряды эрзян и мокшан, связанные с умершими. URL: <http://uralistica.com/group/holiday/forum/topics/verovaniya-i-obryady-erzyan-i> (дата обращения: 10.11.2021).

¹² См.: Шамова Л. Н. Эрзянские родовые знаки – тешксы. URL: <https://infourok.ru/user/shamova-liliya-nikolaevna/blog/erzyanskie-rodovie-znaki-teshksi-111961.html> (дата обращения: 10.11.2021).

шие родственники помогают живым при начинании какого-либо семейного или родового дела, содействуют в решении общественных или семейных споров.

Кладбища у мордвы пользовались особым почитанием, в местах захоронений существовал запрет на сенокос, сбор ягод и грибов, рубку деревьев на дрова. Живыми оказывалось почтение умершим предкам в виде ухода за могилой и высаживания ароматических трав, которые наполняли кладбища своеобразной атмосферой. Как видно из приведенного ниже примера, в обращении к умершей матери дочь причитывает о неотложных заботах и предстоящих обязанностях по обустройству могилы. Высаживание благоухающих культур в виде душистого кипариса и чабреца, иначе называемого богородской травой – *цяпор тикше*, служит своеобразной демонстрацией дочерней любви, памяти, веры: *Мезе ней дирынъ аванъ / Калмонзо лангс чачовтан? / Мезе ней касовтан? / Цяпор тикше касозо, / Цяпор тикше духовой. / Ютатано кизэнь чине паксява, / Пувиндеряй варма калма ёндо, / Цяпор тикше чине марятан(о) – / Чарькодтяно, авай, тонезэть. / Пря пезэть, авакай, / Кипарис чувто касовтан, / Кипарис чувто духовой. «На могиле родимой матушки / Что я теперь выращу? / Пусть богородская трава вырастет, / Богородская трава душистая, / Пойдем в летний день по полю, / Подует ветер с кладбища, / Запахом богородской травы пахнет – / Вспомним, матушка, о тебе! / У изголовья твоего, матушка, / Кипарисовое дерево посажу, / Кипарисовое дерево душистое!»* (с. 31–32; 40–41).

В репертуаре причитаний встречаются такие фрагменты, когда трудная жизнь усопшей противопоставляется воображаемой спокойной жизни в загробном мире среди красивых яблонь на зеленеющем лугу: *Ков те оймесь теема? / Козонь те рабось путома? / Пингензэ модемс / Берянь эрямо сон эрясь, / Берянь векке сон и печксь. / Адядо пумынк / Пиже-зеленой луга лангс / Мазы умарень чувто юткс. «Куда нам эту душу деть? / Куда эту рабу определить? / До скончания века своего / Трудную жизнь она прожила, / Трудную пору промаялась. / Давайте положим*

ее / На луг, зеленеющий кругом, / Среди красивых яблонь» (с. 43; 46–47).

В приведенных далее фрагментах причитаний представлены такие тропы, как синтаксический параллелизм, повторы, метафоры и образные сравнения, выполняющие оценочную функцию: *Вайх, авакай, корьмакай, / Ужо, авакай, простясынь / Ламонь яки пильгинеть, / Сиянь копейкат кенжсинеть. / Ещѐ, авакай, простясынь / Кавто кунды кединеть. / Ещѐ, авакай, простясынь / Дѐлямо-балямо кедь кунишкат. / Ещѐ, авкай, простяса / Чевте кенерькундынеть; / Ещѐ, авкай, простяса / Ламонь мари седеетъ, / Седеетъ, седей кунишкнеть; / Ещѐ, авкай, простяса / Ламонь корты кургинеть, / Мако лопат турвинеть. «Ох, матушка, родимая моя, / Ужо, матушка, попрощаюсь / С натруженными ногами твоими, / С ноготками – серебряными монетами! / Еще, матушка, попрощаюсь / С заботливыми руками твоими! / Еще, матушка, попрощаюсь / С ладонями, которые баюкали! / Еще, матушка, попрощаюсь / С ласковыми объятьями твоими! / Еще, матушка, попрощаюсь / С многочутким сердцем твоим, / С сердцевиночкой сердца твоего! / Еще, матушка, попрощаюсь, / С многоречивыми устами твоими, / С устами твоими – лепестками мака!»* (с. 103; 110); *Ох, авакай, шкинекай, / Ох, авакай, корьмакай! / Ужо, авакай, тирямонь кис лажатан, / Кастомань кис авардтян. / Ванан, авакай, кода пурназят-сэрнязят, / Кода оршазят-карызят. / Ашо коцташкит – пильгинеть, / Московский картъ – котынеть, / Потмо рисьметъ тонь карькскетъ, / Мако лопа – пацинеть, / Мако лопа – руцинеть. / Липнезь липни пацинеть. «Ох, матушка, родимая моя, / Ох, матушка, кормилица моя! / Поплачу за то, что воспитала меня, / Попричитаю за то, что вырастила меня! / Посмотрю, матушка, как ты одета-наряжена, / Как ты одета-обута. / Как скатка холста обмотаны ноги твои, / Словно московские коты, лапти твои, / Словно цепочки, оборы твои, / Словно маков цвет, платочек твой, / Словно цветок мака, платье твое, / Колышется-волнуется платочек твой!»* (с. 56; 58); *Качамнес лисят, авакай, / Валдо горница кудостот, / Кснавнекс неверят, авакай, / Кустема тон певат. «Словно дым,*

выходишь, родная матушка, / Из светлой горенки – дома своего, / Словно горошина, ты катишься / По крыльцу своему ты на улицу» (с. 44–45; 48); *Вейкенек туи дикой степка сон звернекс, / Норовтомо ривескекс. / Вейке кадови тижне лугава съкамонзо ливтни нармушкакс / Вирь чиресэ килей прясо съкамонзо кукорды кукинекс.* «Я одна теперь пойду по дикой степи, словно зверек, / Словно лиса, оказавшаяся без норы, / Я одна теперь останусь над зеленым лугом / Летать одинокой птицею, / Одинокой кукушкой на березе, / Растущей у опушки!» (с. 191–192).

Одним из основных выразительных средств языка эрзянских причитаний являются дилексемные комплексы. В приведенных примерах дилексменное слово *пурнамс-сэрьямс*, согласно Этимологическому словарю В. И. Вершинина, означает ‘собирает наилучшим образом, украшать, наилучшим образом проводить в последний путь’¹³. *Orčams-karams / оршамс-карямс*, по словарю Х. Паасонена, связано ‘с тщательным процессом одевания, наряжением’¹⁴. *Дёлямо-балямо* образовано путем сложения двух основ глагольных форм: *балямс* ‘бить палкой’ / *балявтомс* ‘ударить’ и *дёлямс* ‘лелеять, холить’¹⁵. Во время игры с ребенком его держат на коленях, время от времени подбрасывают вверх со словами *дёли-дёли-дёшке*.

Характерной чертой причитаний-плачей является их построение в форме обращений. В причитаниях, исполняющихся при похоронном обряде, причитывающая постоянно обращается к умершему человеку: *Ох, эйднемат, левкскемат, / Чарады чинем, цёрынем.* «Ох, сыночек, дитятко мое, / Дитятко – солнце восходящее мое» (с. 146–147); *Ох, авакай, корьмакай! / Ох, авакай, тирякай! / Ох, авакай, ванынем, / Авакай – ашо палинем, / Авакай – чевте руцинем, / Авакай – ашо ловсынем, / Корьмакай – тюжа оинем. / Авакай, жалъне маряват, / Авакай, мила неяват.* «Ох, матушка, кормилица, / Ох, матушка, родимая моя! / Матушка, родительница! / Матушка – рубашка моя белая, / Матушка – ты

платье мое красивое, / Матушка – молочко мое белое, / Кормилица – маслице мое желтое! / Матушка, любимой ты мне кажешься, / Матушка, милой ты мне видишься!» (с. 49; 50–51).

В мифопоэтическом представлении пространства дорога в иной мир оказывается одним из основных мотивов причитаний. Дорога как медиатор двух сфер, жизни и смерти, этого мира и «того», своего и чужого с задействованным для описания тернистого пути пластом лексики – *чопода вирьга* ‘дремучий лес’, *келей ведень трокс* ‘через широкую воду’, *темной вирьга* ‘темный лес’ – занимает важное место в поэтических текстах причитаний: *Можо тоначив молементэ, / Чопода вирьга молементэ, / Келей ведень трокс ютамсто, / Темной вирьга ютамсто / Кедь пезэть саик палкинекс, / Келей ведень трокс печкементэ / Пильгалгат саик сэдинекс.* «Может, отправляясь на тот свет, / Шагая по глухим лесам, / Переправляясь через широкую воду, / Проходя темными лесами, / В руки возьми посох, / Пересекая реки, / Как мостик для переправы используй» (с. 117; 123).

Из мотива переправы через реку, хождения души на «том свете» выясняется, что путь в загробный мир оказывается долгим и трудным, связан с преодолением множества препятствий природного происхождения. Путь туда души умершей лежит через темные непроходимые леса, водные просторы, а спасением служит палочка, через которую, как через мостик, можно переправиться на «тот свет». Поэтические тексты причитаний актуализируют идею местонахождения «того света» – *тоначи*.

Заключение

Причитание-плач – важнейший компонент вербального и музыкального кодов похоронно-поминального комплекса. Эрзянская причетная традиция богата средствами выразительности и поэтическими приемами, функционирование которых в структуре фольклорного произведения придает лучшим ее образцам неповторимый национальный колорит. Манера ис-

¹³ Вершинин В. И. Указ. соч. Т. 4. С. 420.

¹⁴ См.: Paasonen H. Op. cit. S. 1463.

¹⁵ См.: Вершинин В. И. Указ. соч. Т. 1. С. 27, 65.

полнения причитаний имеет локальные традиции, характерные для конкретной местности плачевые напевы. Рассмотренные образы, мотивы, обращения, сравне-

ния, метафоры способствуют постижению глубины духовного мира народа, его мировоззрения, а также художественному обогащению жанровой природы причитаний.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богдашкина С. В. Поэтическая лексика мокша-мордовских похоронных причитаний // Гуманитарные науки и образование. 2015. № 3. С. 128–131.
2. Ваганова Е. Н. Поэтический язык эрзянских причитаний похоронно-поминального цикла // Финно-угорский мир. 2017. № 2. С. 111–122.
3. Виноградова Л. Н. Концептуализация понятий «добра» и «зла» в малых фольклорных жанрах (благопожелания и проклятия как аксиологические тексты) // Категория оценки и система ценностей в языке и культуре: сб. ст. М., 2015. С. 53–80.
4. Добровольская В. Е. Кладбище как место встречи живых и мертвых: правила, регулирующие взаимоотношения двух миров в традиционной культуре Центральной России // Slověne. 2013. Т. 2, № 1. С. 111–122.
5. Корнишина Г. А. Знаково-символические функции одежды в похоронно-поминальной обрядности финно-угорских народов Урало-Поволжья // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2017. № 4. С. 157–162. DOI: 10.26105/SSPU.2021.75.6.001.
6. Криничная Н. А. Дерево-человек: К проблеме синкретизма и дифференциации фитоантропоморфного образа (по материалам нарративного фольклора Карелии) // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. 2010. № 4. С. 77–85.
7. Леонова Н. В., Шахов П. С. Похоронный фольклорно-этнографический комплекс как обрядовый текст (на примере локальной эрзя-мордовской традиции сибирского бытования) // Критика и семиотика. 2020. № 2. С. 191–219. DOI: 10.25205/2307-1737-2020-2-191-219.
8. Михалкович И. Н. Реминисценция образа дерева в мифологии и фольклоре мордвы // Вестник Мордовского университета. 2000. № 3–4. С. 72–77.
9. Мокшина Е. Н., Нарватова М. А. Поэтика эрзянских поминальных плачей // XLIX Огарёвские чтения: материалы науч. конф. Ч. 3. Гуманитарные науки. Саранск, 2021. С. 146–150. URL: <https://mrsu.ru/upload/iblock/b30/s8l4315zmq66dal1of38gxmejgwfmqwy/Gumanitarnyy-OCH-20-red.pdf> (дата обращения: 25.11.2021).
10. Никитина С. Е. Устная народная культура и языковое сознание. М.: Наука, 1993. 187 с.
11. Обряды и фольклор мордвы-мокши: теория и практика проблемы (по фольклорно-этнографическим материалам Zubovo-Polyanskogo rayona Respubliki Mordoviya) / В. И. Рогачев, А. Д. Шуляев, С. В. Богдашкина [и др.]. Саранск, 2012. 380 с.
12. Потапкин И. И. Поверья и суеверия мордвы в обрядах поминовения усопших // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2018. Т. 11, № 1. С. 98–104. DOI: 10.22162/2075-7794-2018-35-1-98-104.
13. Рогачев В. И., Ваганова Е. Н., Мингазова Л. И. Функционирование растительного кода в традиционной культуре народов Поволжья (на примере фольклора мордвы-эрзи и мокши) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2019. Т. 13, № 3. С. 439–445. DOI: 10.35634/2224-9443-2019-13-3-439-445.
14. Слесарева Т. П. Семантика фольклорных эпитетов в былинных текстах // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. А. Гуманитарные науки. 2011. № 2. С. 121–124.
15. Шахов П. С., Зубов И. В. Похоронно-поминальные причитания мордвы-эрзи Залесовского Причумышья: функционально-семантический аспект // Критика и семиотика. 2021. № 2. С. 273–296. DOI: 10.25205/2307-1737-2021-2-273-296.
16. Юрченкова Н. Г. Традиция бытования причитаний у восточных финно-угорских народов // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2021. № 3. С. 114–122.

Поступила 28.11.2021; одобрена 12.12.2021; принята 13.01.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Е. Н. Ваганова — кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, waganowa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8941-846X>

Funeral and memorial lamentations in the folklore of Mordva-Erzya: poetic devices

Elena N. Vaganova

National Research Mordovia State University,
Saransk, Russia

Introduction. Lamentations remain an enduring national treasure of the Mordovian ethnos. They do not only offer the richest cultural and historical information, but also represent a living existence of the past in modern times. Based on the research and the folklore material, it gives a generalized characteristic of poetic devices and visual and expressive means used in the texts of the lamentations of the funeral and memorial cycle of Mordva-Erzya.

Materials and Methods. The study combines methods of description and comparative analysis. The basis of the empirical material was reliable folklore collections with exceptional historical, cultural and research value, borrowed from the oral and poetic creativity of the Mordovian people, the vocabulary of the Erzya language, traditions and rituals.

Results and Discussion. Lamentations is the most important component of the verbal and musical codes of the funeral and memorial complex. The poetry of lamentation, which has preserved archaic features, gives the national culture a special charm, emphasizes its lively sound, primordial independence and originality. Lamentations are used to express grief at the loss of a beloved one, and they are characterized by a well-developed system of comparisons and metaphors that perform the functions of imagery and allegory. Special colorfulness, brightness and expressiveness in lamentations are given by the traditional techniques widely used in lamentations: appeals, comparisons, metaphors, artistic parallelisms and other visual and expressive means.

Conclusion. The Mordovian religious tradition is rich in means of expression and poetic techniques, the functioning of which in the structure of folklore work gives its best samples a unique national flavor. The manner of performing lamentations has local traditions, lamentable melodies typical for a particular locality. The considered images, motives, appeals, comparisons, metaphors, personifications, contribute to understanding the depth of the spiritual world of the people, their worldview.

Keywords: lamentations, Mordva-Erzya, folklore, figurative and expressive means, metaphor, epithet, comparison, motive

For citation: Vaganova EN. Funeral and memorial lamentations in folklore of Mordva-Erzya: poetic devices. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2022;14;1:8–19. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.01.8-19.

REFERENCES

1. Bogdashkina SV. Poetic vocabulary of Moksha-Mordovian funeral lamentations. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie* = The Humanities and Education. 2015;3:128–131. (In Russ.)
2. Vaganova EN. Poetic language in Mordva-Erzya lamentations of funeral cycle. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2017;2:111–122. (In Russ.)
3. Vinogradova LN. Conceptualization of the concepts of “good” and “evil” in small folklore genres (good wishes and curses as axiological texts). *Kategorii otsenki i sistema tsennostei v iazyke i kul'ture: sb. st.* = Evaluation category and value system in language and culture. Collection of articles. Moscow; 2015:53–80. (In Russ.)
4. Dobrovol'skaia VE. The cemetery as a place where the living meet the dead: prescriptions for relations between the two worlds in the traditional culture of Central Russia. *Slověne*. 2013;2;1:111–122. (In Russ.)
5. Kornishina GA. Sign and symbolic functions of clothes in burial and funeral ceremonies of Finno-Ugric peoples of the Urals and Volga region. *Vestnik Surgut'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* = The Surgut State Pedagogical University Bulletin. 2017;4:157–162. (In Russ.). DOI: 10.26105/SSPU.2021.75.6.001.
6. Krinichnaia NA. Tree man: on the problem of syncretism and differentiation of the phyto-anthropomorphic image (based on narrative folklore materials from Karelia). *Trudy Karel'skogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk* = Transactions of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences. 2010;4:77–85. (In Russ.)
7. Leonova NV, Shakhov PS. Funeral folklore-ethnographic complex as a ritual text (on example of the local Erzya-Mordovian tradition of Siberian existence). *Kritika i semiotika* = Critique and Semiotics. 2020;2:191–

219. (In Russ.). DOI: 10.25205/2307-1737-2020-2-191-219.
8. Mikhalkovich IN. Reminiscence of the image of a tree in the mythology and folklore of the Mordovians. *Vestnik Mordovskogo universiteta* = Mordovia University Bulletin. 2000;3–4:72–77. (In Russ.)
9. Mokshina EN, Narvatova MA. Poetics of Erzya memorial lamentations. *XLIX Ogarevskie chteniia: materialy nauch. konf. Gumanitarnye nauki* = XLIX Ogarev Readings. Materials of scientific conference. Humanities. Saransk; 2021;3:146–150. URL: <https://mrsu.ru/upload/iblock/b30/s814315zmq66dal1of38gxmejgwfmqwy/Gumanitarnyy-OCH-20-red.pdf> (accessed 25.11.2021). (In Russ.)
10. Nikitina SE. Oral folk culture and linguistic consciousness. Moscow; 1993. (In Russ.)
11. Rogachev VI, Shuliaev AD, Bogdashkina SV, et al. Ceremonies and folklore of the Mordva-Moksha: theory and practice of the problem (based on folklore and ethnographic materials of the Zubovo-Polyansky district of the Republic of Mordovia). Saransk; 2012. (In Russ.)
12. Potapkin II. Commemoration of the dead: beliefs and superstitions of the Mordvins. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniĭ RAN* = Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences. 2018;11;1:98–104. (In Russ.). DOI: 10.22162/2075-7794-2018-35-1-98-104.
13. Rogachev VI, Vaganova EN, Mingazova LI. The vegetal code functioning in the traditional culture of the peoples of the Volga Region (on the example of the folklore of the Mordva-Erzya and Moksha). *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniĭ* = Yearbook of Finno-Ugric Studies. 2019;13;3:439–445. (In Russ.). DOI: 10.35634/2224-9443-2019-13-3-439-445.
14. Slesareva TP. Semantics of the folkloric epithets in bylina texts. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. A. Gumanitarnye nauki* = Herald of Polotsk State University. Series A. Humanity sciences. 2011;2:121–124. (In Russ.)
15. Shakhov PS, Zubov IV. Funeral and memorial lamentations of Erzya Mordvins of Zalesovskoe Prichumyshe: functional and semantic aspect. *Kritika i semiotika* = Critique and Semiotics. 2021;2:273–296. (In Russ.). DOI: 10.25205/2307-1737-2021-2-273-296.
16. Iurchenkova NG. The tradition of the existence of lamentations among the eastern Finno-Ugric peoples. *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviia* = Bulletin of the Research Institute for the Humanities under the Government of the Republic of Mordovia. 2021;3:114–122. (In Russ.)

Submitted 28.11.2021; reviewing 12.12.2021; accepted 13.01.2022.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

E. N. Vaganova – Candidate Sc. {Philology}, Associate Professor, Department of German Philology, National Research Mordovia State University, waganowa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8941-846X>

Определение диалектной принадлежности карельского языкового материала «Проводника и переводчика по отдаленнейшим окраинам России» А. В. Старчевского

Ирина Петровна Новак
Светлана Викторовна Нагурная

*Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН,
Петрозаводск, Россия*

Введение. Статья посвящена исследованию карелоязычных материалов, представленных в лексикографическом издании конца XIX в. «Проводник и переводчик по отдаленнейшим окраинам России» А. В. Старчевского. Наряду с другими немногочисленными ранними печатными изданиями, содержащими карельский языковой материал, данный труд представляет интерес для исследователей с точки зрения определения источниковой базы используемой лексики и выявления ее диалектной принадлежности.

Материалы и методы. Источником исследования послужил языковой материал издания, сгруппированный по разделам: отдельные слова, разговорные фразы, краткий грамматический очерк. Использован филологический метод, а также приемы внешней и внутренней реконструкции сравнительно-исторического метода.

Результаты исследования и их обсуждение. В ходе проведенного анализа удалось выяснить, что языковой материал издания является разнодиалектным и для его разделов были использованы различные источники. Определение источников позволило установить диалектную принадлежность опубликованного языкового материала. Авторами перечисляются основные фонетические, морфологические и лексические маркеры, позволяющие сделать вывод относительно его диалектного происхождения.

Заключение. В качестве основных источников карельской лексики для русско-карельского словаря послужили изданные несколькими годами ранее карело-финский словарь из исследования А. Генетца "Tutkimus Aunuksen kielestä", отражающий ливвиковские и соседние с ними собственно карельские говоры Приграничной Карелии, и карельско-русский букварь «Родное карельское» А. Толмачевской, написанный на толмачевском диалекте карельского языка. Ряд ярких диалектных маркеров указывает на собственно карельское происхождение материалов двух других карелоязычных разделов работы А. В. Старчевского.

Ключевые слова: А. В. Старчевский, карельский язык, диалект, фонетический вариант, графическая система

Благодарности: Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания Карельского научного центра РАН № 121070700122-5 «Фундаментальные и прикладные аспекты исследования прибалтийско-финских языков Карелии и сопредельных областей».

Для цитирования: Новак И. П., Нагурная С. В. Определение диалектной принадлежности карельского языкового материала «Проводника и переводчика по отдаленнейшим окраинам России» А. В. Старчевского // Финно-угорский мир. 2022. Т. 14, № 1. С. 20–32. DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.01.20-32.

Введение

Основным источником для изучения карельской диалектологии до настоящего момента преимущественно служили полевые записи, самые ранние из которых были сделаны финляндскими лингвистами в XIX в. В последнее время внимание уделяется также исследованию старописьменных памятников карельского языка, как давно известных [5–8; 14–16; 19], так

и вновь обнаруженных [12]. Каждый из этих памятников является важным звеном в процессе изучения истории языка и его диалектного разнообразия.

Одним из источников опубликованных карельских языковых материалов стал вышедший в 1889 г. в Санкт-Петербурге второй том лексикографического издания «Проводник и переводчик по отдаленней-

шим окраинам России»¹, составителем которого выступил А. В. Старчевский – «журналист, историк русской литературы, переводчик и публицист» [13, 39]. Деятельность ученого, связанная с лексикографией, была довольно обширной². Альберт Викентьевич редактировал первое оконченное энциклопедическое издание на русском языке – Справочный энциклопедический словарь в 12 томах (1847–1855), а в 1855 г. приступил к составлению различного рода словарей, разговорников и переводчиков³ [20, 174–175].

«Проводник...» был опубликован в двух томах, первый (1888) содержал материалы по 24 языкам, второй (1889) – по 44. В предисловии ко второму тому А. В. Старчевский писал: «Перед вами, читатель, окончательный результат тридцатилетних тяжелых, кропотливых и утомительных трудов!»⁴, а в одном из своих последних лексикографических трудов отмечал: «Труды мои оценит только будущее»⁵. Поскольку письменных опубликованных источников в истории карельского языка не так много, каждый из них представляет несомненную ценность для исследования. Сейчас, очевидно, настало время обратиться к труду А. В. Старчевского, ставшему доступным для широкого читателя относительно недавно⁶.

Выбор «Проводника...» А. В. Старчевского для изучения обоснован богатым объемом содержащегося в нем карельского языкового материала и необходимостью его введения в научный оборот. Объект исследования – карелоязычные материалы источника, предмет – их диалектная основа. Цель работы заключается в определении источниковой базы и диалектной принадлежности карелоязычного материала издания.

Основную часть ранних печатных памятников карельской письменности представляют тексты духовного содержания, соответственно внимание исследователей в большей степени фокусировалось на обзоре и анализе опубликованных переводов на карельский язык религиозных текстов⁷. Это уже известные и недавно увидевшие свет исследования языковедов [1; 4; 11; 14] и историков [3; 9].

Помимо духовной литературы к печатным карелоязычным памятникам относятся опубликованные начиная с XIX в. первые учебники, учебные пособия и словари, составленные на разных наречиях карельского языка. Анализ языковых особенностей этих изданий посвящен ряд научных статей [2; 10].

Отдельные образцы письменного карельского языка встречались также в некоторых периодических изданиях конца XIX – начала XX в. Исследования таких текстов единичны [8; 18], поэтому данные печатные фиксации карельского языка еще ждут своего анализа.

Что касается исследования языковых материалов, содержащихся в «Проводнике...» и других лексикографических изданиях А. В. Старчевского, то такого рода работы немногочисленны. Например, О. Л. Сумарокова оценила роль «Проводника...» для развития киргизской и казахской лексикографии: «Каждая из подобных работ, подготовленных представителями российской интеллигенции во II половине XIX – начале XX в., влекла за собой создание для киргизского и казахского языков условий к сохранению и дальнейшему развитию веками накоплен-

¹ См.: Проводник и переводчик по отдаленнейшим окраинам России. Т. 2, заключающий в себе 44 языка: лопарский, карельский [и др.] / сост. по методу Меццофанти А. В. Старчевский. СПб., 1889.

² А. В. Старчевским опубликованы следующие работы: Русский Меццофанти. Руководство, как научиться говорить на иностранном языке в две-три недели. СПб., 1886; Русский морской переводчик во всех портах Азии на 25 языках, служащий также для русских людей, путешествующих по южным и восточным странам Азии. Восточные языки. СПб., 1892 и др.

³ См. об этом: Зотов В. Пятидесятилетие литературной деятельности А. В. Старчевского // Исторический вестник. 1891. № 10. С. 149–155.

⁴ Предисловие // Проводник и переводчик по отдаленнейшим окраинам России. С. III.

⁵ Предисловие // Спутник-толмач по Индии, Тибету и Японии, заключающий в себе языки: индустанский (урду), тибетский, семнадцать тибетских наречий и японский язык / сост. А. Старчевский. СПб., 1891.

⁶ Текст издания доступен по ссылке: <https://www.prlib.ru/item/361051>.

⁷ См.: Mikkola J. Vanha karjalais-venäläinen sanaluettelo // Virittäjä. 1932. Vol. 36. S. 101–104.

ных ими структурных и функциональных качеств; усиление функциональной мощности языков, появление тенденции к их регламентации, а также всплеск научного интереса киргизской и казахской интеллигенции к проблемам родного языка, столетиями находившегося на периферии национальных интересов» [13, 41].

«Проводник...» содержит материалы достаточно редких языков, в том числе мертвых (омокский) и находящихся сегодня на грани исчезновения (ительменский, нанайский и др.). Если в конце XIX в. А. В. Старчевский выдвигал на первый план именно практическое значение своего труда, то в наши дни он представляет ценность с точки зрения фиксации и документации редких языковых материалов.

До настоящего времени анализируемый памятник оставался за рамками исследования карельской диалектологии, если не считать работы обзорного характера. Нами предпринят лингвистический анализ карельского материала словаря и осуществлено его соотнесение с наречиями и диалектами карельского языка.

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили карельские языковые данные, содержащиеся во втором томе «Проводника...» А. В. Старчевского. Они приводятся в виде трех разделов: «Самонужнейшие слова», «Разговорные фразы» и «Грамматический очерк».

Первый из указанных разделов, представляющий собой русско-карельский словарь, состоит из шести подразделов, в которых распределение слов осуществляется согласно частеречной принадлежности: «Глаголы» (482 слова), «Местоимения» (40 слов), «Частицы» (186 слов), «Прилагательные» (225 слов), «Числительные» (81 слово), «Существительные» (1 196 слов). В общей сложности словарь содержит перевод на карельский язык 2 210 понятий. Довольно часто русскому слову дается по два, реже по три карель-

ских соответствия – синонимы или диалектные фонетические варианты одной лексемы. В каждом из подразделов материал подан в алфавитном порядке, используется кириллическая транскрипция⁸.

Во втором разделе приводится перевод разговорных фраз на карельский язык. В общей сложности даны 204 фразы, разбитые на четыре подраздела, которые по семантической характеристике можно условно озаглавить так: «Язык и общение», «Бытовые фразы», «Питание», «Знакомство»⁹.

В третьем разделе представлены основные сведения о словоизменительной системе карельского языка: описаны самые частотные категории склонения существительных и прилагательных (единственное и множественное число; именительный, родительный, дательный, винительный и творительный падежи), степени сравнения прилагательных (сравнительная и превосходная), приводятся падежные формы самых распространенных личных, притяжательных и вопросительных местоимений, а также основные формы спряжения глаголов (начальная форма спряжения, шесть лично-числовых форм настоящего, прошедшего и будущего времени, а также две формы повелительного наклонения)¹⁰.

В процессе исследования в качестве основного применялся филологический метод (включая метод контекстуального анализа), также были привлечены приемы внешней и внутренней реконструкции сравнительно-исторического метода. Для определения диалектной принадлежности языкового материала использованы данные Диалектной базы карельского языка MURREH¹¹.

Результаты исследования и их обсуждение

Поверхностный анализ карельского лексического материала «Проводника...» в совокупности позволяет сделать вывод о различных источниках данных, послуживших базой для разделов, в связи с чем целесообразно рассмотреть их по отдельности.

⁸ См.: Проводник и переводчик по отдаленнейшим окраинам России. С. 28–60.

⁹ Там же. С. 547–551.

¹⁰ Там же. С. IV–V.

¹¹ URL: <http://murreh.krc.karelia.ru> (дата обращения: 06.09.2021).

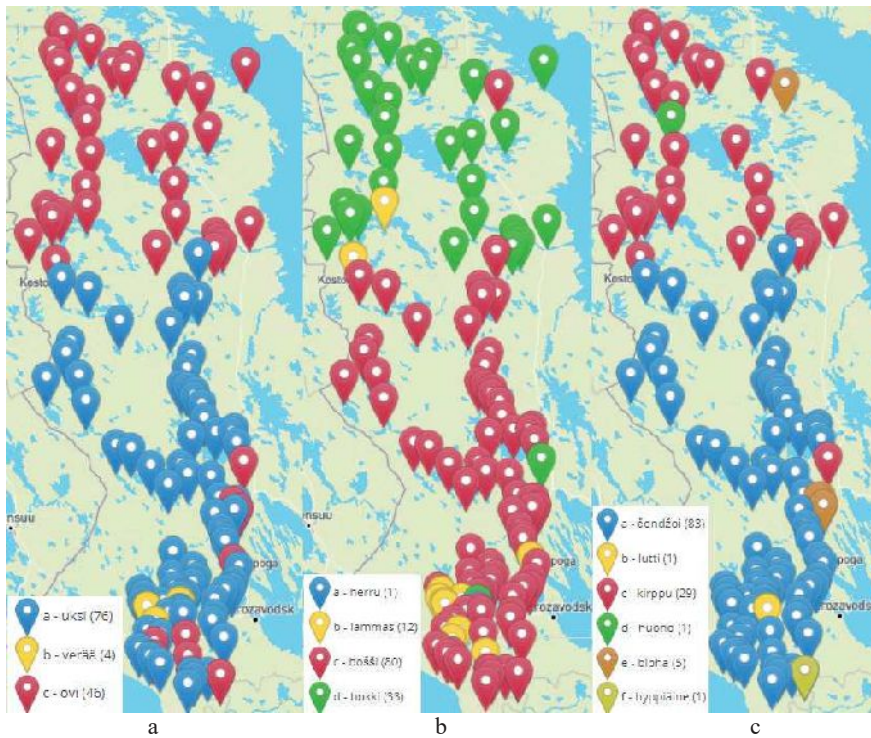

Рисунок. Распределение карельских соответствий понятий «дверь» (а), «баран» (b) и «блоха» (с) согласно данным Дialeктной базы карельского языка MURREH

Figure. Distribution of Karelian correspondences of the concepts: “door” (a), “ram” (b) and “flea” (c) according to the MURREH Karelian Dialect Database

Диалектная специфика русско-карельского словаря

Объем лексических данных русско-карельского словаря «Проводника...» достаточен для определения диалектной принадлежности материала. Для значительной части понятий в нем представлено несколько диалектных вариантов звучания одной и той же лексемы, а в ряде случаев – даже отличные лексемы, восходящие к разным наречиям карельского языка¹². Например, понятие «дверь» в словаре дается как *уксэ* и *ови*, при этом первая лексема преимущественно характерна для ливвиковского и людиковского наречий карельского языка, а также соседних с ними южнокарельских говоров собствен-

но карельского наречия, тогда как вторая – для собственно карельских говоров севера Карелии и Центральной России. Понятие «баран» переводится ливвиковской лексемой *боишии*, понятие «блоха» – собственно карельской *кирпут* (рисунок).

Понятие «вечер» представлено в словаре вариантами *ильда* и *энтя*, первый из которых присущ южнокарельским диалектам собственно карельского наречия, а второй – говорам карельского языка Приграничной Карелии. Из двух фонетических вариантов перевода понятия «голод» огласовка первого *нялгя* свойственна южнокарельским диалектам собственно карельского наречия, в то время как конечный гласный варианта *нялгю* указывает на его ливвиковское происхождение¹³.

¹² В карельском языке принято выделять три основных наречия, существенные отличия между которыми обнаруживаются на всех языковых уровнях: в фонетике, грамматике, лексике и т. д. Речь идет о собственно карельском наречии, носители которого проживают в северной и средней Карелии и Центральной России (тверские и тихвинские говоры), а также о сложившихся в результате вепско-карельского контактирования ливвиковском (на перешейке между Ладожским и Онежским озерами) и людиковском (узкой полосой на востоке от ливвиковского наречия вдоль Онежского озера) наречиях [17, 21–29].

¹³ См.: Zaikov P. Karjalan kielen murteet. Петрозаводск, 2017. S. 15–16.

Базой для русско-карельской словарной части «Проводника...», очевидно, послужили материалы, представляющие разные наречия и диалекты карельского языка. В предисловии составитель пишет: «Все, что добыла наука с начала прошлого столетия вплоть до 1890 года, все это не прошло мимо моих рук и сделалось теперь доступным не для одних ученых, а для каждого грамотного русского человека», давая понять, что в качестве основы для труда были использованы ранее изданные работы. При этом, однако, он не может «прибегать к ссылкам, указывающим, что и откуда... заимствовано», оправдывая это практической направленностью труда¹⁴.

Сравнительный анализ материалов словаря с изданиями на карельском языке, увидевшими свет до опубликования «Проводника...», позволяет определить основные источники языковых данных. Таковыми явились исследование финляндского лингвиста А. Генетца “*Tutkimus Aunuksen kielestä*” («Исследование языка олонечских карелов»; 1885), содержащее достаточно подробный карело-финский словарь¹⁵, и карельско-русский букварь «Родное карельское» (1887) А. Толмачевской¹⁶. Для доказательства предложенной гипотезы проведем сравнение словарных материалов указанных источников на примере перевода некоторых понятий, начинающихся на букву *с* (табл. 1).

Как наглядно показывают материалы таблицы, источник большей части лексического материала русско-карельского словаря из «Проводника...» А. В. Старчевского – карело-финский словарь А. Генетца. Доказательством является полное совпадение большого числа лексем, в том числе приведенных в первоисточниках основ, например: *Täivaha* – *taivaha* (начальная форма *taivas*) ‘свет’, *Tuohukse* – начальная форма *tuohus* ‘свеча’, *Kozichčэ* – *kozitše* (начальная форма *kozita*) ‘сватать’, *haravoiččэ* – *haravoitše* (начальная форма *haravoija*) ‘сгребать’.

Составителем словаря была произведена транслитерация материалов А. Генетца на кириллицу, однако при наборе были допущены незначительные опечатки, которые можно проследить и в представленном в качестве примера фрагменте словаря: *Иче-пюндя* < *ite-püüdäjä* ‘самолов’, *Шарахпана* < *šarahpana* ‘сарафан’. Палатализация передается мягким знаком: *Салатьми* < *salat’i* ‘салакушка’, *Свадьбо* < *svoad’bo* ‘свадьба’. Написание сложных слов через дефис сохраняется: *Сало-матка* < *salo-matka* ‘саламата’, *Иче-пюндя* < *ite-püüdäjä* ‘самолов’, *Киви-руччу* < *kivi-rutçu* ‘скала’. Присутствует некоторое количество ошибочных переводов, например «спрашивать» – *чумутта* < *tumutta* – ‘бросать’ у Генетца, «спрятать» – *малмма* < *talmta* ‘долото’, «стареть» – *ньеаритта* < *n’eärittä* – ‘раздражать’, «серб» – *сiegла* < *siegla* ‘сито’. Понятие «сирота» переводится как *артуга*, при этом в словаре Генетца *artuga* ‘ртуть’, но чуть выше на странице приведено слово *armoittoma* ‘сирота’. «Скакать» дано как *хюнню*, притом что у Генетца *hüppi*-, а ниже приводится *hüppi* ‘прыжок’. Несовпадение *севои* < *sevoitta* – ‘смешать’ также может являться следствием опечатки.

Работа А. Генетца “*Tutkimus Aunuksen kielestä*” основана на материалах, собранных в Тулмозерской, Ведлозерской, Сямозерской волостях во второй половине XIX в., т. е. на ливвиковских материалах. В предисловии составитель отмечает, что, «возможно, в словарь попали некоторые карельские слова из волостей Импилахти и Суоярви»¹⁷, карелы западных частей которых являлись носителями южнокарельских говоров собственно карельского наречия.

Очевидно, словарь из букваря А. Толмачевской также мог быть использован А. В. Старчевским в качестве дополнительного источника материала, о чем свидетельствует довольно большой процент совпадения слов, в том числе ошибочно приведенных в букваре словоформ в качестве начальной формы слова, например:

¹⁴ См.: Проводник и переводчик по отдаленнейшим окраинам России. С. III.

¹⁵ См.: Genetz A. *Tutkimus Aunuksen kielestä*. Helsinki, 1885. S. 35–118.

¹⁶ См.: Толмачевская А. Родное карельское. Карельско-русский букварь для легчайшего обучения грамоте карельских детей. М., 1887. С. 62–64.

¹⁷ Genetz A. Op. cit. S. V.

Таблица 1. Сопоставительный анализ карельских словарных материалов
в словарях Старчевского, Генетца и Толмачевской*

Table 1. Comparative analysis of Karelian vocabulary materials
in the dictionaries of Starchevsky, Genetz and Tolmachevskaya

Старчевский / Starchevsky		Генетц / Genetz	Толмачевская / Tolmachevskaya	Старчевский / Starchevsky		Генетц / Genetz	Толмачевская / Tolmachevskaya
Понятие / notion	Перевод / translation			Понятие / notion	Перевод / translation		
Имена существительные / Nouns				Глаголы / Verbs			
Садъ	Саду		Саду	Сватать	Козиччэ	kozitte-	
Сажа	Ноге	noge, nogi	Ноги	Сверлить	Онггурда, сверли	ongurda- averl'i-	
Сажень	Сюле, юскя	süle, sül'i, üskä, üskü		Сгребать	Һаравойччэ	haravoitte-	
Сала- кушка	Салатьмъи	salat'ï'i		Сдѣлать	Луадічеты	load'i-	
Саламата	Сало- матка	salo-matka, salo-matku		Сдѣлаться	Луадіэччэ		
Салдаты	Салдатта	saldatta, saldattu		Сердить	Сэяндю	seändü-	
Сало	Разва, ражва	razva, razvu	Ражва	Сердиться	Вигаізче		
Самоваръ	Самаваара	samavaara, samavaaru		Сидѣть	Исту	istu-	Истумахъ
Самоловъ	Иче-пюндя	ite-püüdäjä, ite-püüdäji, ite-püüdäj		Сказать	Нунутта- шануо, сано	nunutta- sano-	Шануо
Сапоги	Шуанпуат		Шуанпуатъ	Скакать	Камахутта, һюппю	kamahutta- hüppi-	
Сарай	Сарай	sarai		Скрести, скрѣбать	Скабличчэ	skabl'itte-	
Сарафанъ	Шараһпана	šarahpana, šarahpan		Скрывать, скрыть	Пэйттия, пэйттеля	peittä-	
Сахаръ	Соахари, зуахару	soaxar'ï	Зуахару	Скрыться	Пэйтяччэ		
Свадьба	Свадьбо	svoad'bo		Скучать	Игявöйччэ	igävöitte-	
Свать	Кози	kozi		Служить	Пальвеле, служжи	palvele- sluuzi-	
Свая	Свая	svaja		Случаться	Тапахту	tapahtu-	
Свекоръ	Буатюшка		Буатюшка	Слыхать, слышать	Кууле, куула	kuule-	Куула
Свекровь	Надо, муатушка	nado	Муатушка	Смотрѣть	Сильмея	silmeä-	
Сверло	Сверла	sverla, sverlu		Смѣкать, смѣть	Смѣти	smiet'ï'i-	
Сверчокъ	Чирка	tirkka, tirkku	Чирка	Смѣшать	Севои	sevoitta-	
Свинья	Сиуга	siiga, siigu		Смѣяться	Нагру	nagra-	Нагруа
Свобода	Юудава	joudava, joudavu, joudav		Снять	Гейти	heittä- heitti	Гейтиа
Сваякъ	Сваякка	svajakka, svajakku		Собирать	Пойми, керя- вю, кирасте	poimi- kerävü-	
Свѣтъ	Пяйвя	päivä	Пяйвя	Собираться	Керявöю		Керявöюмахъ
Свѣтъ	Тайваһа, вальгевуо, валкие	taivaha, taivas, valgevuoi, valgie, valgevus, valgei		Совершить	Пиды	pidä-	
Свѣча	Туохуксэ, туоһуи	tuohukse, tuohus	Туогушъ	Совѣтовать	Совѣтуйчче	sovietuitte-	
Святое причастіе	Пюгят		Пюгятъ	Согрѣвать	Пейтмтэле	peittele-	
Священ- никъ	Паппи	rappi	Паппи	Согрѣшить	Ряһкявут		
Священ- ничество, духовен- ство	Паппиһуо	rappihuo		Содержать	Тарвиччэ	tarvitte-	

*В табл. 1 серым цветом залиты ячейки, демонстрирующие совпадения из словаря Старчевского с лексическим материалом из двух других источников.

платьят < *платьятъ* (начальная форма *plat'ja*) 'платье', *орагат* < *орагатъ* (начальная форма *oraš*) 'озимь' (у Генетца *oraha*, *oras*), *вуаттыэт* < *вуаттыэтъ* (начальная форма *vuate*) 'одежда' (у Генетца *voattehe*, *voateh*), или раздельное написание сложных слов: *илда пняйвя* < *илда пняйвя* 'вечер'. Обращает на себя внимание зафиксированная в обоих словарях твердая огласовка отдельных звуков, что характерно для тверских говоров, например: *рысти* < *рысти* 'крест', *рыhma* < *рыгма* 'нитка', *кондыэ* < *кондые* 'медведь'.

Составителем «Проводника...» были осуществлены некоторые замены, например изъята графема «ер» в позиции конца слова: *туоһуи* < *туоһуиш* 'свеча', *пюгят* < *пюгятъ* 'святое причастие'; в ряде случаев произведено усечение восходящего дифтонга формы I инфинитива глаголов, на что могло повлиять представительство начальной формы слова в словаре Генетца: *нагру* < *нагруа* 'смеяться' (у Генетца *nagra*-), *гейти* < *гейтия* 'снять' (у Генетца *heittä*-). Последний пример отсылает к словарю Толмачевской также ошибочное использование слабой ступени чередования *tt : t*. Отдельные глагольные формы, наоборот, в отличие от словаря Генетца указаны без изменения конечного гласного компонента начальной формы: *пёльляштюо* < *пёльляштюо* 'струсить' (у Генетца *pöllästy*-), *фатъмие* < *фатъмие* 'схватить' (у Генетца *fat't'i*-).

Карельско-русский букварь «Родное карельское» был составлен учительницей начальной народной школы с. Никольское-Тучевское Бежецкого уезда. По словам А. Толмачевской, «букварь составлен на местном карельском наречии, которое почти не имеет существенных различий во всей Тверской губернии...»¹⁸, т. е. речь идет о толмачевском диалекте собственно карельского наречия.

Редкие лексемы на карельском языке из «Проводника...», для которых не обнаружено соответствия в указанных словарях, вероятно, были выбраны составителем из переводных памятников карельской письменности второй половины XIX в. Так,

перевод религиозной лексики по многим пунктам совпадает с изданием «Начатки христианского учения на карельском и русском языках», переведенным А. Логинским на ливвиковское наречие¹⁹, например: *Пюгян Нейдызён Благовешенню* 'благовещение пресвятой девы' < *Пүгән Нейдызён Благовешенню* (у Толмачевской *Благовѣщеніе пресвятойла тютѣлля*), *Христан Элявюндю* 'воскресение господне' < *Христанъ эләвүндү* (у Толмачевской *Элавунунъ Господинъ*), *Пюгян һэнген алах-тулөндю* 'сошествие святого духа' < *Пүгән Генкенъ алахъ-тулөндю* (у Толмачевской *Туломине Святойда Духуа*), *Пиэзөндä* 'спасение' < *piäzöndä* (у Толмачевской *Спуасенье*). Приведенные примеры указывают и на совпадение графических особенностей, проявившихся в использовании грависа над *e*, что не характерно для остальных привлеченных к сравнению источников. Перевод отдельных понятий также мог быть подобран из названного выше издания, например: *валкье* 'свет', *пейтөлля* 'скрывать', *пидыä* 'совершить', *олла вайвась* 'страдать'.

Кроме того, источником словарного материала могли послужить и собственные записи составителя, очевидно имеющие тверское карельское происхождение, как и материалы двух других карелоязычных разделов «Проводника...». На это указывает совокупность маркеров: фонетических (система дифтонгов, дистрибуция переднеязычных щелевых согласных и пр.) и словообразовательных (показатель возвратности глагола), например: *пюгя кирьютуиш*, *серча*, *луадіэччэ*, *пэйтяччэ*, *ряһкявут* (ср. т. к.: *pyhäkirjutus* 'Священное Писание', *serča* 'сердце', *luadiečie* 'сделаться', *peittiäčie* 'спрятаться', *riähkeydyö* 'согрешить').

Диалектная специфика переводов разговорных фраз и грамматического очерка

В сравнении со словарной частью издания разделы «Разговорные фразы» и «Грамматический очерк» не отличаются последовательной системой отражения

¹⁸ Толмачевская А. Родное карельское. Карельско-русский букварь для легчайшего обучения грамоте карельских детей. М., 1887. С. 2.

¹⁹ См.: Начатки христианского учения на карельском и русском языках. СПб., 1882.

звук, что в некоторой степени затрудняет восстановление фонетического прототипа лексем. Речь, в частности, идет об отсутствии фиксаций гортанного [h] во всех позициях в слове, например: Юва ‘хороший’, яндях ‘его’, ормикси ‘по-русски’, юёе ‘они’, туоуш ‘свеча’, вирайх азей ‘в чужие дела’ (ср. т. к.: *hyvā, händäh, hormiksi, hyö, tuohuš, vieraih azeih*). Следует отметить также наличие большого числа ошибок/описок, возможно допущенных уже на этапе набора издания, например: *шавлаш* ‘тебе’, *шоно* ‘говори’, *понимайчешч* ‘ты понимаешь’, *шануочов* ‘называться’, *кола* ‘рыба’; параллельно приводятся правильно записанные формы *шивлаш, шано, понимайчет, шануочов, кала*. Присутствует и некоторое число неточных переводов. Так, фраза «Я жду денег от моих родных» переведена как *Мие вуотан омиста родниста* (букв.: «Я жду от моих родных»); фраза «Тебя-то я и ищу» – как *Шилмаш и эпитях (эчитях)* (букв.: «Тебя и ищут»).

Лингвистический анализ материала раздела позволяет уверенно говорить о его собственно карельском происхождении. Высказанное предположение подтверждают следующие основные диалектные маркеры:

- конечная огласовка именных и глагольных словоформ на [a], [ä]: *юмала* ‘бог’, *пъжъя* ‘прачка’, *пйивиня* ‘на днях’, *свижойда войда* ‘свежего масла’, *лягеммя* ‘пойдем’, *качемма* ‘посмотрим’, *отатта* ‘возьмете’;

- конечная огласовка показателя транслатива на [i]: *ормикси* ‘по-русски’, *карилакиши* ‘по-карельски’;

- начальная огласовка вспомогательного глагола в форме повелительного наклонения: *эля мгышайчичь* ‘не вмешивайся’;

- сохранение дифтонга на [i] в позиции перед свистящим согласным: *муйсан* ‘помню’;

- наличие качественного вида альтернации смычно-взрывных согласных, вы-

ступающих в глухой фонетической позиции: *ашишу* ‘иди’, *ошиша* ‘купи’, *лашише* ‘пусти’, *иссу* ‘сиди’, *тагон* ‘хочу’;

- собственно карельская система местных падежей: *газиташиа* ‘в газете’, *линнашиа* ‘в городе’ (инессив), *мивишта* ‘от меня’, *омиста родниста* ‘от моих родных’ (элатив), *иччилядя* ‘от себя’ (аблатив), *становойла* ‘становому’, *ахоттулла* ‘на охоту’ (адессив-аллатив);

- огласовка личных местоимений: *миэ* ‘я’, *шиэ* ‘ты’, *дян* ‘он’;

- форма II причастия актива на *-нип*: *эн понимайнун* ‘я не понял’.

Звонкое фонетическое оформление парных согласных: *шигуа* ‘поросенка’, *мидя* ‘что’, *абу* ‘помощь’, *рубьен* ‘буду’, *вийзи* ‘пять’ – отсылает к южнокарельским диалектам собственно карельского наречия [17, 27–29].

Распределение свистящих и шипящих согласных (*шиэ* ‘ты’, *карилакиши* ‘по-карельски’, *пагизишиь* ‘говорил бы’, *новже* ‘вставай’, *сюльгэ* ‘плюнь’, *кюжють* ‘спрашиваешь’, *Пъже мушат шоват* ‘Выстирай грязное белье’) сужает зону до юшкозерских, тунгудских, ругозерских, северных паданских и говоров Центральной России (тверских, тихвинского и валдайского)²⁰.

Система восходящих дифтонгов (*луайн* ‘сделал’, *тулгуа* ‘ступайте’, *калуа* ‘рыбы’, *яичиа* ‘яиц’, *ювья майдуа* ‘хорошего молока’, *кивгуа* ‘печь’, *вуашуа* ‘кваса’) позволяет изъять из рассмотрения северные паданские и валдайский говоры²¹.

Использование рефлексивных глаголов со словообразовательным суффиксом *-ше* (*шануочов* ‘называться’, *эля мгышайчичь* ‘не вмешивайся’, *истуочекуа* ‘садитесь’, *элятлачье* ‘поселиться’) сужает круг поисков до тверских и тихвинских говоров карельского языка Центральной России²². Именно для данных говоров характерно и употребление лексемы *орма* ‘русский’²³.

Исследование лексического пласта анализируемого раздела «Проводника...»

²⁰ См.: Бубрих Д. В., Беяков А. А., Пунжина А. В. Диалектологический атлас карельского языка. Хельсинки, 1997. К. 74–99.

²¹ Там же. К. 4–26.

²² Там же. К. 164–172.

²³ См.: Karjalan kielen verkkosanakirja. URL: http://kaino.kotus.fi/cgi-bin/kks/kks_etusivu.cgi (дата обращения: 25.08.2021).

Таблица 2. Именная словоизменительная система, представленная в «Грамматическом очерке»*

Table 2. Nominal inflectional system presented in the “Grammar Notes”

Номинатив / Nominative	Партитив / Partitive	Аккузатив / Accusative	Адессив-аллатив / Adessive-allative	Комитатив / Comitative	Эссив / Essive
<i>рыстиканжа</i> ‘человек’ / a person	<i>рыстиканжуа</i>	<i>рыстиканжан</i>	<i>рыстиканжала</i>	<i>растиканжанкера / рыстиканжойнкера</i>	
<i>найне / найзътъ</i> ‘женщина’ / a woman	<i>найста</i>	– / <i>найзътъ</i>	<i>найзълла / найзила</i>	<i>найзенкера / найзинкера</i>	
<i>равваш</i> ‘народ’ / a nation	<i>раввашта</i>	<i>равваалла</i>		<i>равванкера</i>	
<i>валгіз / валгит</i> ‘белый’ / white	<i>валгізда / валгізиз</i>	– / <i>валгіот</i>	<i>валгилла</i>	<i>валгинкера</i>	<i>валгина</i>
<i>міз</i> ‘я’ / I			<i>мивла</i>	<i>мивнкера</i>	
<i>шіз</i> ‘ты’ / you			<i>шивла</i>	<i>шивкera</i>	
<i>ян</i> ‘он’ / he		<i>янен</i>	<i>янеля, янеля</i>	<i>яненкера</i>	
<i>моо</i> ‘мы’ / we		<i>міат</i>		<i>мейнкера</i>	
<i>тюо</i> ‘вы’ / you		<i>тіат</i>	<i>тййля</i>	<i>тейнкера</i>	
<i>һуо</i> ‘они’ / they	<i>эидях</i>	<i>эат</i>	<i>эйилях</i>	<i>эинкера</i>	
<i>ома</i> ‘свой’ / oneself	<i>омуа</i>		<i>омала</i>	<i>оманкера</i>	
<i>кен</i> ‘кто’ / who	<i>кедя</i>		<i>келья</i>	<i>кененкера</i>	
– ‘что’ / what	<i>мидя</i>		<i>милля</i>		<i>миняһ</i>
<i>кумбанъ</i> ‘который’ / which	<i>кумбастя / кумбазіз</i>		– / <i>кумбазила</i>	<i>кумбазенкера / кумбазинкера</i>	
<i>митюняне / митюнязетъ</i> ‘какой’ / which	<i>митюнястя</i>		<i>митюля</i>	<i>митюнэзенкера / митюнзинкера</i>	

*В табл. 2 за косой чертой приведены формы множественного числа.

указывает на тверское карельское происхождение памятника. Об этом говорят слова *тіян руках* ‘по-вашему’, *весьма* ‘очень’, *перафатка* ‘завтрак’ и особенности огласовки отдельных лексем: *ка-рилакиши* ‘по-карельски’, *вяліян* ‘скоро’²⁴, не зафиксированные в других говорах. О тверском происхождении материалов свидетельствует также использование послеложной конструкции иллатив + *näh* для выражения объекта разговора, мысли (*Міз нях юе пайсах?* ‘О чем они говорят?’).

Объем грамматического очерка карельского языка, представленного в «Проводнике...», достаточно скромный для того, чтобы сделать более определенные выводы относительно диалектной принадлежности используемого для его написания материала. Однако вполне определенно можно сказать, что речь идет о южнокарельском диалекте собственно карельского наречия. На это указывает огласовка показателей партитива *-tal/-тя*, *-dal/-дя*, адес-

сива-аллатива *-la/-ля*, *-lla* и эссива *-na/-ня* (табл. 2) и лично-числовых окончаний 1-го и 2-го лица множественного числа *-mma*, *-mtta*, а также наличие особых показателей имперфекта 1-го и 2-го лица множественного числа *-ma*, *-я* (табл. 3).

Вполне вероятно, что для описания грамматической системы карельского языка в «Проводнике...» был использован тот же источник, что и для разговорных фраз, т. е. тверской карельский диалектный материал. Это подтверждает и наличие в обоих разделах сходных графо-фонетических систем.

Заключение

Анализ карельского языкового материала «Проводника...» А. В. Старчевского позволяет сделать вывод о его разнодиалектной специфике. Для раздела «Самонужнейшие слова», с одной стороны, и разделов «Разговорные фразы» и «Грамматический очерк» – с другой, составителями были использованы раз-

²⁴ См.: Karjalan kielen verkkosanakirja. URL: http://kaino.kotus.fi/cgi-bin/kks/kks_etusivu.cgi (дата обращения: 25.08.2021).

Таблица 3. Глагольная словоизменительная система, представленная в «Грамматическом очерке»

Table 3. The verbal inflectional system presented in “Grammar Notes”

Наклонение / Mood	Лично-числовая форма / Personal number form	‘Быть’ / To be			‘Писать’ / To write		
Индикатив / Indicative		Презенс / Present	Имперфект / Imperfect	Футурум / Futurum	Презенс / Present	Имперфект / Imperfect	Футурум / Futurum
	1 л. ед. ч.	олън	олин	лѣзнен	кирьютан	кирьютын	рибин кирьюттамах
	2 л. ед. ч.	олет	олит	лѣзнет	кирьютат		
	3 л. ед. ч.	он	оли	линев	кирьюттав		
	1 л. мн. ч.	оломма	олима		кирьютамма	кирьютыма	рубимма
	2 л. мн. ч.	олътта	олія	линеття	кирьютата	кирьюттыя	рубитта
	3 л. мн. ч.	олах	олдых	лѣтях	кирьютамахн	кирьюттыяхн	рувътах
Императив / Imperative	2 л. ед. ч.	олъ			кирьюта		
	2 л. мн. ч.	олгуа			кирьютакуа		

личные источники. Так, в качестве основных источников карельской лексики для русско-карельского словаря послужили изданные несколькими годами ранее карело-финский словарь из исследования А. Генетца “Tutkimus Aunuksen kielestä”, отражающий ливвиковские и соседние с ними собственно карельские говоры Приграничной Карелии, и карельско-русский букварь «Родное карельское» А. Толмачевской, написанный на толмачевском диалекте. В качестве дополнительного источника могли быть также использованы опубликованные к тому моменту переводы на карельский язык религиозных текстов.

Наличие ряда ярких диалектных маркеров указывает на собственно карельское происхождение материалов двух других

карелоязычных разделов «Проводника...». Отдельные фонетические и лексические особенности, представленные в переводах разговорных фраз, позволяют с большой долей уверенности говорить об их тверских карельских корнях. Материал для данных разделов, очевидно, был собран составителем от носителя одного из тверских говоров карельского языка.

Анализируемое издание, таким образом, представляет собой ценный источник для изучения истории становления карельских диалектов Верхневолжья.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- ед. ч. – единственное число
- к. – карта
- л. – лицо
- мн. ч. – множественное число
- т. к. – тверские говоры карельского языка

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранцев А. П. Карельская письменность // Прибалтийско-финское языкознание: вопросы фонетики, грамматики и лексикологии: сб. ст. Ленинград, 1967. С. 89–104.

2. Громова Л. Г. Тверские памятники карельской письменности 19 столетия // Folia Uralica Debreceniensia. Debrecen, 2006. С. 29–39.

3. Илюха О. П. Репрезентация «племен» и «народов» в «Олонецких епархиальных ведомостях» // Олонецкие епархиаль-

ные ведомости (1898–1918): библиогр. указ. Петрозаводск, 2018. С. 13–24. URL: <http://illhportal.krc.karelia.ru/publ.php?id=18002&plang=r> (дата обращения: 09.09.2021).

4. Макаров Г. Н. Карельская рукопись полуторавековой давности // Вопросы финно-угорского языкознания: сб. ст. Вып. 2. Грамматика и лексикология. Л., 1964. С. 176–185.

5. Муллонен И. И., Панченко О. В. Первый карельско-русский словарь и его автор

- афонский архимандрит Феофан. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. 116 с.
6. Мызников С. А. О некоторых особенностях вепсско-людиковских заговоров олонцкого сборника // Материалы XXXVIII Международной филологической конференции. Уралистика. СПб., 2009. С. 98–103.
 7. Нагурная С. В. Карельская письменность // Народы Карелии: ист.-этногр. очерки. Петрозаводск, 2019. С. 65–77.
 8. Новак И. П. Богослужебный текст как источник исследования диалектной специфики карельского языка // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 7. С. 90–95.
 9. Пулькин М. В. Православный приход как фактор межэтнического взаимодействия в конце XVIII – начале XX в. (по карельским материалам) // Этнокультурные и этнополитические процессы в Карелии от Средних веков до наших дней: сб. ст. Петрозаводск, 2019. С. 97–120. DOI: 10.17076/ethno0 20.
 10. Родионова А. П. О первом печатном слове на людиковском наречии карельского языка // Ежегодник финно-угорских исследований. 2021. Т. 15, № 1. С. 6–15. DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-1-6-15.
 11. Рягоев В. Д. Начин перевода Евангелия от Матфея на «олонецкое наречие» карельского языка // Прибалтийско-финское языкознание: сб. ст., посвящ. 80-летию Г. М. Керта. Петрозаводск, 2003. С. 170–177.
 12. Савельева Н. В. Неизвестные памятники лексикографии в «Цветнике» Прохора Коломнятина // Русская литература. 2019. № 3. С. 54–63.
 13. Сумарокова О. Л. Вклад «русского Меццофанти» в развитие киргизской и казахской лексикографии // Теоретические и прикладные аспекты развития современной науки: сб. науч. ст. по материалам науч.-практ. конф. Пермь, 2016. С. 39–41.
 14. Тверские переводные памятники карельской письменности начала XIX в. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2020. 295 с.
 15. Helinski E. A Mezen' Nenets glossary and other linguistic data from Sjögren's papers // Linguistica Uralica. 2007. Vol. 43, no. 3. P. 197–210.
 16. Laakso J. Vielä kerran itämerensuomen vanhimista muistomerkeistä // Virittäjä. 1999. Vol. 103, no. 4. S. 531–555.
 17. Novak I., Penttonen M., Ruuskanen A., Siilin L. Karjala kieliopissa: fonetiikan ja morfologian vertaileva tutkimus. Petrozavodsk: KNC RAN, 2019. 477 s.
 18. Patronen O. Rajakarjalaisen sukunimistön kehittyminen osana Suomen karjalankielisen ortodoksivähemmistön suomalaistumista 1818–1925. Helsinki: Helsingin yliopisto, 2017. 529 s.
 19. Saarikivi J. Finnic Personal Names on Novgorod Birch Bark Documents // Topics on the Ethnic, Linguistic and Cultural Making of the Russian North. Helsinki, 2007. P. 196–246.
 20. Wojan K. Wkład Polaków do dorobku światowego słownikarstwa (z językiem rosyjskim w tle) // Studia Rossica Gedanensia. 2016. No. 3. S. 169–202.

Поступила 04.10.2021; одобрена 26.10.2021; принята 13.01.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

И. П. Новак – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора языкознания Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, novak@krc.karelia.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9436-9460>

С. В. Нагурная – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора языкознания Института языка, литературы и истории, Карельского научного центра РАН, kov@krc.karelia.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6233-8045>

Dialectal attribution of the Karelian language in “Guide and translator to remote outskirts of Russia” by A. V. Starchevsky

Irina P. Novak
Svetlana V. Nagurnaya

*Institute of Linguistics, Literature and History,
Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences,
Petrozavodsk, Russia*

Introduction. The article examines the Karelian-language material contained in a late XIX century lexicographic edition “Guide and translator to remote outskirts of Russia” by A. V. Starchevsky. Alongside other few early printed publications containing material in Karelian, this work is of interest for researchers both in terms of the sources from which the vocabulary was derived and from the perspective of its dialectal attribution.

Materials and Methods. The source of the study was the language material of the publication, grouped into sections: individual words, colloquial phrases, a brief grammatical essay. The philological method is used, as well as the methods of external and internal reconstruction of the comparative historical method.

Results and Discussion. The analysis showed the linguistic material belongs to different dialects, and different sections in the edition made use of different sources. Identification of the sources also enabled the dialectal attribution of the published language material. The authors list the basic phonetic, morphological and lexical markers, concluding the origin of the dialect of this material.

Conclusions. The primary sources for the Karelian vocabulary in the Russian-Karelian Dictionary were the published earlier Karelian-Finnish Dictionary based on the study by A. Genetz “Tutkimus Aunuksen kielestä”, which represents the Livvi and the nearby Karelian sub-dialects of the borderland Karelia, and the Russian-Karelian Primary “Native Karelian” by A. Tolmachevskaya, written in the Tolmachevsky dialect of Karelian. Some vivid dialectal markers point to the Karelian Proper origin of the material in two other Karelian-language parts of the work by A. V. Starchevsky.

Keywords: A. V. Starchevsky, Karelian language, dialect, phonetic variant, script

Acknowledgments: The paper was prepared within state assignment of Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences No. 121070700122-5 “Basic and applied aspects of research on Baltic Finnic languages of Karelia and neighbor regions”.

For citation: Novak IP, Nagurnaya SV. Dialectal attribution of the Karelian language in “Guide and translator to remote outskirts of Russia” by A. V. Starchevsky. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2022;14;1:20–32. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.01.20-32.

REFERENCES

1. Barantsev AP. Karelian writing. *Pribaltiisko-finskoe iazykoznanie: voprosy fonetiki, grammatiki i leksikologii: sb. st.* = Baltic-Finnish linguistics: issues of phonetics, grammar and lexicology. Digest of articles. Leningrad; 1967:89–104. (In Russ.)
2. Gromova LG. Tver monuments of Karelian writing of the 19th century. *Folia Uralica. Debreceniensia*. 2006;29–39. (In Russ.)
3. Iliukha OP. Representation of “tribes” and “peoples” in the “Olonets Diocesan Gazette”. *Olonetskie eparkhial'nye ведомosti (1898–1918): bibliogr. ukaz.* = Olonets Diocesan Gazette (1898–1918). Bibliographic index. Petrozavodsk; 2018:13–24. URL: <http://illportal.krc.karelia.ru/publ.php?id=18002&plang=r> (accessed 09.09.2021). (In Russ.)
4. Makarov GN. Karelian manuscript of a century and a half ago. *Voprosy finno-ugorskogo iazykoznanii: sb. st. Vyp. 2. Grammatika i leksikologiya.* = Questions of Finno-Ugric linguistics. Digest of articles. Grammar and lexicology. Leningrad; 1964;2:176–185. (In Russ.)
5. Mullonen II, Panchenko OV. The first Karelian-Russian dictionary and its author, Archimandrite Feofan, Athos. Petrozavodsk; 2013. (In Russ.)
6. Myznikov SA. About some features of the Veps-Ludik conspiracies of the Olonets collection. *Materialy XXXVIII Mezhdunarodnoi*

- filologicheskoi konferentsii. Uralistika* = Proceedings of the XXXVIII International philological conference. Uralistics. Saint-Petersburg; 2009:98–103. (In Russ.)
7. Nagurnaia SV. Karelian writing. *Narody Karelii: ist.-etnogr. ocherki* = Peoples of Karelia. Historical and ethnographic essays. Petrozavodsk; 2019:65–77. (In Russ.)
 8. Novak IP. Liturgical Text as a Source for Studying Dialect Specifics of the Karelian Language. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* = Proceedings of Petrozavodsk State University. 2019;7:90–95. (In Russ.)
 9. Pul'kin MV. Orthodox parish as a factor of interethnic interaction in the late XVIII – early XX century (based on Karelian materials). *Etnokul'turnye i etnopoliticheskie protsessy v Karelii ot Srednikh vekov do nashikh dnei: sb. st.* = Ethnocultural and ethnopolitical processes in Karelia from the Middle Ages to the present day. Collection of articles. Petrozavodsk; 2019:97–120. (In Russ.). DOI: 10.17076/ethno0_20.
 10. Rodionova AP. About the first printed dictionary in the Ludic dialect of the Karelian language. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniĭ* = Yearbook of Finno-Ugric Studies. 2021;15;1:6–15. (In Russ.). DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-1-6-15.
 11. Riagoev VD. Beginning of the translation of the Gospel of Matthew into the “Olonets dialect” of the Karelian language. *Pribaltiisko-finskoe iazykoznanie: sb. st., posviashch. 80-letiiu G. M. Kerta* = Baltic-Finnish linguistics. Collection of articles dedicated to the 80th anniversary of G. M. Kert. Petrozavodsk; 2003:170–177. (In Russ.)
 12. Savel'eva NV. Unknown monuments of lexicography in the Flower Garden by Prokhor Kolomnyatin. *Russkaia literatura* = Russian literature. 2019;3:54–63. (In Russ.)
 13. Sumarokova OL. The contribution of “Russian Mezzofanti” to the development of Kyrgyz and Kazakh lexicography. *Teoreticheskie i prikladnye aspekty razvitiia sovremennoi nauki: sb. nauch. st. po materialam nauch.-prakt. konf.* = Theoretical and applied aspects of the development of modern science. Collection of scientific articles based on the materials of the scientific-practical conference. Permian; 2016:39–41. (In Russ.)
 14. Tver translated monuments of Karelian writing in the early XIX century. Petrozavodsk; 2020. (In Russ.)
 15. Helinski E. A Mezen' Nenets glossary and other linguistic data from Sjögren's papers. *Linguistica Uralica*. 2007;43;3:197–210.
 16. Laakso J. Vielä kerran itämerensuomen vanhimmista muistomerkeistä. *Virittäjä*. 1999;103;4:531–555.
 17. Novak I, Penttonen M, Ruuskanen A, Siilin L. Karjala kieliopissa: fonetiikan ja morfologian vertaileva tutkimus. Petrozavodsk; 2019.
 18. Patronen O. Rajakarjalaisen sukunimistön kehittyminen osana Suomen karjalankielisen ortodoksivähemmistön suomalaistumista 1818–1925. Helsinki; 2017.
 19. Saarikivi J. Finnic Personal Names on Novgorod Birch Bark Documents. *Topics on the Ethnic, Linguistic and Cultural Making of the Russian North*. Helsinki; 2007:196–246.
 20. Wojan K. Wkład Polaków do dorobku światowego słownikarstwa (z językiem rosyjskim w tle). *Studia Rossica Gedanensia*. 2016;3:169–202.

Submitted 04.10.2021; reviewing 26.10.2021; accepted 13.01.2022.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

I. P. Novak – Candidate Sc. {Philology}, Research Fellow, Department of Linguistics, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, novak@krc.karelia.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9436-9460>

S. V. Nagurnaya – Candidate Sc. {Philology}, Senior Research Fellow, Department of Linguistics, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, kov@krc.karelia.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6233-8045>

Выражение залоговых отношений в разноструктурных языках: есть ли залог в венгерском?

Антонина Петровна Гуськова

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россия*

Введение. Статья является продолжением авторского исследования грамматических категорий глагола в венгерском языке в сопоставлении с русским. Предметом изучения в настоящей работе выступает грамматическая категория залога, распространенная в русском и отсутствующая в венгерском языке, а также способы ее передачи при переводе на венгерский язык. Цель работы – проанализировать грамматические формы венгерского и русского глаголов, выражающих залоговые отношения, и установить соответствующие эквиваленты категории русского залога в венгерском языке.

Материалы и методы. Материалом исследования послужила глагольная лексика, взятая из лексикографических работ (словарей венгерского и русского языков), лингвистических и публицистических источников, грамматик венгерского языка. В статье используется как письменная форма современного венгерского языка, так и живая разговорная речь. Методологическую основу исследования составляют работы по общему языкознанию, теории морфологии, способствующие постановке проблемы, определению степени ее разработанности в научной литературе, а также ознакомлению с концептуальными подходами к залогу как неоднозначно трактуемой грамматической категории глагола. При исследовании языковых фактов венгерского и русского языков используются сопоставительно-типологический, синхронно-описательный, функционально-семантический методы.

Результаты исследования и их обсуждение. В ходе исследования было выявлено, с помощью каких способов словоизменительные и словообразовательные средства, выражающие грамматическую семантику категории залога в русском языке, адекватно передают категориальное значение в венгерском, в котором указанная категория отсутствует. Данные сопоставления двух языков помогают обозначить особенности, свойственные каждому из них, что в целом способствует разрешению проблем, связанных с практикой их преподавания. Полученные результаты могут быть полезны при анализе других грамматических категорий на материале различных языков.

Заключение. Несмотря на то что глаголы в венгерском языке не имеют пассивного залога, средства и формы его выражения представлены в нем развитой и разнообразной системой. Проведенное исследование позволяет продвинуться в понимании типологической специфики категории залога и внести определенный вклад в общую теорию этого явления, так как в ее рамках впервые осуществлено изучение форм глагола двух разноструктурных, генетически неродственных языков на основе сопоставительного анализа в грамматическом, семантическом и функциональном аспектах.

Ключевые слова: глагол, грамматические категории, категория залога, парадигма, разноструктурные языки, сопоставительное изучение языков

Для цитирования: Гуськова А. П. Выражение залоговых отношений в разноструктурных языках: есть ли залог в венгерском? // Финно-угорский мир. 2022. Т. 14, № 1. С. 33–43. DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.01.33-43.

Введение

Отсутствие в некоторых языках категории залога признается их типологической особенностью. Как отмечает венгерский лингвист И. Пете, «с типологической точки зрения для оформления пассивных конструкций в разных языках важны: 1) способность глаголов к образованию пассивных конструкций, 2) способы оформления субъекта, 3) способы оформления предиката» [13, 102]. Категории залога нет и в

глагольной системе венгерского языка, что также является его специфической чертой. Венгерским глаголам не свойственна категория залога с оппозицией форм действительного и страдательного залогов. Этот язык не имеет парадигматического оформления страдательного залога. В нем отсутствуют пассивные конструкции, однако преобразование исходной диатезы происходит (см. также [6, 23]).

Большей частью исследователей основными формами категории залога в русском языке признаются актив и пассив. При этом активный залог оценивается как морфологически исходная форма, а пассивный – как форма, морфологически производная. В русском языке существуют два способа образования форм страдательного залога: от причастий и от личных форм глагола. В составе страдательных конструкций с глаголами употребляется имя, стоящее в творительном падеже. Оно является субъектом действия и чаще всего выражается одушевленным именем существительным: *Спортсменом предпринята еще одна попытка покорения высоты*. Страдательный (пассивный) залог означает, что действие направлено на объект, выраженный именительным падежом и являющийся подлежащим: *Высота покорена спортсменом*. В случае пассивной трансформации объект становится подлежащим, субъект же – косвенным дополнением, стоящим в творительном падеже, т. е. подлежащее в пассивной конструкции – это прямое дополнение в активной конструкции: *Спортсмены покоряют высоту – Высота покоряется спортсменами*.

Формами пассива являются формы глагола 3-го лица (единственного и множественного числа). В русском языке страдательный залог в личных формах образуется синтетически. Следует добавить, что вид русского глагола влияет на оформление предиката в пассивной конструкции: если глагол несовершенного вида, то при образовании пассивной формы используется постфикс *-ся*; если же глагол совершенного вида, то залоговая форма используется со вспомогательным глаголом *быть*, который в настоящем времени не употребляется: *Работа была выполнена – Работа выполнена* (см. также [7]).

В венгерском языке конструкций, подобных русским, нет, однако способов передачи на венгерский язык русских залоговых значений – в рамках синтаксиса простого предложения – существует мно-

го: с помощью словообразовательных суффиксов, причастных конструкций с пассивным значением, местоименных глаголов и др. Тем не менее одним из главных приемов перевода на венгерский язык русских страдательных конструкций венгерский языковед А. Шальга считает их передачу с помощью действительных оборотов, например: «Задание выполняется учащимися» – *A hallgatók megoldják a feladatot*; «Дом строится двумя бригадами рабочих» – *A házat két munkásbrigád építi* [17, 103].

Обзор литературы

В современной лингвистике в понятие залога исследователями вкладывается разное, иногда противоречивое содержание. По свидетельству В. С. Храковского, в русистике концепции залога различаются определениями залога, количеством выделяемых форм залога и их качественной характеристикой, выявлением семантической однородности/неоднородности форм залога, характера залоговых оппозиций, специальной глагольной лексики, охватываемой категорией залога¹. Относительно единодушного мнения языковеды достигли в вопросе о залоговых преобразованиях, которые обуславливаются, как правило, семантикой глаголов. При этом в различных языках залоговые преобразования имеют формальные особенности и рассматриваются главным образом в рамках синтаксиса простого предложения.

Для решения проблемы залога в разноструктурных языках в специальной литературе поднимаются также вопросы выделения основных типов пассивных конструкций, обозначения главных членов предложения, описания семантических связей между членами предложения и др. К числу нерешенных можно отнести и вопрос о грамматической сущности категории залога: являются ли залоговые образования морфологическими формами глагола или же синтаксическими структурами? Многие современные грамматисты отрицают залог как морфологи-

¹ См.: Храковский В. С. Залог // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 160–161.

ческую категорию и признают, что залоговые отношения (субъектно-объектные трансформации) должны исследоваться в сфере синтаксиса, а не морфологии глагола. Еще В. В. Виноградов писал, что залог лежит за пределами морфологии слова [2, 518]. Широко распространена и точка зрения, согласно которой залог находится в пограничном пространстве между грамматикой, лексикой и синтаксисом.

Неоднозначные трактовки залога и существующая в лингвистике терминологическая неопределенность привели к различным подходам в решении некоторых теоретических проблем залога. Так, И. А. Мельчук и А. А. Холодович, опираясь на понятие диатезы, рассматривали залоговость через соответствия между синтаксическими и семантическими составляющими предложения [12, 117]. Изменение соотношения между семантическими (субъект, объект) и синтаксическими (подлежащее, дополнение) актантами определяется понятием «диатеза». Диатеза и залог – соотносительные понятия разных уровней. Будучи семантико-синтаксической категорией, диатеза является универсальной, в отличие от залога, который представляет собой грамматически маркированную диатезу; иными словами, залог – категория морфологическая и не универсальная. Любая глагольная лексема в любом языке имеет одну диатезу. Как подчеркивает В. Г. Гак, «залог в лингвистике трактуется широко и узко: в первом случае он совпадает с понятием диатезы, во втором к залогу относятся только морфологические средства преобразований, он представляет собой лишь “часть” диатезы» [4, 368].

С середины 1980-х гг. в лингвистике стала распространяться теория функционального подхода к залогу в противоположность формальным описаниям механизма залоговых преобразований. А. В. Бондарко, разрабатывавший эту проблему на материале славянских, в первую очередь русского, языков, определял

залоговость как комплекс функционально-семантических полей, обладающих ядром и фоновыми структурами и включающих поля активности и пассивности. Ядро поля образует категория залога, представленная оппозицией активной и пассивной конструкций. Понятийную основу поля залоговости составляет залоговое отношение понятия действия к логическому субъекту и объекту. Все поля объединены общим признаком – характеристикой действия по отношению к субъекту и объекту, причем активность толкуется как исходно-субъектная, а пассивность – как исходно-объектная ориентация действия предиката [1, 135].

Затрагивая вопрос семантики залога, некоторые языковеды высказывали мнение, что залог не располагает никакой семантикой. Функция этой категории состоит в простом преобразовании синтаксической структуры предложения, т. е. в изменении расстановки членов предложения: подлежащего и дополнения, что показывает глагольная форма. Однако, как утверждает В. А. Плунгян, «в языке не бывает (или практически не бывает) “семантически пустых” категорий; тем более не может быть лишена семантической нагрузки категория, представленная столь массово»². Залоговые значения, по его мнению, очень разнообразны, и залог предполагает тонкое взаимодействие морфологии, синтаксиса и прагматики с участием всех трех компонентов.

Исследования залога, содержащие вопросы общетеоретического характера, в последнее время проводились и на материале финно-угорских языков. В частности, значительное количество работ было опубликовано по грамматической категории залога в удмуртском языке. Примером многоаспектного описания данной категории являются статьи Н. В. Кондратьевой, К. Г. Костиной [8; 9], И. А. Котковой [10], Г. А. Ушакова [14] и др. Большой интерес вызывает высказывание К. Г. Костиной о залоговых формах глагола в ряде финно-угорских языков, в частности венгерском: «В саамском, финском, вен-

² Плунгян В. А. Общая морфология. Введение в проблематику. М., 2003. С. 194–195.

герском, хантыйском, мансийском языках выделяются активная и пассивная формы глагола. В языках агглютинативного типа речь идет о каузативных и рефлексивных (возвратных) формах, каждая из которых имеет отличительные грамматические маркеры. ...В финно-угорских языках выделяются каузативные (или понудительные) и рефлексивные (или возвратные) формы залога» [9, 362]. В связи с этим необходимо упомянуть, что венгерские грамматисты традиционно включают показатели залоговости в венгерском языке в число словообразовательных средств³. Такой же точки зрения придерживаются и авторы академической грамматики венгерского языка [18, 357–358].

Материалы и методы

Теоретическую базу исследования составили труды ведущих отечественных и зарубежных лингвистов по проблемам сопоставительного изучения языков, функциональной грамматики, теории залога, грамматических категорий глагола в венгерском языке. Это прежде всего идеи и концепции А. В. Бондарко [1], В. В. Виноградова [2], В. Г. Гака [4], К. Е. Майтинской [11], И. А. Мельчука, А. А. Холодовича [12], В. С. Храковского [15; 16], В. А. Плуныя⁴ и др.

Материалом исследования послужила глагольная лексика, взятая из произведений венгерских писателей, лексикографических работ (словарей венгерского и русского языков), лингвистических и публицистических источников, грамматик венгерского языка, периодической печати, разговорной речи.

Цель исследования – проанализировать грамматические формы венгерского и русского глаголов, выражающих залоговые отношения, и выявить эквиваленты категории русского залога в венгерском языке.

Для достижения поставленной цели в работе использован комплекс исследовательских методов: сопоставительно-типологический, применяемый для

выявления внутриязыковых и межъязыковых сходств и расхождений; синхронно-описательный, предполагающий анализ, классификацию языковых фактов; функционально-семантический, позволяющий проводить системный анализ языковых форм, выражающих определенное значение, и описывать разнообразные языковые данные. Применены различные приемы лингвистического анализа: системный, компонентный, функционально-семантический, контекстуальный, трансформационный, которые базируются на методиках конкретного лингвистического анализа грамматических категорий глагола в аспекте их функционирования в тексте и в системе языка. Использование названных методов исследования, подтверждающих те или иные научные выводы, служит достижению результатов, имеющих как теоретическую, так и практическую ценность.

Результаты исследования и их обсуждение

Анализ залоговых отношений в таких разнотипных языках, как венгерский и русский, продемонстрировал сложность объекта исследования, охватывающего морфологию, семантику, а также синтаксис простого предложения. Ранее мы уже указывали на то, что в венгерском языке русские залоговые значения выражаются посредством многообразных языковых средств: рядом словообразовательных суффиксов, причастными конструкциями с пассивным значением, местоименными глаголами и другими способами, которые образуют довольно разветвленную систему [5]. Большинство венгерских грамматистов, в частности Л. Дэжэ, оценивают венгерский язык «как язык без пассивных конструкций», в которых нет пассивного глагола, но есть «пассивное» причастие, не выступающее в предложении в качестве сказуемого [6, 25]. Практически все авторы научных грамматик сходятся во мнении, что венгерским глаголам не присуща

³См., например: Bencédy J., Fábíán P., Rác E., Velcsov Mártonné. A mai magyar nyelv. Budapest, 1991. Old. 127–128.

⁴См.: Плуныя В. А. Указ. соч.

категория залога с полноценными залоговыми противопоставлениями⁵.

По поводу использования глагольных словообразовательных суффиксов залогового значения в венгерском языке российский хунгаролог К. Е. Майтинская отмечала: «...богатство глагольных суффиксов отглагольного словообразования объясняется тем, что переходность/непереходность, залоговые значения... в основном выражаются путем суффиксации» [11, 272]. Данная система включает суффиксальную форму выражения пассива, передающую различные оттенки страдательного залога. В нее входит также причастная форма выражения пассива специальной конструкцией с фиксированным порядком слов, в которой существует прочная связь между членами. Сюда же можно включить и немногочисленную группу венгерских глаголов, используемых с местоименной формой, которая приобретает в речи залоговое значение: *Érezze magát otthon!* «Чувствуйте себя как дома!»; *Nem kérette magát kétszer.* «Он не заставил упрашивать себя дважды». Местоименная форма выражения пассивного залога в венгерском языке, оформленная аналитически, более характерна для разговорного стиля речи. В зависимости от контекста в русской речи ее эквивалентами могут быть как личные, так и причастные залоговые конструкции.

Таким образом, средства выражения залоговости в венгерском языке, передающие значение русского пассива и организующие простое предложение, неоднородны, относятся к разным уровням языка и включают несколько структурно-функциональных разновидностей. В этом аспекте небезынтересно рассмотреть семантику, морфологию и синтаксис составляющих простого предложения (подлежащее, сказуемое, дополнение) и составляющих высказывания (субъект, предикат, объект). В. С. Храковский отмечает, что в структурах пассивного залога субъект по определению не занимает позиции подлежащего. Субъект может

занимать позицию другого члена предложения или не занимать, а значит, не обозначаться в структуре специальным членом предложения. Так как субъект не занимает позиции подлежащего, эта позиция может быть занята любым другим участником ситуации либо остаться незанятой [15, 13]. Данную мысль развивает и венгерский лингвист И. Пете: «Страдательный залог обозначает, что подлежащее является объектом действия, т. е. подлежащее не производит действие, а подвергается ему со стороны субъекта» [13, 102].

Суффиксальное выражение пассивных значений в венгерском языке

Как уже было отмечено, наиболее распространенным способом передачи залоговых значений русского глагола в венгерском языке выступает их выражение с помощью суффиксов. Глагольная лексема с таким значением представляет собой личную форму глагола 3-го лица (единственного числа), оформленную словообразовательным суффиксом. Она является синтетической формой и образует слово (в котором основа неразрывно связана с формантами), а не словосочетание. Глаголы с суффиксами *-ódik/-ődik* используются нечасто, особенно в разговорной речи, хотя перечисленные форманты и употребляются с переходными глаголами: *ír* 'писать', *íródik* 'писаться'; *ad* 'давать', *adódik* 'даваться, предоставляться, складываться, проистекать из чего': *Az ilyen alkalom ritkán adódik.* «Такой случай предоставляется редко»; *Az ügy gyorsan intéződik.* «Дело решается быстро». Более частотным в современном венгерском языке считается суффикс *-ul/-ül*, используемый с непереходным вариантом основы глаголов (имеющих также переходный вариант): *tanít* 'преподавать', *tanul* 'учиться, заниматься'; *épít* 'строить', *épül* 'строиться'; *fordít* 'поворачивать', *fordul* 'повернуться'; *borít* 'укрывать, покрывать', *borul* 'опрокидываться': *A ház már felépült.* «Дом уже по-

⁵ См. также: Hegedűs R. Magyar Nyelvtan: Formák, funkciók, összefüggések. Budapest, 2019. Old. 399–401.

строен»; *A kocsí az árokba borult*. «Машина свалилась в канаву».

В венгерском языке залоговые отношения выражаются также суффиксами *-atik/-etik*, *-tatik/-tetik*, которые были образованы от суффиксов каузативных глаголов [6, 29]. Суффиксы страдательного значения *-atik/-etik*, *-tatik/-tetik*, как и словообразовательные суффиксы *-ódik/-ődik*, *-ul/-ül*, присоединяются только к переходным глаголам. Несмотря на то что указанные суффиксы относятся к продуктивным формантам, в разговорной речи они употребляются редко: *néz* 'смотреть', *nézetik* 'смотреться'; *enged* 'разрешать, позволять', *engedtetik* 'разрешаться, позволяться'; *ad* 'давать', *adatik* 'даваться, сообщаться'; *kér* 'просить', *kéretik* 'проситься' и др.: *Az ilyen viselkedés nem engedtetik*. «Такое поведение непозволительно»; *Neki a sorstól minden megadatott*. «Ему все давалось судьбой»; *A mese tanulsága az utolsó mondatban foglaltatik*. «Мораль басни заключена в последней фразе»; *A postástól átadatik a levél*. «Письмо передается почтальоном»; *A ház lebontatik*. «Дом сносится».

Спорным среди языковедов остается вопрос, следует ли считать словообразовательные суффиксы *-ózik/-őzik*, *-óz(d)ik/-ő(d)zik* формантами, передающими залоговые значения русского глагола, или же аффиксами, с помощью которых переводятся русские глаголы, называющие, как правило, физическое, психическое состояние человека: *Oda kellene mennem, de nem akarózik*. «Мне надо бы пойти туда, но не хочется». Предложения типа «Мне не спится», «Им не сидится» можно квалифицировать как устойчивые обороты, в которых субъект действия употребляется только в форме дательного падежа.

Что касается использования номинативной формы подлежащего в обоих языках, то она зависит как от семантики глагола, так и от семантики субъектно-объектных отношений. Схема предложения с непереходным глаголом включает предикат и объект в именительном падеже, на который направлено действие. Наблюдается «стяжение» трехчленной страдательной конструкции с переходом

в двучленную из-за отсутствия в ее составе слова, указывающего на исполнителя действия, при этом смысловая связь между двумя членами предложения остается весьма прочной. Опускание названия производителя действия в сравниваемых языках иногда порождает двусмысленность, так как субъект, производящий действие, подразумевается.

При обратном переводе венгерских суффиксальных форм на русский язык возникают некоторые сложности, которые связаны с наличием в русском двух рядов возвратно-страдательных глаголов: с *-ся* и без *-ся*. Учет русских глаголов, имеющих формы обоих залогов, составляет определенную трудность при изучении данного аспекта венгерскими учащимися. Венгерская конструкция, в которой отсутствует субъект действия и сказуемое оформлено суффиксом страдательного залогового значения, с точки зрения структуры не является прямым аналогом русской пассивной конструкции. В последней субъект действия имеет падежное окончание: «Организация кредитруется банком / в банке» – *A bank hitelt nyújt a szervezetnek*. Не следует забывать, что выбор той или иной падежной формы субъекта связан с семантикой глаголов [3, 146]. Структура русского пассивного предложения, в котором субъект действия – косвенное дополнение в форме беспредложного творительного падежа, зависит от залоговой формы глагола: «Больной был осмотрен врачом» – *Az orvos megvizsgálta a beteget*. Падежная форма субъекта действия составляет специфическую черту русского языка, которую необходимо учитывать при переводе.

В современном венгерском языке словоформы с суффиксами страдательного значения употребляются в официально-деловом и публицистическом стилях речи, в материалах прессы, а также в научной прозе как отход от авторского «я». Они используются, когда субъект действия неизвестен или его название нежелательно, неудобно по разным причинам. В разговорной речи такие словоформы возможны в устойчивых оборотах типа *tudtára adatik* 'доводится до сведения'; *közírré tetetik* 'делается достоянием';

ем гласности, оглашается»; *rokonszenvvvel viseltetik* 'испытывается симпатия'.

Сопоставительный анализ в целом позволяет заключить, что использование залога в большей мере свойственно русскому языку, а дифференциация употребления венгерских и русских форм пассивного залога обусловлена функциональными стилями речи.

Причастная форма выражения залоговых значений в венгерском языке

В системе средств выражения залоговых значений в венгерском языке следует выделить также причастную форму залога, которую целесообразно рассматривать в разделе синтаксиса простого предложения. В рамках обсуждаемой темы мы можем назвать главные проблемы исследования: 1) падежное оформление субъекта и объекта в составе причастной конструкции, 2) отношение оппозиции переходности/непереходности к оформлению ее синтаксиса. Обозначенные проблемы затрагивают маркировку субъекта и объекта действия в предложениях с причастными оборотами, в которых имеются неперево-димый на русский язык послелог *által* и причастие на *-t/-tt* с пассивным значением. В предложении эти обороты выполняют функцию распространенного определения (заметим, что термин «оборот» употребляется нами условно).

В приведенном ниже примере имя существительное *Munkácsy* с послелогом *által* в причастном обороте выступает в функции логического объекта, а причастие – логического предиката действия: *Világhírűek a Munkácsy által festett képek*. «Картины, написанные Мункачи, известны во всем мире». Представленный синтаксический тип субъектно-объектных отношений в венгерском языке – не залог, а лишь разновидность пассивной трансформации предложения. Как видно из примера, причастие *festett* в причастном обороте стоит в препозиции к определяемому существительному *képek*, грамматическому подлежащему, и не согласуется с ним ни в числе, ни в падеже, являясь определением.

В зависимости от семантики синтаксиса в венгерских причастных оборотах причастие определяет главным образом дополнение или подлежащее: *Kóstold meg az édesanyám által sült kenyeret!* «Попробуй хлеб, испеченный моей мамой!» В переходных конструкциях кроме глагольной формы синтаксическую нагрузку несут на себе также падежные словоформы членов предложения. В приведенных примерах объект действия имеет маркер именительного падежа, который может быть идентичен номинативу субъекта действия: *Munkácsy* и *képek* стоят в номинативной форме. Ситуация с двумя именительными падежами, как правило, разрешается с помощью порядка слов, который устанавливает семантику отношений и их иерархию.

В случае исходного венгерского языка страдательные причастия на русский язык чаще всего переводятся страдательными причастиями прошедшего времени. В русском языке как вариант перевода можно использовать также придаточные определительные предложения с союзом *который*: *Kiadták a mester által alkotott műveket*. «Были изданы произведения, которые написал мастер». Венгерское причастие выступает в прошедшем времени, так как обозначает действие, предшествующее действию сказуемого. Само причастие времени не выражает, оно передает время лишь относительно времени действия сказуемого.

В систему средств выражения залоговых значений в венгерском языке включается также причастная конструкция без послелога *által*. Основным ограничителем ее употребления является привязанность к определенному стилю речи. Страдательные причастия на *-t/-tt*, образованные от переходных глаголов, получают личное окончание 3-го лица (единственного числа) определенно-объектного спряжения (идентичное глагольному). Данные модели с личным окончанием и послелогом *által* выражают одно и то же значение в письменной речи, поэтому их легко можно заменить одна на другую с условием, что причастие, оформленное личным окончанием,

в большей степени свойственно книжно-му стилю, официально-деловой речи. В качестве примера трансформации приведем две разновидности причастного оборота: *A gyerekek szépen szavalták a Petőfi által költött verseket.* – *A gyerekek szépen szavalták a Petőfi költötte verseket.* «Дети очень хорошо читали стихи, сочиненные Петёфи». С точки зрения теории любое причастие на *-t/-tt*, образованное от переходного глагола, может использоваться в пассивной конструкции, в которой существительное без послелога *által* или с послелогом *által* выступает в функции логического объекта, а причастие – логического предиката, однако в действительности дело обстоит иначе.

Не следует забывать, что, несмотря на многообразие средств выражения залоговых значений в венгерском языке, в целом страдательная форма не свойственна венгерскому языку, поэтому причастные страдательные обороты используются в нем очень редко.

Заключение

Глаголы в венгерском языке не имеют пассивного залога, однако средства и формы его выражения представлены в нем развитой системой. Отсутствие оппозиции форм действительного и страдательного залогов – одна из типологических черт венгерского языка. Исследование показало, что в этом языке глагольные лексемы не располагают двумя различными словоформами, которые соотносились бы с разными диатезами.

Репрезентация средств выражения залоговых отношений в сравниваемых разносистемных языках с помощью проведенного сопоставительного анализа помогла установить их дифференциальные и универсальные признаки, особенности функционирования в речи. В русском языке использование формы страдательного залога обуславливают значение и вид глагола, в то время как в венгерском на возможность выбора тех или иных средств передачи залоговых значений в основном влияет семантика глагола. В русском языке существуют два способа образования страдательного залога: от

личных форм глагола и с помощью причастий. Оба способа имеют четко выраженные разновидности структурно-функционального плана: 1) аффиксальную, координирующую на морфологическом уровне показатели залога в глаголе и падежную форму именных компонентов, 2) структурную, включающую конструкции с переходными и непереходными глаголами. При этом языковые средства, используемые в предложениях с залоговыми формами, различны, относятся к разным уровням языка и охватывают лексику, морфологию и синтаксис. Специфическую трудность русского языка составляет падежное оформление субъекта действия в конструкциях страдательного залога.

Выражение залоговых значений в венгерском языке в отличие от русского осуществляется в рамках структуры простого предложения. Венгерский язык характеризуется системой глагольных словообразовательных аффиксов, имеющих залоговое значение, но не располагает никакими специальными средствами словоизменения. Венгерские суффиксальные глагольные формы, обладающие залоговым значением, по сравнению с русскими имеют больше морфологических функций, связанных со словообразованием.

Анализ фактического материала показал, что залоговые отношения в обоих языках охватывают не только класс глаголов, но и другие классы слов. В образовании форм, имеющих пассивное значение, в венгерском языке активное участие принимает причастие. Обладая свойствами прилагательного, причастие русского языка в отличие от венгерского изменяется по родам и числам. Русские причастия помимо этого склоняются и имеют полную и краткую формы. В венгерском языке есть самостоятельные причастные «обороты», отсутствующие в русском и по этой причине имеющие в нем разные соответствия, в том числе придаточные предложения.

В обоих языках в страдательных конструкциях возможен пропуск субъекта, являющегося фактическим исполните-

лем действия, в результате чего они становятся семантически тождественными неопределенно-личным предложениям.

Полученные в результате анализа данные помогут восполнить пробелы в недостаточной изученности комплекса языковых средств выражения залоговых отношений в сравниваемых языках. Рас-

смотренные в статье проблемы не только имеют научное значение для каждого из исследуемых языков, но и определяют возможности решения некоторых общетеоретических и специальных лингвистических задач, в частности в области типологического изучения грамматик разноструктурных языков.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бондарко А. В. К определению понятия «залоговость». Активность и пассивность // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб., 1991. С. 125–141.
2. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). 4-е изд. М.: Рус. яз., 2001. 720 с.
3. Виноградов В. С., Милославский И. Г. Сопоставительная морфология русского и испанского языков. М.: Рус. яз., 1986. 160 с.
4. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. М.: Добросвет, 2004. 862 с.
5. Гуськова А. П. К вопросу о грамматических категориях глагола в венгерском языке в сопоставлении с русским // Вестник угроведения. 2021. Т. 11, № 2. С. 242–250. DOI: 10.30624/2220-4156-2021-11-2-242-250.
6. Дзёж Л. Типологическая характеристика русской грамматики в сопоставлении с венгерской. Простое предложение. Будапешт: Танкёньвкиадо, 1984. 264 с.
7. Карпунин С. А. К вопросу о взаимодействии глаголов вида с другими категориями // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25, № 1. С. 96–101. DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-1-96-101.
8. Кондратьева Н. В., Костина К. Г. История изучения грамматической категории залога в удмуртской лингвистике // Вестник угроведения. 2021. Т. 11, № 3. С. 444–452. DOI: 10.30624/2220-4156-2021-11-3-444-452.
9. Костина К. Г. Функционирование возвратного залога глагола в современном удмуртском языке // Финно-угорский мир. 2021. Т. 13. № 4. С. 358–368. DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.04.358-368.
10. Коткова И. А. Грамматические значения возвратного залога в удмуртском языке // Вестник Удмуртского университета. 1993. № 6. С. 24–27.
11. Майтинская К. Е. Венгерский язык // Языки мира. Уральские языки. М., 1993. С. 256–279.
12. Мельчук И. А., Холодович А. А. К теории грамматического залога (Определение. Исчисление) // Народы Азии и Африки. 1970. № 4. С. 111–124.
13. Пете И. Морфология русского языка в сопоставлении с венгерским. Будапешт: Танкёньвкиадо, 1988. 377 с.
14. Ушаков Г. А. К вопросу о залоговых значениях глаголов // Вопросы фонетики и грамматики удмуртского языка: сб. ст. Устинов, 1986. С. 112–116.
15. Храковский В. С. Пассивные конструкции // Типология пассивных конструкций: Диатезы и залого. Л., 1974. С. 5–45.
16. Храковский В. С. Пассивные конструкции. Формально-семантическая классификация пассивных глагольных форм // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб., 1991. С. 141–180.
17. Шальга А. Венгерский язык в зеркале русского языка. Будапешт: Танкёньвкиадо, 1984. 152 с.
18. A mai magyar nyelv rendszere. Leiró nyelvtan / szerk. J. Tompa. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1970. Köt. 1. 599 old.

Поступила 27.12.2021; одобрена 10.01.2022; принята 13.01.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

А. П. Гуськова – кандидат филологических наук, доцент кафедры финно-угорской филологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, guskova_ant@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8843-0264>

Expression of voice relation in the languages of different structure: is there a category of voice in Hungarian?

Antonina P. Guskova

*Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

Introduction. This article is a development of an earlier study on the grammatical categories of the verb in Hungarian in comparison with Russian. The subject of study in this work is the grammatical category of voice, one of the most common verbal categories, typical for Russian verbs and absent in the Hungarian language, as well as the ways of its transmission when translated into Hungarian. The purpose of this work is to analyze the grammatical forms of the Hungarian and Russian verbs expressing voice relations and to establish the corresponding equivalents of the category of voice in Russian in the Hungarian language.

Materials and Methods. The research material is verbal vocabulary selected from lexicographic works (dictionaries of the Hungarian and Russian languages), linguistic and journalistic sources, grammars of the Hungarian language. The article considers both the written form of the modern Hungarian language and examples from live colloquial speech. The methodological framework of this study is based on researches on general linguistics, the theory of morphology, contributing to the formulation of the problem, determining the degree of its development in the research literature, as well as familiarizing with the conceptual approaches to the voice as an ambiguously interpreted grammatical category of the verb. The methods used in the study are comparative-typological, synchronous-descriptive and functional-semantic methods.

Results and Discussion. In the course of study it revealed how inflectional and derivational means helping to express the grammatical semantics of the category of voice in Russian can adequately convey the categorial meaning in the Hungarian language, in which the category of voice is absent. The comparative study of two languages helps to identify the features inherent in each of them, which generally contributes to solving the problems associated with the practice of their teaching. The results of the work based on the data of the ongoing research may be useful in the analysis of other grammatical categories on the material of various languages.

Conclusion. Despite the fact that verbs in the Hungarian language do not have a passive voice, the means and forms of its expression are represented in it by a developed and diverse system. The study allows making a step forward in understanding the typological specifics of the voice category and make a certain contribution to the general theory of this phenomenon, since it was the first study of the verb forms of two heterogeneous, genetically unrelated languages based on a comparative analysis in grammatical, semantic and functional aspects.

Keywords: verb, grammatical categories, voice category, paradigm, languages of different structure, comparative study of languages

For citation: Guskova AP. Expression of voice relation in the languages of different structure: is there a category of voice in Hungarian? *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2022;14;1:33–43. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.01.33-43.

REFERENCES

1. Bondarko AV. To the definition of the concept of “collateral”. Activity and passivity. *Teoriia funktsional'noi grammatiki. Personal'nost'. Zalogovost'* = The theory of functional grammar. Personality. Collateral. Saint-Petersburg; 1991:125–141. (In Russ.)
2. Vinogradov VS. Russian language (Grammatical doctrine of the word). 4th ed. Moscow; 2001. (In Russ.)
3. Vinogradov VS, Miloslavskii IG. Comparative morphology of Russian and Spanish. Moscow; 1986. (In Russ.)
4. Gak VG. Theoretical grammar of the French language. Moscow; 2004. (In Russ.)
5. Gus'kova AP. To the question of verb grammatical categories in the Hungarian language in comparison with the Russian language. *Vestnik ugrovedeniia* = Bulletin of Ugric Studies. 2021;11;2:242–250. (In Russ.). DOI: 10.30624/2220-4156-2021-11-2-242-250.
6. Dezhe L. Typological characteristics of Russian grammar in comparison with Hungarian. Simple sentence. Budapest; 1984. (In Russ.)

7. Karpukhin SA. On the question of the interaction of verbal aspect with other categories of the verb. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya* = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2019;25;1:96–101. (In Russ.). DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-1-96-101.
8. Kondrat'eva NV, Kostina KG. History of study of the grammatical category of the voice in the Udmurt linguistics. *Vestnik ugrovedeniia* = Bulletin of Ugric Studies. 2021;11;3:444–452. (In Russ.). DOI: 10.30624/2220-4156-2021-11-3-444-452.
9. Kostina KG. Functioning of the verb's reflexive voice in the modern Udmurt language. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2021;13;4:358–368. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.04.358-368.
10. Kotkova IA. Grammatical meanings of the reflexive voice in the Udmurt language. *Vestnik Udmurtskogo universiteta* = Bulletin of the Udmurt University. 1993;6:24–27. (In Russ.)
11. Maitinskaia KE. Hungarian. *Iazyki mira. Ural'skie iazyki* = Languages of the world. Uralic languages. Moscow; 1993:256–279. (In Russ.)
12. Mel'chuk IA, Kholodovich AA. On the theory of grammatical voice (Definition. Calculus). *Narody Azii i Afriki* = Peoples of Asia and Africa. 1970;4:111–124. (In Russ.)
13. Pete I. Morphology of Russian in comparison with Hungarian. Budapest; 1988. (In Russ.)
14. Ushakov GA. On the question of the voice meanings of verbs. *Voprosy fonetiki i grammatiki udmurtskogo iazyka: sb. st.* = Issues of phonetics and grammar of the Udmurt language. Collection of articles. Ustinov; 1986:112–116. (In Russ.)
15. Khrakovskii VS. Passive constructions. *Tipologiya passivnykh konstruktov: Diatezy i zalogi* = Typology of Passive Constructions: Diathesis and Pledges. Leningrad; 1974:5–45. (In Russ.)
16. Khrakovskii VS. Passive constructions. Formal-semantic classification of passive verb forms. *Teoriia funktsional'noi grammatiki. Personal'nost'. Zalogovost'* = The theory of functional grammar. Personality. Collateral. Saint-Petersburg; 1991:141–180. (In Russ.)
17. Shal'ga A. The Hungarian language in the mirror of the Russian language. Budapest; 1984. (In Russ.)
18. Tompa J., ed. A mai magyar nyelv rendszere. Leiró nyelvtan. Budapest; 1970;1.

Submitted 27.12.2021; reviewing 10.01.2022; accepted 13.01.2022.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

A. P. Guskova – Candidate Sc. {Philology}, Associate Professor, Department of Finno-Ugric Philology, Lomonosov Moscow State University, guskova_ant@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8843-0264>

Стилистические характеристики текстов марийских народных сказок

Екатерина Николаевна Морозова

*Марийский государственный университет,
Йошкар-Ола, Россия*

Введение. Актуальность исследования определяется необходимостью выявления и описания стилистических характеристик текстов фольклорных жанров, а также фиксирования состава выявленных выразительных средств и образных приемов марийского языка. При современном интересе к духовному наследию наций, развитию филологических наук анализ стилистических характеристик текстов марийских сказок может составить более полное представление о языке и стиле марийского фольклора, который органично входит в систему функциональных стилей марийского языка. В статье представлены новые данные о системном характере стилистических приемов в текстах народных сказок.

Материалы и методы. Выбранные из различных источников 133 текста сказок рассматриваются с позиции стилистики в рамках теории систем с помощью сочетания общенаучных (анализ и синтез) и специфических стилистических (семантико-стилистический, стилистической интерпретации текста) методов.

Результаты исследования и их обсуждение. Выявленная и описанная совокупность выразительных и образных средств свидетельствует о широком разнообразии составляющих функционального стиля фольклора, входящего в систему стилей марийского языка. Представленный в статье алгоритм изучения выразительных средств и образных приемов в текстах сказок дает возможность использования теоретической основы и методологической базы при исследовании текстов иных фольклорных жанров, принадлежащих не только марийской лингвокультуре.

Заключение. Актуальность, научная новизна и значимость проведенного исследования обуславливаются комплексом поставленных в нем задач, результатом решения которых стали новые данные о системном характере и компонентах стиля текстов народных сказок. Основную часть системы стилистических средств составляют выразительные приемы фонологического и синтаксического уровней текстов, дополняемые приемами морфологического и лексического уровней.

Ключевые слова: стилистика, стилистические характеристики текста, функциональный стиль, выразительные средства, образные приемы, маркер стиля, текст, марийская народная сказка, теория систем и системный анализ, семантико-стилистический метод, стилистическая интерпретация

Для цитирования: Морозова Е. Н. Стилистические характеристики текстов марийских народных сказок // Финно-угорский мир. 2022. Т. 14, № 1. С. 44–57. DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.01.44-57.

Введение

Актуальность исследования стилистических характеристик текстов марийских народных сказок, представленных выразительными средствами и образными приемами, объясняется рядом обстоятельств. Во-первых, лингвистические характеристики текстов фольклорных жанров до последнего времени незаслуженно оставались в стороне от внимания лингвистов. Прежде всего это относится к текстам сказок. Повествованию сказки свойственна неспешность, ее содержание позволяет определить грамматические и лексические диалектные формы, синтаксические связи внутри предложения и между предложениями. Сочетание данных компонентов

создает базу для появления разнообразных стилистических средств в рамках всего текста. Во-вторых, исследование функционального стиля фольклорных жанров имеет большое значение для создания полного перечня функциональных стилей марийского языка, представления их стилистических характеристик. Алгоритм анализа возможно применить при изучении других функциональных стилей марийского языка и неописанных фольклорных жанров. В-третьих, системный подход обогащает методологическую основу анализа стилистических характеристик функционального стиля фольклора. Тексты сказок рассматриваются в рамках

теории систем с помощью перспективного сочетания общенаучных и специальных стилистических методов. Таким образом определяются и описываются подсистемы фонологических, морфологических, синтаксических и лексических стилистических средств и приемов, которые составляют качественные особенности отдельного фольклорного функционального стиля марийского языка.

Целью данной статьи является описание выразительных и образных средств текстов марийских сказок, создающих систему стилистических характеристик отдельного фольклорного функционального стиля марийского языка. Достижению этой цели способствуют постановка и решение задач, связанных с определением основных выразительных и образных средств (маркеров стиля) разных уровней текста, рассматриваемого как системное образование; с разработкой классификации стилистических приемов в текстах выбранного фольклорного жанра посредством использования каждого из них; с выявлением функции стилистических средств в создании выразительности и образности текстов сказок.

Обзор литературы

Сказке как отдельному фольклорному жанру посвящено множество работ в отечественной и зарубежной фольклористике. Это жанр эпический, прозаический, сюжетный.

История изучения сказок в европейской культурной традиции связана в первую очередь с изысканиями немецких фольклористов Я. и В. Гримм, издавших в начале XIX в. трехтомник сказок немецкого народа. Более подробно исследовательские труды по описанию, систематизации и классификации европейских сказок проанализированы в монографии Б. Хольбека «Интерпретация волшебных сказок» [13], в которой автор ссылается на обобщающие работы Д. Крона, И. Поливки, Дж. Томпсона, Э. Симпсона [13, 20–43]. Попытки классификации сказок европейских народов относятся к первой половине XIX в. В международное употребление вошла предложенная в 1910 г. финским

фольклористом А. Аарне классификация сказок: сказки о животных, анекдоты и собственно сказки, включавшие в себя волшебные, легендарные сказки и сказки о глупом черте. В 1961 г. данная классификация была расширена американским исследователем С. Томпсоном (каталог Аарне – Томпсона), а в 2004 г. дополнена немецким литературоведом Г.-Й. Утером, получив название указателя сюжетов фольклорной сказки Аарне – Томпсона – Утера. Помимо уже названных в первоначальной классификации в ней выделяются обычные сказки, формулы повествования, нескретные сказки [14–16].

Изучению русских сказок посвящены труды Ф. И. Буслаева, А. Н. Афанасьева второй половины XIX в. В начале XX столетия многочисленные исследования проводились главным образом на основе анализа мотивов и сюжетов сказок (А. Н. Веселовский, В. М. Жирмунский и др.) и ставили целью определение ключевых структурных элементов текстов (В. Я. Пропп, А. И. Никифоров, Е. М. Мелетинский и др.). В первой трети XX в. наравне с классификацией Аарне – Томпсона получила распространение морфологическая классификация В. Я. Проппа.

В финно-угорской филологии история изучения сказок берет начало в середине XIX в. В этот период интерес фольклористов был сфокусирован на собирании и записи сказок коми (П. И. Савvaitов, Г. С. Лыткин, А. А. Цембер), удмуртов (Б. Г. Гаврилов, Г. Е. Верещагин, Н. Г. Первухин, Г. Н. Потанин), мордвы (А. А. Шахматов). Большой вклад в данную работу внесли зарубежные ученые Ю. Вихманн (удмуртские, марийские и коми сказки), Х. Паасонен (марийские, мордовские сказки), Б. Мункачи (удмуртские сказки), в их сборниках тексты сказок были опубликованы транслитерацией с последующим переводом.

Начатую работу продолжили отечественные фольклористы П. Г. Доронин, И. А. Осипов, Ф. В. Плесовский, А. К. Микущев, Ю. Г. Рочев (коми язык); П. Д. Горохов, М. А. Перевощиков, А. Н. Клабуков, Н. П. Кралина, Сарман Педор (удмуртский язык); Л. С. Кавтаськин, Д. Кеняев, Т. Та-

лышкина, М. Е. Евсеев, А. И. Маскаев, М. Бабина, Э. В. Померанцева, К. Т. Само-родов (эзьянский и мокшанский языки). Проблемам генезиса и истории фольклорных образов в русле идей В. Я. Проппа уделяется большое внимание в исследовании Ф. В. Плесовского «Сказки народа коми». Вопросы генезиса, эволюции, тематического и поэтического разнообразия удмуртских народных сказок были рассмотрены в работах Д. А. Яшина.

В конце XX – начале XXI в. финно-угроведы стали обращаться к проблемам историографии сказки (А. К. Микушев, Ю. Г. Рочев), образной системы (И. А. Плосков) и символики цвета (О. И. Уляшев), сюжетных типов сказок (Ю. Г. Рочев, В. М. Кудряшова), типологии и стилового родства коми и русских сказок (Н. С. Коровина), семантики и функций анималистических образов удмуртских сказок (Н. С. Широглазова), этнографического анализа мордовских сказок (Е. Н. Мокшина, М. А. Нарватова). Однако вопросы системного описания стилистических характеристик текстов сказок и фиксирования состава выявленных выразительных средств и образных приемов требуют дальнейшего исследования.

В марийской филологии рассматривались история публикаций и изучения марийских сказок, межжанровые фольклорные связи, сюжетные различия типов сказок, образы, являющиеся сюжетообразующими компонентами текстов. Сказкам посвящен ряд работ известного марийского фольклориста К. А. Четкарева [10–12]. Некоторые ценные замечания можно найти у В. А. Акцорина¹. Значительный вклад в изучение жанра волшебных сказок был

внесен С. С. Сабитовым [2; 3]. В настоящее время в марийской фольклористике общепринята его классификация текстов сказок по жанровым разновидностям, основанная на каталоге Аарне – Томпсона. Это сказки о животных, социально-бытовые и волшебные сказки.

Существуют отдельные работы, содержащие описание некоторых стилистических приемов на материале волшебных марийских сказок [8], бытовых сказок [7]. Однако рассмотрение текстов всех жанров марийских народных сказок в рамках системного подхода с определением их функций в создании выразительности и образности текстов до сих пор не принималось.

Описываемый подход не использовался в изучении текстов сказок и других финно-угорских этносов.

Материалы и методы

Решению поставленной проблемы помогает применение инновационного сочетания приемов и методов к многостороннему анализу содержания и структуры сказок для выявления выразительных и образных средств в рамках системного подхода (теории систем) к тексту. Изучение начато с комплексного анализа 133 текстов, опубликованных в своде марийского фольклора, составленном С. С. Сабитовым², сборниках Т. Е. Евсеева³, К. А. Четкарева⁴, А. М. Юзыкайна⁵, в фольклорных материалах, собранных Х. Паасоненом⁶, В. Порккой⁷, Ю. Вихманном⁸.

В работе выделяются два типа систем, которые, в свою очередь, делятся на подсистемы. Текст сказки представляет собой композиционную систему, состоящую из

¹ См.: Акцорин В. А. Шым шулдыран имньым кычалын... // Ончыко. 1980. № 4. С. 74–81; Его же. Ямак гишан ик-кок шамак // Там же. 1961. № 1. С. 104.

² См.: Сказки луговых мари: свод марийского фольклора / сост. С. С. Сабитов. Йошкар-Ола, 1992. (Далее ссылки на это издание будут приводиться в тексте с указанием номера страницы в круглых скобках. Перевод на русский язык – составителя сборника.)

³ См.: Евсеев Т. Е. Калык ойлого: Тошто годсо марий ойлымаш, йомак, ончык лийлаш пале, омо кусарыме, тунуктен каласыме, воштылтыш, тушто, куматыш мут да шўведыме ю-влак. Йошкар-Ола, 1994.

⁴ См.: Марий йомак: сб. / К. А. Четкарев поген. Йошкар-Ола, 1950; Нылле ик шоа: йомак-влак / К. А. Четкарев поген. Йошкар-Ола, 1955.

⁵ См.: Юзо тўна = Волшебный мир: мар. нар. сказки на мар. и рус. яз. / сост. А. М. Юзыкайн. Йошкар-Ола, 2002.

⁶ См.: Paasonen H. Tscheremissische Texte. Helsinki, 1939.

⁷ См.: Porkka V. Tscheremissische Texte mit Übersetzung. Helsingfors, 1895.

⁸ См.: Wichmann Y. Volksdichtung und Volksbräuche der Tscheremissen. Helsinki, 1931.

четырёх подсистем (уровней): фонологической, синтаксической, морфологической и лексической. Другой системой в тексте является система стилистических характеристик (маркеров стиля) в рамках каждой из описанных подсистем. Отдельный стилистический прием любой подсистемы (уровня) выступает элементом стилистической системы текста, а совокупность фонологических, морфологических, синтаксических и лексических стилистических приемов составляет подсистему образных и выразительных средств стилистической системы сказки.

Основным общетеоретическим приемом в работе служит системно-функциональный подход, последовательно применяемый ко всем подсистемам (уровням) структуры текстов. Обращение к теории систем и системному анализу в данном исследовании объясняется тем, что в настоящее время во многих отраслях знания применяется системно-функциональный подход к изучаемым явлениям. Его возникновение относится к XIX – началу XX в. (Ч. Дарвин, Д. И. Менделеев), однако общая теория систем возникла в XX в. Она абстрагируется от физической природы объектов и изучает общие вопросы структуры систем, их свойства и закономерности [1; 4; 9].

В исследовании под системой понимается совокупность взаимосвязанных и расположенных в соответствующем определенном порядке элементов или частей какого-то целостного образования. Выявленные выразительные и образные средства образуют отдельную систему стиля текстов сказок. Полученные результаты дополняют характеристики функционального стиля марийского фольклора.

При описании систем обычно широко используются такие категории, как элемент, связь, структура, цель, подсистема и т. д.⁹ В работе под элементом подразумевается стилистический прием любого уровня, его также называют маркером стиля. Чаще всего маркеры не присутствуют единично – элементы объединены в текстах разного вида связями – граммати-

ческими, семантическими. Тексты сказок структурированы композиционно, представляя собой целостное единство. Свойство целостности связано с целью, для достижения которой предназначена система. Цель сказки – развлечь, в доступной форме сообщить необходимые знания о природе, приобщить ребенка или взрослого (в зависимости от типа сказки) к жизни в социуме, познакомить с основными правилами совместного проживания. Есть еще один компонент системы, более детальный, чем система, и более крупный, чем единичный элемент. Это подсистема. Данный концепт указывает на то, что часть обладает свойствами системы. Если система сложная, то она представлена несколькими уровнями подсистем.

Комплексный анализ марийских сказок выявил четыре подсистемы (фонологическую, морфологическую, лексическую, синтаксическую) маркеров стиля, которые в совокупности составляют систему стиля текстов сказок.

Результаты исследования и их обсуждение

Известно, что в каждом языке существуют особые способы организации звуковой материи, применение которых приводит к созданию выразительного эффекта на фонологическом уровне. Стилисты подразделяют различные способы организации звукового потока на две группы: версификацию и инструментовку. Под первой имеется в виду искусство стихосложения по моделям, выработанным на основе законов того или иного языка, а также практики поэтов. Вторая группа охватывает комплекс способов комбинации звуков, которые придают высказыванию определенное звучание, а вместе с ним эмоциональную и экспрессивную окраску. Инструментовка связана с эвфонией, включающей такие способы организации звуков, как рифма, ритм, эпифора, анафора, аллитерация, ассонанс (как виды рифм), онomatopoeia и др.

К способам организации звуков, составляющим подсистему фонологических

⁹ См.: Сурмин Ю. П. Теория систем и системный анализ. Киев, 2003. С. 50–67.

маркеров стиля в исследованном материале, отнесены различные типы аллитерации и ассонанса, прямой вид онomatопеи, конечная морфологическая рифма.

Аллитерация, представляющая собой повтор одинаковых или сходных звуков, в анализируемом жанре народного творчества часто применяется в сочетании с ассонансом (повторение ударных гласных внутри строки или фразы): *Тыге-туге, мо туге? / Молан туге, мо туге?*¹⁰ «Вот так-то, так-то, / Отчего так да почему так?»; *Шыдан гычын чывым нальым, / Чыве гычын лудым нальым, / Лудо гычын комбым нальым, / Комбо гычын тагам нальым, / Тага гычын ўшыкыжым нальым, / Ўшыкыж гычын ош вўльым нальым, / Чодыра янлык гычын / Кугыжан кугу казнам нальым* (с. 51). «За зернышко курочку взяла, / За курочку утку взяла, / За утку гусочку взяла, / За гусочку барана взяла, / За барана бычка взяла, / За бычка белую кобылу взяла, / За лесных зверей / Царскую большую казну взяла».

В исследованном материале онomatопея чаще всего выражена подражанием звукам природы и голосам животных (прямая): *Тидым шижын, шудышырчык чик-чирик, чик-чирик муралтен колта* (с. 25). «Тут сверчок пропел: чик-чирик, чик-чирик».

Рифма, т. е. повторение сходных звуков на концах строк, также неоднократно встречается в текстах народных сказок: *Чапа, чапа, чапаем, / Могай курыкым ок кўд!* / Ты киялише сут *пиретым* / Ёргал сўмырен омыл *мо!*¹¹ «Ножки, ножки, мои ножки / Меня носят по горам. / Мои рожки злого волка / Помогли мне забодать!»

Самым распространенным маркером стиля в синтаксической подсистеме является повтор в его разновидностях. Рассмотрение повтора как синтаксического стилистического средства считается условным, поскольку повторяться могут элементы разных уровней и повторы группируются в зависимости от того, какие элементы повторяются. Данный факт свидетельствует о прямых связях между элементами си-

стемы стиля. Повтор, представляющий собой фигуру речи, при которой на близком расстоянии друг от друга используются одинаковые звуки, морфемы, слова, синтаксические конструкции (словосочетания и предложения), часто служит важным средством связи между предложениями. В работах по стилистике синтаксические повторы классифицируются исходя из композиционных моделей на анафорические, эпифорические, сквозные. К повтору относятся также параллельные конструкции (параллелизм), повтор-подхват, использование дублетных слов.

Примеры маркеров стиля синтаксической подсистемы рассматриваются далее в порядке ранжирования по признаку частотности.

1. Параллелизм. Данный стилистический синтаксический прием способствует упорядоченности текста. Главным условием для создания параллелизма является сходство, подобие структур в двух частях текста, близко следующих друг за другом, либо в двух и более смежных предложениях сверхфразового единства. В исследованных сказках параллелизм встречается в двух модификациях. Это полные параллельные конструкции и неполные.

Примерами полной параллельной конструкции могут служить следующие предложения: *Йомак – оныш! Мый – теньш!* *Йомак вуеш – тулвондо, мый вуешем – ўй вочко* (с. 21). «Сказка – прочь! Я – тут! По голове сказки – кочерга, на мою голову – бочку с маслом»; *Йомак – умбак, мый – тембак*¹². «Сказка – прочь, я – тут».

Пример частичного параллелизма: *Кас лиеш, малаш возыт. Эр лиеш, кынылыт*¹³. «Наступает вечер, ложатся спать. Наступает утро, встают».

2. Повтор-подхват, анадиплосис. К данному приему относится фигура, состоящая в повторении слова на стыке двух конструкций: – *И-и, тыге шогертен каласен!* – *манешат, рывыж кая. Кая-кая, ер воктен возеш колышын койын кия* (с. 29). «– А-а, так сорока сказала! – говорит лиса

¹⁰ Юзо тўня. С. 44. (Перевод составителя сборника, в остальных случаях – перевод автора статьи.)

¹¹ Там же.

¹² Нылле ик шоя. С. 48.

¹³ Марий йомак. С. 18.

и уходит (идет). Идет-идет, ложится около озера, притворившись мертвой».

Сказка “Меран” («Заяц») практически полностью построена на повторе-подхвате, т. е. на анадиплосисе: *Ужат, могай кузу меранг кия. Тиде мерангым мый кучем да пазарыш луктын ужалем, шканем чывым налам. Чыве шуко муным мунча. Муным ужален, шорыкым налам. Шорык кок пачам ышта. Нуным ужалемат, ушкалым налам. Ушкалем ондак ушкыжаш презым, варажым ушкалашым ышта* (с. 70). «Смотри, какой большой лежит заяц. Этого зайца я поймаю и на базар снесу продавать, себе куплю курицу. Курица снесет много яиц. Яйца продам, куплю овцу. Овца родит двух ягнят. Продав и ягнят, куплю корову. Корова вначале родит бычка, потом – телочку».

Ряд сказок кумулятивного характера, например “Ош вўльб” («Белая кобыла»), “Ныл йолташ” («Четыре товарища»), также построен на анадиплосисе.

3. Анафорический повтор отдельного слова, двух отдельных слов или словосочетания: *Пий капка йымач кудал пура, пире – пий шенгеч. Пий – пўртышкў, пират – тушкак. Пий ўстел йымаке, пират – тушкак* (с. 32). «Собака пролезает под воротами, волк – за собакой. Собака – в дом, и волк за ней (туда же), собака – под стол, и волк туда же»; – *Йўра. Йошкар ужгам урген пуэт гын, мый тыйым колымешкем ом мондо ыле, – манеш. – Йошкар ужгам чийынет гын, мландышке кумык воч, кызытак ургаиш тўналам, – манеш Йыван* (с. 31). «– Ладно. Если справишь красную шубу, я тебя вовек не забуду, – сказал он. – Если уж захотел надеть красную шубу, ложись на землю ничком, сейчас же примусь за дело, – говорит Иван».

4. Сквозной повтор слов, словосочетаний и предложений: *Ик пўлемым почын онча, тушто эртак ший, весым почын онча, тушто эртак шўртньў, кумшым почын онча, тушто эртак вургене, чинче вургем-влак да чиём улыт* (с. 209). «Открыл одну комнату – там серебро, другую – там золото, открыл третью – там мед-

ные монеты, потом – драгоценные камни и одежда изукрашенная, и другое»; *Адак кас марте каен, ўдыр ик кува деке малаиш пура, ўшкыжым ош вўльб вўтаиш петыра. Йўдым ош вўльб ўшкыжым чумен пуштын. Кува эрдене ўдырлан ўшкыж олмеш вўльым пуа. Ўдыр ош вўльым орваиш кычка да мурен-мурен кая* (с. 50). «Шла девочка опять до наступления вечера, зашла к одной старушке ночевать, заперла бычка в хлев к белой кобыле. Ночью белая кобыла залягала бычка насмерть. Утром старуха за бычка девочке отдала белую кобылу. Запрягла девочка белую кобылу в тележку и поехала, распевая».

Тексты сказок структурированы композиционно, представляя собой целостное единство. Свойство целостности связано с целью, для достижения которой предназначена система. Цель сказки – развлечь, в доступной форме сообщить необходимые знания о природе, приобщить ребенка или взрослого (в зависимости от типа сказки) к жизни в социуме, познакомить с основными правилами совместного проживания.

В сказке “Шым кўсў” («Семь коз») встречается сквозной повтор предложения: *Шым кўсў, Шым кўсў, / Ик шурет – ший, вес шурет – шўртньў* (с. 183). «Семь коз, семь коз, / один рог серебряный, другой – золотой».

5. Использование дублетных слов: – *Комбо родем, мўнгыштак улат мо? – Улам-улам, – ваетишта комбо. – Паренгым шолтышыиш мо? – Туге-туге*¹⁴. «– Подружка гусыня, дома ли ты? – Дома, дома, – отозвалась гусыня. – Сварила ли картошку? – Сварила, сварила».

6. Эпифорический повтор слов и словосочетаний: *Молан мылам мураиш огыл, / Молан мылам шўшкаиш огыл, / Кў полат гай пўртем уло, / Мамык гае пунем уло*¹⁵. «Отчего же мне не петь, / Отчего ж мне не свистеть! / У меня не только шуба, / Домик теплый есть теперь».

¹⁴ Юзо тўня. С. 27.

¹⁵ Там же. С. 3.

Выразительность текста может быть достигнута не только необычным звучанием, своеобразным отбором слов, тематических групп, но и особым их размещением. Исследования лингвистов показали, что каждому функциональному стилю свойственны специфика синтаксических построений, типичные конструкции, которые вводятся в текст и взаимодействуют в нем со специальным стилистическим эффектом¹⁶.

В марийском языке у каждого члена предложения есть обычное место, определяемое связями с другими словами, способом синтаксического выражения, типом предложения. Нарушение привычного порядка следования членов предложения, ведущее к выделению какого-либо элемента, приобретающего дополнительную выразительность, называется инверсией.

В рассмотренных марийских сказках были обнаружены следующие наиболее распространенные случаи инверсии в рамках отдельного предложения.

1. Определение, выраженное прилагательным, несколькими прилагательными или другими частями речи, при постановке после определяемого слова придает высказыванию торжественный, несколько архаизированный, приподнятый характер, организует его ритмически, может акцентироваться наречиями или союзами и даже получает оттенок предикативности: *Миклай ден Павылын тўсышт икгай улмаш, янлыкат икгай*¹⁷. «Михаил и Павел на лицо были одинаковые. И звери их очень похожи друг на друга».

2. Сказуемое может предшествовать подлежащему: – *Кешыр огыл, ончотый, шортньо оксак, – маныт тудлан* (с. 223). «– Не морковь же, глянь, золотые монеты, – говорят ему солдаты»; *Рвезе шамыч йўштылмө годым нунын деке эре улмаш ала-могай ош йытыра рвезе*¹⁸. «При купании парней с ними всегда оказывался какой-то стройный светловолосый парень».

3. Прямое дополнение с целью эмпазы может быть поставлено на первое место или после сказуемого: *Вара адак кая-кая и вашиеш ош вўлым*¹⁹. «Потом они снова идут-идут и встречают белую кобылу».

4. Обстоятельные слова, выдвинутые на первое место, не только акцентируются сами, но и акцентируют подлежащее, которое при этом оказывается выдвинутым на последнее место, а последнее место также является эмпатической позицией: *Тушто илат ўшыкж, комбо, агытан* (с. 46). «Там живут бык, баран, гусь и петух».

5. Обстоятельство места ставится после сказуемого: *Вара икана ик офицерлан чествым пуэн огыл, офицер вуйым шийын штабыш* (с. 135). «Однажды, когда он, проходя мимо офицера, не отдал ему честь, офицер подал жалобу в штаб». *Марий шем сумкам налеш да кая шке тўкыж*²⁰. «Мужик берет черную сумку и идет к себе домой».

Менее распространенные стилистические приемы, выделенные в проанализированном материале, – эллипсис, полисиндетон и асиндетон – в данной статье не рассматриваются.

Морфологическая подсистема маркеров стиля включает в себя необычное, специфическое употребление категорий существительного и глагола, а также использование в тексте сказок частиц и междометий [8].

Полученные результаты анализа материала не противоречат данным, описанным в работах О. А. Сергеева по стилистике марийского языка [5; 6].

Результаты изучения материала показали некоторую последовательность использования категорий, приобретающих стилистическое значение в контексте сказок.

1. Категория числа имени существительного. Например, марийскому языку не присуще применение множественного числа для обозначения природного явления *мардеж* ‘ветер’, однако исполь-

¹⁶ См.: Кузнец М. Д., Скребнев Ю. М. Стилистика английского языка. Л., 1960. С. 43–58.

¹⁷ Марий йомак. С. 103.

¹⁸ Евсеев Т. Е. Указ. соч. С. 49.

¹⁹ Там же. С. 17.

²⁰ Там же. С. 20.

зование данного приема придает характеру героини сказки дополнительную коннотацию загадочности и магической силы: *Мардеж-влак, нангайыза мыйын вынерым, урген кондыза тувырым! – манеш* (с. 162). «Ветры, унесите мой холст, сшейте рубашку и принесите! – говорит (она)».

2. Категория притяжательности имени существительного. В исследуемом материале посессивные суффиксы помимо присущего им значения притяжательности приобретают дополнительные значения. Например, использование суффикса 1-го лица единственного числа *-м* (*-ем, -эм*) в совокупности с обращением придает слову добавочное значение нежности и ласки: *Чыве вўташ пыште, ўдырем*²¹. «Положи, дочка, в курятник». Суффиксы 3-го лица единственного числа *-же* (*-жо, -жө*), *-ыже* (*-ыжо, -ыжө*), *-ше* (*-шо, -шө*) логически выделяют субъект или объект действия: *Тудын парня гай ик ўдыржө веле лийын – Ший Пампалче* (с. 80). «У него была только дочь – Сереброзубая Пампалче». Характерно также употребление обращений с оценочными суффиксами *-й, -аш* (*-яш*) в качестве ласкательных суффиксов: *Кугызай, тулетым пу-ян*²². «Дедушка, дай-ка огоньку».

3. Категория времени глагола. Обычно в зачине используются формы прошедшего времени. Данный прием позволяет ввести реципиента в описываемую ситуацию в прошлом, отделяя в его сознании вымысел от реальности: *Шыже велеш шудо лонгаште шоншо шкет кудалыштын*²³. «Под осень посреди густой травы прогуливался еж». Далее повествование перемещается в настоящее время, вовлекая слушателя в происходящее и погружая его в сюжет сказки: *Шоншо лышташым поген онта*²⁴. «Натаскал еж листьев, в нору укладывает».

4. Категория наклонения глагола. Например, усиление повелительного наклонения глагола происходит за счет модаль-

но-волевой частицы *-ян*: *Пу-ян, могай тўрым ончет?* (с. 178). «Дай-ка посмотри, что за узоры смотришь».

К менее распространенным стилистическим приемам морфологического уровня можно отнести использование в изученном материале частиц и междометий, с помощью которых передаются эмоциональные реакции героев на окружающую их действительность: *– Ой, марият, коло вич ий годсек кўтўм кўтен коштеш, а тиде тумо йымалне нылле ведран печке дене кийыште шўртньым налын ок керт* (с. 227). «– Ну и пастух! Двадцать пять лет пасет стадо, а до сих пор не знает, что под этим дубом в сорокаведерной бочке зарыто золото»; *Марий ойла: “Йўра, эрла коктынат мый декем, мончаиш пурен, ош тувыр-йолашым чиен толза”*²⁵. «Мужик говорит: «Ладно, завтра ко мне оба приходите в баню, наденьте чистое белье».

Помимо перечисленных выше способов придания тексту стилистической окраски можно упомянуть лексико-морфологические типы повторов. Словообразовательные повторы строятся на дублировании одной словообразовательной модели. В приведенном ниже предложении наблюдается повтор существительных в форме единственного числа винительного падежа с окончанием *-м* (*-ым*): *Мўй кўзымў жап шумеке, вопиш кандырам, товарым, пужарым, пычалым налын, марий ош вўльыжым кушкыж шинчеш да ер деке йорталта* (с. 289). «Собрал мужик бортевые веревки, топор, скобель, взял ружье, сел на свою белую кобылу и поехал к озеру». Данный прием придает повествованию значение последовательности и основательности действий персонажа.

Еще одна группа стилистических приемов – подсистема маркеров стиля лексического уровня. Она состоит из тропов, к которым относятся стилистические средства, заключающиеся в употреблении слова (словосочетания, предложения) не

²¹ Юзо тўня. С. 34.

²² Нылле ик шоя. С. 9.

²³ Юзо тўня. С. 22.

²⁴ Там же.

²⁵ Евсеев Т. Е. Указ. соч. С. 18.

в прямом, а в переносном значении. В исследованном материале наиболее частотны следующие маркеры стиля: эпитет, метафора, сравнение. Менее распространенные приемы – простая и развернутая гипербола, метонимия, перифраз.

Сравнение – стилистический прием, суть которого заключается в уподоблении одного объекта другому на основе общего для них признака. Различают предметные и ситуативные сравнения. В то время как образность первого типа опирается на сопоставление определенных предметов, образность второго создается сопоставлением сложных ситуаций. При этом предметные сравнения способны трансформироваться в метафору, тогда как у сравнений ситуативных такая способность отсутствует.

Отметим, что среди ученых-стилистов в определении понятия «эпитет» отсутствует единство. В данной статье под эпитетом подразумевается разновидность определения, отличающаяся от обычного выразительностью и переносным характером. Из выделенных специалистами типов эпитетов в изученном материале наиболее частотны тавтологические и пояснительные.

Под тавтологическим эпитетом понимается какое-то постоянное свойство определяемого слова, признак, который изначально присутствует в нем, например: *Пычкемыш йүд эрта, эр шуэш* (с. 230). «Темная ночь прошла, наступило утро».

Пояснительный эпитет акцентирует некоторый признак определяемого слова, выделяя его из ряда сходных объектов, например: *Иванын ватыже мөнгыштө азам ыштен, эргым, моткоч чевер* (с. 237). «А жена Ивана родила мальчика, здорового, красивого».

Помимо названных типов эпитетов распространен также сквозной эпитет, кото-

рый выступает как повторяющееся определение к нескольким определяемым словам: *Тый мылам кунам чевер үдиретым, Ший пўян Ший Пампалчетым, пүэт, тунам иже тыйым чевер кечым ончалаш колтем*²⁶. «Отдай за меня замуж свою красивую дочь, Серебробубую Пампалче, тогда ты будешь жить на белом свете».

По признаку грамматической оформленности в анализируемом материале эпитеты можно классифицировать на следующие группы:

1) выраженные именем существительным, например: *Ончалаш – кугу чодыра покшелне кугу маска вынемыште кия, үмбаланже кужу сур пун кушкын* (с. 203). «Вышел он из большой медвежьей берлоги в большом дремучем лесу. Посмотрел на себя: выросла на нем длинная серая шерсть»;

2) выраженные качественным прилагательным, например: *Чыве олмеш йöратыме* лудем налат ынде, үдирем!²⁷ «За твою курочку, дочка, уж возьми мою любимую уточку!»;

3) выраженные относительным прилагательным, например: *Ший пўян Ший Пампалче порсын лўнгалтышым кучен кержалтеш*²⁸. «Серебробубая Пампалче ухватила за шелковую качель и повисла»;

4) выраженные словосочетанием, например: *Тўжем тенгеаши ожым ишүшкылым гынат, – манеш, – кум тўжем тенгеаши шöртньö олману шочын веет, пояш дык пояш!* (с. 139). «Хоть я и велел зарезать тысячерублевого жеребца, – сказал он, – зато выросла в моем саду золотая яблоня, а она стоит не менее трех тысяч рублей!»

Метафорой принято считать троп, в котором перенос наименования с одного предмета на другой основан на сходстве признаков сравниваемых объектов. Для текстов марийских сказок характерны общенародные и общезыковые метафоры, например: *Капем изи, вуем шöртньö* – / *Тушман пырым ондалышым!* (с. 33). «Ростом мал, да ум золотой: / Обманул волка-врага!»

²⁶ Юзо тўня. С. 96.

²⁷ Там же. С. 34.

²⁸ Там же. С. 101.

К разновидностям метафоры принадлежит синекдоха, когда происходит перенос значения с целого на часть и наоборот: *Уло чодырасе Ший пўян Ший Пампалчын мурыжлан ялт ёрын* (с. 84). «Весь лес (все лесные птицы, звери), услышав песню Сереброзубой Пампалче, встревожился».

Подвидом метафорических тропов выступает также олицетворение, в котором качествами человека наделяются неодушевленные предметы, отвлеченные понятия или животные: *Тумна шортеш-шортеш, ик игыжым кудалта* (с. 28). «Сова горько плачет, но совенка бросает».

Сравнение – стилистический прием, суть которого заключается в уподоблении одного объекта другому на основе общего для них признака. Различают предметные и ситуативные сравнения. В то время как образность первого типа опирается на сопоставление определенных предметов, образность второго заключается в сопоставлении сложных ситуаций. При этом предметные сравнения способны трансформироваться в метафору, тогда как у сравнений ситуативных такая способность отсутствует²⁹.

В исследуемом материале присутствуют оба вида сравнений: *Мурым меже мурена, / Ший пўянлан ме мурена, / Тылзе гане чурийже, / Шўдыр гане шинчаже*³⁰. «Поем, поем мы песню, / В честь Сереброзубой поем. / У нее щеки, как луна, / У нее, как звезды, глаза» (предметное сравнение); *Ячокат поп семынак ош шовычеш шорыктен*³¹. «Как и поп, дьячок расстелил белый платок» (ситуативное сравнение).

В анализируемых текстах сказок сравнение строится:

1) с помощью суффикса сравнительного падежа *-ла*, например: *Ой, акай, ончен ёрат, пеш мотор, чаплын чиен, эр ўжарала веле йўла*³². «Ой, сестра, удивишься, очень красив, очень хорошо одет, сверкает, как утренняя заря»;

2) с помощью послелогов *гай (гане), семын*, например: *Почын гына шукта, ту-*

шечын якын шем ия гай лийын тўршта да вик купышко куржын колта (с. 325). «Только снял крышку, как дьякон выскочил, как черный черт, и пустился бежать вон туда, прямо в болото»; *Вўдкува шужышо пире семын пўнчō вуйышко онча*³³. «Вўдкува на нее смотрит, как голодный волк».

Заключение

Проведенный комплексный анализ 133 марийских народных сказок доказал актуальность, научную новизну и значимость темы исследования. В результате решения комплекса сформулированных задач выявлены новые данные о системном характере стилистических средств текстов народных сказок.

Устный способ передачи текстов обусловил преобладание выразительных приемов фонологической и синтаксической подсистем марийского языка. Они дополнялись маркерами стиля морфологической и лексической подсистем текстов сказок. Запоминание текстов, а значит, и их передача от одного поколения к другому осуществлялись только на устной основе. Текст должен был выделяться своим звучанием – оригинальным расположением звуков и своеобразным распределением пауз и ударения. Исследованный материал показал, что конечная грамматическая рифма в рассмотренных примерах, связанная с аллитерацией и ассонансом отдельных звуков и звукосочетаний, способствует успешному запоминанию, служит вспомогательным средством в создании ритмической структуры текстов, позволяет ощутить его интонационное членение, создает своеобразные «опорные» аллитерационные точки для запоминания сказок на слух.

Ни один из стилистических приемов фонологической подсистемы не встречается отдельно: они вместе с морфологическими приемами способствуют функ-

²⁹ См.: Мезенин С. М. Образные средства языка (на материале произведений Шекспира): учеб. пособие. 2-е изд. Тюмень, 2002. С. 21.

³⁰ Юзо тўня. С. 97.

³¹ Евсеев Т. Е. Указ. соч. С. 45.

³² Юзо тўня. С. 101.

³³ Там же. С. 99.

ционированию синтаксических средств выразительности. Ритмическая упорядоченность и сложность текстовой структуры базируются на сложном характере основных компонентов синтаксического уровня. Именно богатые возможности синтаксиса марийского языка – разнообразные типы словосочетаний, предложений – создают основу для многочисленных комбинаций частей структуры в рамках одного предложения, отдельного высказывания, в композиции всего текста. Маркеры стиля синтаксической подсистемы выполняют функции логического и эмоционального усиления темы текста, способствуют повышению динамичности и ритмизации повествования, создают системную связность на протяжении всего текста.

Стилисты подразделяют различные способы организации звукового потока на две группы: версификацию и инструментовку. Под первой имеется в виду искусство стихосложения по моделям, выработанным на основе законов того или иного языка, а также практики поэтов. Вторая группа охватывает комплекс способов комбинации звуков, которые придают высказыванию определенное звучание, а вместе с ним эмоциональную и экспрессивную окраску.

На фоне особенно частотного использования выразительных средств фонологического и синтаксического уровней выделяются немногочисленные (по сравнению с первыми) образные средства. Среди них ведущими можно назвать тавтологические и пояснительные эпитеты, предметное и ситуативное сравнение, частные случаи общеязыковой метафоры – синекдоху и олицетворение. Рассмотренные образные средства, являющиеся элементами подсистемы средств лексического уровня, служат описанию персонажей, предметов, явлений и действий, усиливают изобразительность, передают отношение к описываемым событиям. В отличие от предыдущих марке-

ров стиля их использование варьируется в зависимости от жанра сказки.

В марийских волшебных сказках эпитеты применяются для описания главных признаков сказочных объектов и создания элементов образности параллельного мира. Типы сравнения подчеркивают сходство, аналогии между описываемыми объектами. Сравнительная группа в предметных или образных сравнениях служит характеристикой свойства, действия, состояния через конкретный образ. При этом сравниваемые предметы, объекты обычно не идентичны: они лишь частично напоминают чем-то друг друга. Подчеркивание их частичного тождества в сравнении позволяет по-новому воспринять предмет, объект, его качества. Метафора и гипербола усиливают образное описание.

В сказках о животных эпитет характеризует только постоянные признаки персонажей, что связано с прагматической целью этого жанра сказок, заключающейся в социализации личности и формировании моделей поведения.

В использовании эпитетов тексты сказок о животных сближаются по своей коммуникативной установке с жанром социально-бытовой сказки. В сказках данного жанра образность проявляется в обозначении постоянных функций сказочного объекта и обычно содержит оценку, что также объясняется коммуникативно-прагматической установкой. Они не показывают сказочный мир, так как направлены на воспитание человека и предлагают различные модели поведения в ситуациях бытового общения.

Системность стиля проявляется и в том, что ни один стилистический прием в сказках не встречается изолированно. Аккумуляция выразительных и образных средств в одном месте, получившая название «конвергенция», относится к отличительным чертам текстов марийских сказок. Данный прием способствует своеобразной экономии языковых средств, так как добывается от них максимальной функциональности.

Описанные данные получены при помощи комплексной методики, включающей сочетание приемов теории систем

и системного анализа с лингвистическими методами.

Теоретическая и практическая значимость работы видится в возможности

дальнейшего применения описанного сочетания методов при исследовании функциональных стилей на материале текстов различных жанров.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Афанасьев В. Г. О целостных системах // Вопросы философии. 1986. № 6. С. 62–78.
2. Сабитов С. С. История публикации и изучения марийских сказок в советское время // Проблемы изучения марийского фольклора и искусства. Йошкар-Ола, 1986. С. 38–55. (Вопр. мар. фольклора и искусства; вып. 5).
3. Сабитов С. С. Сюжеты марийских волшебных сказок // Основные тенденции развития марийского фольклора и искусства. Йошкар-Ола, 1989. С. 20–43. (Вопр. мар. фольклора и искусства; вып. 7).
4. Садовский В. И. Основания общей теории систем: логико-методологический анализ. М.: Наука, 1974. 276 с.
5. Сергеев О. А. Кӱсынлымӧ пале мут-влакын стилистикышт // Ученый и общество: Просветительство, родной язык, культура народов Поволжья и Приуралья: материалы Межрегион. науч. конф., посвящ. Дню мар. письменности и 125-летию со дня рождения В. М. Васильева. Йошкар-Ола, 2011. С. 28–35.
6. Сергеев О. А. Притяжательный категорийын стилистикыже // Fenno-Ugrica 1: Проблемы языков, литератур и фольклора народов Урало-Поволжья: сб. тр., посвящ. 60-летию д-ра филол. наук, проф. Кукулина Анатолия Николаевича. Йошкар-Ола, 2008. С. 129–137. (Тр. Ин-та финно-угроведения; вып. 5).
7. Сидорова М. В. Поэтика марийских народных сказок // Материалы X Международного конгресса финно-угроведов: Литературоведение, фольклористика и этнология. Йошкар-Ола, 2008. Ч. 7. С. 426–430.
8. Тимофеева Н. В. Система стилистических средств марийской волшебной сказки // Финно-угроведение. 2006. № 1. С. 52–70.
9. Уемов А. И. Системный подход и общая теория систем. М.: Мысль, 1978. 272 с.
10. Четкарев К. А. Героические образы в марийских сказках // Ученые записки Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Йошкар-Ола, 1951. Вып. 4. С. 173–194.
11. Четкарев К. А. Максим Горький и проблемы марийского фольклора // Ученые записки Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Йошкар-Ола, 1951. Вып. 4. С. 8–34.
12. Четкарев К. А. Советская фольклористика в МАССР // Ученые записки Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Йошкар-Ола, 1951. Вып. 4. С. 221–234.
13. Holbek B. Interpretation of Fairy Tales: Danish Folklore in a European Perspective. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1987. 660 p. (Folklore Fellows' Communications; no. 239).
14. Uther H.-J. The types of international folktales: A Classification and Bibliography, Based on the System of Antti Aarne and Stith Thompson. Animal tales, tales of magic, religious tales, and realistic tales, with an introduction. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 2004. 619 p. (Folklore Fellows' Communications; no. 284).
15. Uther H.-J. The types of international folktales: A Classification and Bibliography, Based on the System of Antti Aarne and Stith Thompson. Appendices. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 2004. 285 p. (Folklore Fellows' Communications; no. 286).
16. Uther H.-J. The types of international folktales: A Classification and Bibliography, Based on the System of Antti Aarne and Stith Thompson. Tales of the stupid ogre, anecdotes and jokes, and formula tales. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 2004. 536 p. (Folklore Fellows' Communications; no. 285).

Поступила 25.12.2021; одобрена 10.01.2022; принята 13.01.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Е. Н. Морозова — аспирант кафедры финно-угорской и сравнительной филологии Марийского государственного университета, morozovaen@volgatech.net, <https://orcid.org/0000-0003-0302-3382>

Stylistic text characteristics of Mari folk fairy tales

Ekaterina N. Morozova

Mari State University,
Yoshkar-Ola, Russia

Introduction. The relevance of the article is determined by the need to identify and describe the stylistic characteristics of the texts of folklore genres, as well as revealing the composition of the identified expressive means and figurative techniques of the Mari language. With a modern interest to the spiritual heritage of nations, the development of philological sciences, an analysis of the stylistic characteristics of the texts of Mari fairy tales can provide a more complete picture of the language and style of Mari folklore, which is an integral part of the system of functional styles of the Mari language. The article presents new data on the systemic nature of stylistic devices in the texts of folk tales.

Materials and Methods. The empirical material is presented by 133 Mari folk fairy tales borrowed from various sources and considered from the stylistics within the framework of the theory of systems using a combination of general scientific (analysis and synthesis) and specific stylistic (semantic-stylistic, stylistic interpretation of the text) methods.

Results and Discussion. The identified and described set of expressive and figurative means testifies to the wide variety of the components of folklore functional style, which is part of the system of styles of the Mari language. The algorithm for studying expressive means and figurative techniques in the texts of fairy tales presented in the article makes it possible to use the theoretical basis and methodological base in the study of texts of other folklore genres that belong not only to the Mari linguistic culture.

Conclusion. The relevance and significance of the research is determined by the tasks set in it resulting in definition of new data on the systemic nature and components of the style of folk fairy tales. The main part of the system of stylistic devices is made up of expressive techniques of the phonological and syntactic levels of texts, supplemented by techniques of the morphological and lexical levels.

Keywords: stylistics, stylistic text characteristics, functional style, expressive means, figurative devices, style marker, text, Mari folk tale, system theory and analysis, semantic-stylistic method, stylistic interpretation

For citation: Morozova EN. Stylistic text characteristics of Mari folk fairy tales. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2022;14;1:44–57. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.01.44-57.

REFERENCES

1. Afanas'ev VG. About holistic systems. *Vo-prosy filosofii* = Questions of Philosophy. 1986;6:62–78. (In Russ.)
2. Sabitov SS. The history of the publication and study of Mari fairy tales in the Soviet era. *Problemy izucheniia mariiskogo fol'klora i iskusstva: sb. st.* = Problems of studying Mari folklore and art. Collection of articles. Yoshkar-Ola; 1986;9:38–55. (In Russ.)
3. Sabitov SS. Plots of Mari fairy tales. *Osnovnye tendencii razvitiia mariiskogo fol'klora i iskusstva* = The main trends in the development of Mari folklore and art. Yoshkar-Ola; 1989;7:20–45. (In Russ.)
4. Sadovskii VI. Foundations of the general theory of systems. Logical and methodological analysis. Moscow; 1974. (In Russ.)
5. Sergeev OA. Know stylistic borrowings of words. *Uchenyi i obshchestvo: Prosvetitel'stvo, rodnoi iazyk, kul'tura narodov Povolzh'ia i Priural'ia: materialy Mezhrregion. nauch. konf., posviashch. Dniu mar. pis'mennosti i 125-letiiu so dnia rozhdeniia V. M. Vasil'eva* = Scientist and society: Enlightenment, native language, culture of the peoples of the Volga and Ural regions. Proceedings of the Interregional scientific conference dedicated to the Day of the Mari literature and the 125th anniversary of the birth of V. M. Vasiliev. Yoshkar-Ola; 2011:28–35. (In Mari)
6. Sergeev OA. Possessive categories of style. *Fenno-Ugrica 1: Problemy iazykov, literatur i fol'klora narodov Uralo-Povolzh'ia: sb. tr., posviashch. 60-letiiu d-ra filol. nauk, prof. Kuklina Anatolija Nikolaevicha* = Fenno-Ugrica 1: Problems of languages, literatures and folklore of the peoples of the Ural-Volga region. Collection of works dedicated to the 60th anniversary of Doctor of Philology, Professor Anatoly Nikolaevich Kuklin. Yoshkar-Ola; 2008;5:129–137. (In Mari)

7. Sidorova MV. Poetics of Mari folk tales. *Materialy X Mezhdunarodnogo kongressa finno-ugrovedov: Literaturovedenie, fol'kloristika i etnologiia* = Materials of the X International Congress of Finno-Ugric Scholars: Literary studies, Folklore studies and Ethnology. Yoshkar-Ola; 2008;7:426–430. (In Russ.)
8. Timofeeva NV. The system of stylistic means of the Mari fairy tale. *Finno-ugrovedenie* = Finno-Ugric Studies. 2006;1:52–70. (In Russ.)
9. Uemov AI. Systems approach and general systems theory. Moscow; 1978. (In Russ.)
10. Chetkarev KA. Heroic images in Mari fairy tales. *Uchenye zapiski Mariiskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta iazyka, literatury i istorii* = Scientific notes of the Mari Research Institute of Language, Literature and History. Yoshkar-Ola; 1951;4:173–194. (In Russ.)
11. Chetkarev KA. Maxim Gorky and problems of Mari folklore. *Uchenye zapiski Mariiskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta iazyka, literatury i istorii* = Scientific notes of the Mari Research Institute of Language, Literature and History. Yoshkar-Ola; 1951;4:8–34. (In Russ.)
12. Chetkarev KA. Soviet folklore in the MASSR. *Uchenye zapiski Mariiskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta iazyka, literatury i istorii* = Scientific notes of the Mari Research Institute of Language, Literature and History. Yoshkar-Ola; 1951;4:221–234. (In Russ.)
13. Holbek B. Interpretation of Fairy Tales: Danish Folklore in a European Perspective. Helsinki; 1987.
14. Uther HJ. The types of international folktales: A Classification and Bibliography, Based on the System of Antti Aarne and Stith Thompson. Animal tales, tales of magic, religious tales, and realistic tales, with an introduction. Helsinki; 2004;284.
15. Uther HJ. The types of international folktales: A Classification and Bibliography, Based on the System of Antti Aarne and Stith Thompson. Appendices. Helsinki; 2004;286.
16. Uther HJ. The types of international folktales: A Classification and Bibliography, Based on the System of Antti Aarne and Stith Thompson. Tales of the stupid ogre, anecdotes and jokes, and formula tales. Helsinki; 2004;285.

Submitted 25.12.2021; reviewing 10.01.2022; accepted 13.01.2022.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

E. N. Morozova – Postgraduate Student, Department of Finno-Ugric and Comparative Philology, Mari State University, morozovaen@volgatech.net, <https://orcid.org/0000-0003-0302-3382>

Заемствования в урбанонимах Йошкар-Олы с отантропонимным компонентом

Флера Яхиятовна Хабибуллина

Ираида Геннадьевна Иванова

*Марийский государственный университет,
Йошкар-Ола, Россия*

Введение. Статья посвящена заимствованным отантропонимным топонимам столицы Республики Марий Эл Йошкар-Олы и выполнена в русле актуальной проблемы современной ономастики – лингвистического описания топонимии региональных городов. Цель работы – синхронный анализ заимствованных отантропонимных урбанонимов Йошкар-Олы, восходящих к разным языкам и отражающих современный топонимический ландшафт марийской столицы.

Материалы и методы. Основной корпус исследования представляют отантропонимные урбанонимы, выбранные из картографических и лексикографических источников, созданных на русском и марийском языках. При анализе материала применены различные методы исследования топонимических единиц: этимологический, семантический, дескриптивный, квантитативный, картографический.

Результаты исследования и их обсуждение. Топонимический фонд Йошкар-Олы складывался на протяжении всей истории города, что объясняется социальным характером языка, его способностью к обогащению и обновлению в ходе языкового контактирования. Появление заимствованных урбанонимов определяется развитием культурно-исторических, политических, межэтнических связей между родственными и неродственными народами и языками. Наибольшую распространенность в топонимиконе языка-акцептора получили отантропонимные урбанонимы. Их устойчивое бытование в топонимической системе марийского языка обусловлено мотивированностью отантропонимным компонентом, апеллятивным характером, историко-культурной детерминированностью. В статье раскрываются результаты семантико-этимологического, исторического и лингвокультурного изучения заимствованных географических отантропонимных урбанонимов в топонимическом пространстве столицы Марий Эл. Приводится классификация топонимов по объектам топонимической номинации: хоронимы, агоронимы, годонимы.

Заключение. Проведенный анализ предоставляет возможность проследить присутствие в топонимической системе Йошкар-Олы урбанонимов, мотивированных фамилиями, личными именами, прозвищами и псевдонимами выдающихся международных, российских деятелей, онимами национальных персоналий (политических, научных, литературных и т. д.), а также именами первопоселенцев и владельцев географических объектов. Главным принципом, лежащим в основе марийских заимствованных отантропонимных урбанонимов, стала их номинация по связи с человеком и его деятельностью.

Ключевые слова: заимствование, топоним, урбаноним, хороним, агороним, годоним, отантропонимный компонент, Йошкар-Ола, Республика Марий Эл

Для цитирования: Хабибуллина Ф. Я., Иванова И. Г. Заемствования в урбанонимах Йошкар-Олы с отантропонимным компонентом // Финно-угорский мир. 2022. Т. 14, № 1. С. 58–77. DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.01.58-77.

Введение

Топонимические системы большинства функционирующих языков мира неоднородны по составу. В группу топонимов могут входить элементы различных эпох и языков, поэтому вопрос о механизмах и формах взаимодействия языков представляет одну из важных проблем языкознания. Топонимикон подразумевает наличие исконных и заимствованных элементов. Заемствования образуют значительный пласт топонимической лекси-

ки марийского языка. Лингвистический анализ тополексем в языке-акцепторе позволяет определить пути языкового обогащения отантропонимной топонимии столицы Республики Марий Эл Йошкар-Олы.

Актуальность данного исследования определяется, с одной стороны, важностью описания процессов заимствования как результата взаимодействия разных языков в сфере топонимии, а с другой –

недостаточной изученностью отантропонимных урбанонимов с заимствованными топоноаименованиями в историко-культурном, семантико-этимологическом и этнолингвистическом аспектах. Научная новизна заключается в том, что работа представляет собой историко-этимологическое исследование ныне существующих отантропонимных онимов иноязычного происхождения столицы Республики Марий Эл. Исследования топонимического аспекта лексического фонда Йошкар-Олы проведено в русле антропоцентрической парадигмы лингвистики, ориентированной на изучение взаимосвязи языка и культуры, роли человека в номинации геопространства, отражения его личности в городском топонимиконе.

Объект исследования – заимствованные отантропонимные онимы, функционирующие в марийском языке, описывающие городскую среду.

Предметом исследования являются городские топонимические онимы (хоронимы, годонимы, агоронимы) иноязычного происхождения.

Цель статьи состоит в синхронном анализе заимствованных отантропонимных топонимов Йошкар-Олы.

Наименования городских топообъектов приводятся на двух государственных языках РМЭ – русском и марийском. В связи с тем, что русский язык выступает языком-посредником, топонимы русскоязычного происхождения не стали предметом специального изучения.

Теоретический потенциал работы заключается в расширении представления о городском топонимическом пространстве с заимствованными антропонимами, углубляющего знания об отантропонимном факторе в топонимической системе. Результаты исследования могут служить материалом при составлении программ спецкурсов и спецсеминаров по ономастике, разработке курсов лекций по общему и сравнительному языкознанию, изучении иноязычных элементов в наименованиях городских объектов, в качестве дополнительного источника при создании современных словарей урбанонимов.

Одной из продуктивных моделей образования названий городских объектов является мотивация урбанонимов другими онимами. Переход антропонимов в топонимы представляет собой «типичную линию трансонимизации» [7, 47]. Трансонимизация – это перенос имени в иной ономастический класс. Универсалии топонимизации городских объектов базируются на переносе собственных имен в класс топонимов.

Отдельными направлениями в лингвистических исследованиях топонимов стали способы топонимического транспонирования в современных европейских языках [2], а также вопросы стандартизации, унификации и интернационализации топоноаименований [14; 15].

Как утверждает А. В. Суперанская, «широкий подход к фактам языка привел к типологическим исследованиям, а вслед за ними к выявлению языковых универсалий» [6, 347–348]. Процесс топонимизации происходит непрерывно в истории городов, представляет собой основную путь пополнения онимического фонда и рассматривается в лингвистических исследованиях как в диахронном, так и в синхронном плане. Например, работа Л. Ю. Кодыневой посвящена диахронному описанию и сравнению урбанонимов, мотивированных антропонимами, в топонимической системе Великого Новгорода. Особое внимание автор уделяет специфике топонимической универсалии, отмечает сходства мотивировки урбанонимов и различия их семантики [4].

В коллективной работе Л. А. Захаровой, Н. Г. Нестеровой, Г. Н. Стариковой представлен комплексный подход к изучению микротопонимической системы Томска, проанализированы источники изучения томской топонимии, а также принципы и способы номинации городских топообъектов и их эволюция. Региональная топонимия рассматривается авторами как источник социокультурной информации. Изученный лингвистами материал отражает отантропонимную топонимическую универсалию от топо-

нимов-принадлежностей до имен-посвящений XX в. в топонимической системе города. Исследователи отмечают, что эволюционным моментом внутреннего, качественного порядка топонимической системы становятся общие тенденции, заключающиеся в переходе от имен-ориентиров к именам-посвящениям, смене приоритетности в принципах и признаках номинации географических объектов, изменении модели наименования [1].

Имена-посвящения диктуют основной принцип наименования улиц современных городов: по связи с человеком и его деятельностью. Антропоцентризм языка как одно из основных его качеств наиболее явно прослеживается на словном уровне. Именно человек, этические, эстетические нормы, сформированные социальной практикой, результаты и продукты его деятельности становятся центрами общественной жизни, которым посвящены актуальные названия.

Подобная тенденция наблюдается и в топонимиконе других современных российских городов. Появление новых урбанонимов в столице Республики Марий Эл М. В. Стафиевская и Д. А. Жуков соотносят с развитием культурно-политических связей между родственными финно-угорскими народами, а их устойчивое бытование в речи – с мотивированностью, выразительностью и удобством использования. Ими раскрываются результаты изучения влияния российско-венгерских отношений на историко-культурное пространство Йошкар-Олы [5].

Изобретенные как визуальная форма различения, дифференциации и упорядочивания городского пространства, урбанонимы со временем приобретают дополнительные функции – идеологиче-

ские, политические и социокультурные. В. Х. Тхакахов приходит к пониманию того, что городская топонимика – это символическая форма обустройства и закрепления в городском пространстве социальных практик по конструированию идентичности и памяти. Так, анализируя с функциональной точки зрения урбанонимы Владикавказа, автор подчеркивает их политическую, идеологическую и социокультурную функцию для региона, местных сообществ и титульного этноса и считает одним из ключевых структурных элементов формирования урбанонимов антропонимический [8, 108–111].

Антропоним рассматривается как наиболее явная индикация статуса человека [3]. В широком смысле под антропонимами в лингвистике подразумеваются собственные имена людей (индивидуальные и групповые): личные имена, отчества (патронимы), фамилии, родовые имена, прозвища, клички, псевдонимы, криптонимы (скрываемые имена) и пр.

Отантропонимные топонимы выступали объектом исследования многих марийских лингвистов. В 1978–1994 гг. Марийским НИИ языка, литературы и истории им. В. М. Васильева была опубликована серия сборников «Вопросы марийской ономастики», в которых помещены циклы статей И. С. Галкина, Ф. И. Гордеева, В. В. Кузнецова, А. Н. Куклина, С. Я. Черныха и других исследователей. Известны историко-этимологические и лексикографические¹, учебно-методические работы² по этой проблематике.

Научные работы авторов статьи посвящены отантропонимным топонимам тюркского, в особенности татарского, происхождения Республики Марий Эл: гидронимов [9], оронимов [13]. Заимствования трактуются как результат генезиса и истории движения и контактирования народов Среднего Поволжья. Проведено исследование татарско-марийского топонимического зонирования

¹ См.: Воронцова О. П., Галкин И. С. Топонимика Республики Марий Эл: Историко-этимологический анализ. Йошкар-Ола, 2002; Исанбаев Н. И. Марийско-тюркские языковые контакты. Ч. 2. Словарь татарских и башкирских заимствований. Йошкар-Ола, 1994; Гордеев Ф. И. Этимологический словарь марийского языка. Йошкар-Ола, 1979–1983. Т. 1–2.

² См.: Галкин И. С. Марий ономастика. Краеведлан польыш. Йошкар-Ола, 1997; Куклин А. Н. История Марий Эл в географических названиях: пособие для учителей и учащихся. Йошкар-Ола, 2010.

на основе отантропонимных ойконимов Республики Марий Эл, восходящих к тюркским языкам. Установлены две основные топонимические зоны: татарско-горномарийская и татарско-луговомарийская. Обнаружены закономерности размещения топообъектов на территории республики. Анализ выявленных заимствований из татарского языка дает возможность уточнить их территориальную локализацию [10]. В статьях, посвященных вопросам политической топонимики республики в отношении региональных ойконимов – комонимов и урбанонимов, представлен анализ лексико-семантического и структурно-грамматического описания политических топонимов, отражающих концепт «Политик», коррелирующий с лексико-семантической группой «Глава государства» [11; 12].

Материалы и методы

При анализе материала применялись различные методы исследования топонимических единиц: этимологический, семантический, дескриптивный, квантитативный, картографический. Особое внимание уделялось установлению этимологии собственного имени в структуре урбанонима, его происхождения от апеллятивного слова или словосочетания, выраженного в качественных и количественных характеристиках топонимических единиц. Дескриптивный метод предполагал сбор топонимов, их каталогизацию и систематизацию. Квантитативный метод связан с количественной обработкой топонимических единиц. Применение картографического метода было вызвано

необходимостью получения информации для исследования лексических единиц, описывающих геолокацию топообъектов.

Основной корпус исследования представляют отантропонимные урбанонимы, выбранные из картографических и лексикографических источников, созданных на русском и марийском языках. Это справочное издание «Наименования государственных органов, организаций, учреждений и предприятий Республики Марий Эл с переводом на марийский язык»³, систематизирующее наименования государственных органов, организаций, учреждений и предприятий Республики Марий Эл, словарь «Топонимика Республики Марий Эл: Историко-этимологический анализ»⁴, Словарь марийских личных имен⁵, Современный словарь личных имен⁶, онлайн-словари русского языка М. Фасмера⁷, В. И. Даля⁸, Ф. Ушакова⁹ и др., электронный ресурс «Из истории улиц г. Йошкар-Ола»¹⁰, топонимическая карта Йошкар-Олы¹¹. Всего проанализировано 71 топообъект.

Результаты исследования и их обсуждение

Урбаноним (от лат. *urbanus* 'городской') – вид топонима, собственное имя любого внутригородского топографического объекта¹².

Урбанонимы, сформированные на антропонимической основе, как показывает исследование мемориализации социального пространства регионального города, опираются не только на этничность или общую принадлежность к региону, но и на определенные признаваемые раз-

³ См.: Ипакова М. Т. Наименования государственных органов, организаций, учреждений и предприятий Республики Марий Эл с переводом на марийский язык. Йошкар-Ола, 2018.

⁴ См.: Воронцова О. П., Галкин И. С. Указ. соч.

⁵ См.: Черных С. Я. Словарь марийских личных имен. Йошкар-Ола, 1995.

⁶ См.: Суперанская А. В. Современный словарь личных имен. URL: <https://azbyka.ru/deti/wp-content/uploads/2018/04/superanskaja-sovremennij-slovar-lichnyh-imen.pdf> (дата обращения: 03.10.2021).

⁷ См.: Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера. URL: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/> (дата обращения: 03.10.2021).

⁸ См.: Толковый словарь Даля. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/enc2p/> (дата обращения: 06.10.2021).

⁹ См.: Толковый словарь Ушакова. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/> (дата обращения: 06.10.2021).

¹⁰ См.: Из истории улиц г. Йошкар-Ола. URL: <http://olacity.ru/showthread.php?bid=2&threadid=165> (дата обращения: 03.10.2021).

¹¹ См.: Топонимическая карта г. Йошкар-Олы. URL: <https://yandex.ru/maps/41/yoshkar-ola/?ll> (дата обращения: 03.10.2021).

¹² См.: Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1988.

новидности капиталов (в логике и терминах П. Бурдые и В. Х. Тхакахова). В рамках данного подхода антропонимические урбанонимы современного города с количественной точки зрения могут быть распределены на три относительно равные группы [8, 114–115]: 1) урбанонимы в честь лиц, обладающих милитарным капиталом (известные в России и регионе военные, Герои Советского Союза, участники Великой Отечественной войны, космонавты и т. п.); 2) урбанонимы, которые несут память о носителях политического капитала (известные революционеры, государственные и партийные деятели советского периода и т. п.); 3) урбанонимы в память людей – носителей культурно-символического капитала (писатели, поэты, ученые, артисты, спортсмены, религиозные деятели).

Список существующих топонимических объектов Йошкар-Олы свидетельствует о доминировании в ономастическом пространстве урбанонимов, мотивированных фамилиями выдающихся деятелей (политических, научных, литературных и т. д.), в особенности онимами национальных персоналий: бульв. Чавайна¹³, ул. Якова Эшпая¹⁴, ул. Йывана Кырли¹⁵, ул. Соловьева¹⁶, ул. Суворова¹⁷, ул. Эшкинина¹⁸, ул. Прохорова¹⁹, ул. Яналова²⁰, ул. Васильева²¹, ул. Конакова²², ул. Мосолова²³, ул. Мухина²⁴, ул. Олыка Ипая²⁵,

ул. Орая²⁶, ул. Палантая²⁷, ул. Тыныша Осыпа²⁸, ул. и пер. Шабдара²⁹, ул. Шкетана³⁰, ул. Кима Васина³¹ и др.

Мотив посвящения лучше всего обуславливается генетивной структурой «улица имени кого?, чего? (Р. п.)», замещающей структуру «улица чья? (какая?) (Им. п.)». Распространенность такой структуры обусловлена введением в топонимию иноязычных имен и фамилий, в результате чего согласовательная модель уступает позиции модели с несогласованным определением. Данный феномен объясняется тем, что названия перестали привязываться к месту жительства или деятельности того или иного человека. Имена-посвящения диктуют основной принцип наименования улиц современных городов: по связи с человеком и его деятельностью. Антропоцентризм языка как одно из основных его качеств наиболее явно прослеживается на словном уровне. Именно человек, этические, эстетические нормы, сформированные социальной практикой, результаты и продукты его деятельности становятся центрами общественной жизни, которым посвящены актуальные названия.

Урбанонимы имеют следующие разновидности: агороним – название городских площадей и рынков, годоним – название улиц, хороним – название территории, имеющей определенные границы. Хо-

¹³ С. Г. Григорьев (Чавайн) – основоположник марийской художественной литературы.

¹⁴ Я. А. Ишпайкин (Эшпай) – марийский композитор, музыковед и фольклорист.

¹⁵ К. И. Иванов (Й. Кырля) – первый киноактер из народа мари и поэт.

¹⁶ В. И. Соловьев – Герой Советского Союза.

¹⁷ С. Р. Суворов – Герой Советского Союза.

¹⁸ А. К. Эшкинин – марийский журналист и литератор, председатель Марийской ассоциации пролетарских писателей.

¹⁹ З. Ф. Прохоров – Герой Советского Союза.

²⁰ А. М. Яналов – Герой Советского Союза.

²¹ В. М. Васильев – марийский ученый-энциклопедист, доктор филологических наук, зарубежный член Финно-угорского общества (Хельсинки, Финляндия).

²² А. Ф. Конаков – марийский драматург-просветитель.

²³ В. П. Мосолов – крупный ученый в области растениеводства и земледелия, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, академик и вице-президент ВАСХНИЛ, первый марийский академик.

²⁴ В. А. Мухин (Сави) – известный марийский языковед, литератор и общественный деятель.

²⁵ И. С. Степанов (Олык Ипай) – марийский поэт, создатель марийской поэтической классики.

²⁶ Д. Ф. Богословский (Орай) – марийский писатель, журналист и прозаик.

²⁷ И. С. Ключников (Палантай) – выдающийся марийский композитор, создатель марийского профессионального искусства.

²⁸ И. А. Борисов (Тыныш Осып) – марийский писатель, драматург и прозаик.

²⁹ И. А. Шабдаров (Шабдар) – марийский писатель.

³⁰ Я. П. Майоров (Шкетан) – выдающийся марийский писатель, один из основоположников марийской литературы.

³¹ К. К. Васин – марийский писатель, переводчик, педагог, литературовед, критик.

роним (от др.-греч. *όρος* ‘межевой знак, граница, рубеж’ + *ὄνομα* ‘имя, название’) представляет собой собственное имя любой территории, имеющей определенные границы, обладающей каким-либо пространством. Административные хоронимы политических единиц известны как кратонимы (от др.-греч. *κράτος* ‘сила, власть’ + *ὄνομα* ‘имя, название’). В масштабе города как об особом виде административного хоронима речь может идти об административном районе, микрорайоне, квартале, а также о внутригородском природном объекте (природно-ландшафтные зоны – луг, лес, роща, парковый комплекс и т. д.). Следовательно, внутригородской хороним может рассматриваться одновременно как частный случай урбанонима.

Основной акцент в статье сделан на хоронимах, агоронимах и годонимах.

Хоронимы Йошкар-Олы с заимствованным отантропонимным компонентом

В настоящее время в состав Йошкар-Олы входят следующие микрорайоны: 1–9-й, 9а, 9б, 9в, 10-й, Аленкино, Березово, Больничный, Большое Чигашево, Восточный, Гомзово, Дубки, Звездный, Интеграл, Комсомольский, Ленинский, Машиностроитель, Мирный, Молодежный, Мышино, Нагорный, Октябрьский, Оршанский, Предзаводской, Прибрежный, Ремзавод, Свердлова, Северный, Сомбатхей, Тарханово, Центральный, Чихайдарово, Ширяйково, Юбилейный.

Заимствованный антропонимический компонент обнаружен нами в нескольких городских хоронимах как в центральной части города, так и на его периферии.

Большое Чигашево (мар. **Кугу Чигашево (микро)район**) – микрорайон, расположенный на юго-западе Йошкар-Олы, возникший в результате включения дер. Малое Чигашево в состав города. Деревня образовалась в первой четверти XIX в. как выселок из дер. Большое Чигашево и имела другие названия: *выселок Чигашево*, *околоток Чигашево*, а в про-

стонародье – *Чигаишкола*, *Тигаишкола*, *Тигишкола*, *Чигаиш* – по имени первопоселенца дер. Большое Чигашево *Чигаиш* (*Тигаиш*). Отантропонимный ойконим является производным: *Тига* < тат. *Тигаи* – личное имя первопоселенца со значением ‘простой, скромный, обыкновенный’ + топоформант *-ево*. Официальный вариант названия возник позже, на почве русского языка³².

Ленинский микрорайон (мар. **Ленин (микро)район**) – микрорайон, сконцентрированный вокруг проспекта с аналогичным названием. Хороним представляет собой единичный случай наименования микрорайона по структурной модели топонимов-принадлежностей. Ленинский проспект появился на карте Йошкар-Олы в 1950–1960-х гг. в процессе осуществления ансамблевой застройки центрального района города. В 1970–1980-х гг. было реализовано наиболее крупное градостроительное мероприятие Йошкар-Олы – освоение левобережья Кокшаги и создание нового Заречного жилого массива. Современный Ленинский проспект, названный в честь вождя Октябрьской революции В. И. Ульянова (Ленина), начинается от перекрестка с ул. Лебедева в заречной части Йошкар-Олы и заканчивается перекрестком с пл. Победы, относящейся к центральной части. Проспект пересекает улицы Советскую, Волкова, Первомайскую, Рябинина. С четной стороны к нему примыкают улицы Карла Либкнехта, Кирова, Петрова, Эшкинина, Вознесенская, Комсомольская, Якова Эшпая; Воскресенская набережная; площади В. И. Ленина, И. А. Оболенского-Ноготкова. С нечетной стороны – пр. Гагарина; улицы Карла Маркса, Лобачевского, Логинова. Проспект был заложен в 1930-х гг. Изначально это была улица, названная именем основоположника марийской классической литературы Сергея Григорьевича Чавайна еще при его жизни. В 1932–1935 гг. на ул. Чавайна был построен комплекс зданий Поволжского лесотехнического института, а в 1937 г., после осуждения С. Г. Чавайна, подвергнутого политическим репрессиям, улица была переименована в Инсти-

³² См.: Воронцова О. П., Галкин И. С. Указ. соч. С. 319.

тутскую. В 1966 г. на основании решения горисполкома ул. Институтская в связи с установкой на Центральной площади Йошкар-Олы памятника В. И. Ленину получила наименование Ленинский проспект, площадь стала именоваться не Центральной, а площадью им. В. И. Ленина. Псевдоним вождя восходит к наименованию топообъекта – сибирской реки Лены. В эвенкийском (исходном) языке название закрепилось в форме *Елюенэ* (*Елюенэ, Линэ*), что соответствует значению ‘большая река’³³.

Тарханово (мар. **Тарханово (микро) район**) – микрорайон, расположенный в северо-западной части Йошкар-Олы. Название получил от одноименной деревни, находившейся в 5 км от города. Постановлением Президиума Верховного Совета МАССР от 10 июля 1980 г. дер. Тарханово была включена в состав Йошкар-Олы. Впоследствии в соответствии с постановлением главы администрации Йошкар-Олы от 9 декабря 1994 г. появились улица и переулок с аналогичным названием, которые дали название микрорайону. Топоним восходит к ониму *Тархан* со значением ‘обельный вотчинник, свободный от всех податей; встарь, иным тарханам давались и несудимые грамоты; ныне остались только почетно, без прав’³⁴; ‘феодал, пользовавшийся налоговыми льготами (у некоторых тюркских народов в период средневековья)’³⁵; 1) ‘сословие, свободное от налогообложения’; 2) ‘скупщик льна, конопли, щетины, кож (в деревнях)’. Из тур., чагат. *tarḫan* ‘привилегированное сословие’, др.-тюрк. *tarkan* ‘сан’, уйг. *Tarḫan*³⁶; *тюрк. tarḡan* – владетель: 1) ‘в феодальной Руси – владетель вотчины, освобожденный от податей, пользующийся особыми привилегиями (ист.)’; 2) ‘грамота, документ, дарующий такие права (ист.)’; 3) ‘мелкий торговец, скуп-

щик, разъезжающий по деревням, прасол (устар.)’³⁷. Первоначально у татар, а затем и у русских слово *тархан* обозначало привилегированное лицо, за особые заслуги освобожденное от уплаты налогов и податей. В эпоху Золотой Орды тарханами (дарханами) назывались свободные представители разнообразных ремесленных профессий (мастеровые, кузнецы и т. п.), которые образовали новое сословие, превратившееся в дальнейшем в личное имя русских и татар. В XVII–XIX вв. слово *тархан* стало функционировать с новым значением ‘мелкий бродячий торговец’. Местное население называло дер. Тарханово по-разному: *Торкан, Тархан, Тархан Ял*. Деревня основана в XVII в. новокрещеными служилыми людьми, поступившими на царскую службу сборщиками податей, толмачами, ратниками (тарханами), которые селились на отведенных землях возле города. Петр I перевел тарханов вместе с ясачными крестьянами в разряд государственных крестьян – особого сословия крестьянства в России XVIII–XIX вв.

Чихайдарово (мар. **Чихайдарово (микро) район**) – микрорайон, расположенный в южной части города, возникший на месте одноименной марийской деревни, основанной в XVII в. История микрорайона начинается с включения одноименной деревни в городскую черту по указу Президиума Верховного Совета РСФСР от 5 августа 1963 г. и решению горисполкома от 25 сентября 1963 г. После присоединения новых земель эти территории стали отводить под предприятия и организации. На марийском языке топоним известен как *Кушкорем ял* (*кукишо корем, кукишыгорем* ‘сухой овраг’), что означает ‘деревня близ сухого оврага’. По одной из версий, официальное название произошло от имени собственного *Чигай*, восходяще-

³³ См.: Ульянова О. Д. Родной Ленин (Владимир Ильич и его семья). М., 2002. С. 26.

³⁴ См.: Толковый словарь Даля. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc2p/363002> (дата обращения: 05.10.2021).

³⁵ См.: Толковый словарь русского языка. URL: <https://www.vedu.ru/expdic/111162> (дата обращения: 05.10.2021).

³⁶ См.: Этимологический словарь русского языка Макса Фасмера. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/vasmer/48685> (дата обращения: 03.10.2021).

³⁷ См.: Толковый словарь Ушакова. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1051330> (дата обращения: 03.10.2021).

го к тат. *Шига́й* со значением ‘наемный рабочий, батрак, бедняк’. По другой версии, *Чихайдар* состоит из двух татарских слов: *чи* ‘огрех’ + *айдар* ‘оставленные при бритье длинные волосы на макушке’, что означает ‘клок волос’. На русской почве произошла вставка согласного *х*³⁸.

Агоронимы и годонимы
Йошкар-Олы с заимствованным
отантропонимным компонентом

Заимствованные урбанонимы-посвящения с антропонимическим компонентом наиболее распространены среди годонимов. Анализу подверглись городские заимствованные топонимы, этимологически восходящие к древним и современным языкам.

Агоронимы и годонимы,
заимствованные из античных языков

Патриаршая площадь (мар. **Патриарший площадь**) была основана в 2010 г. на берегу Малой Кокшаги. В том же году на площади был установлен первый в России памятник Алексею II, основателю Марийской и Йошкар-Олинской епархии. Площадь примыкает к набережной Брюгге. Наименование площади включает отантропонимный компонент *патриарший(-ая)* со значением ‘высший чин православной церкви’ на Руси с 1589 по 1721 г.: др.-русс., ст.-слав. *патриар(ъ)хъ* от др.-греч. *πατριάρχης* – название святых отцов, в особенности двенадцати сыновей Иакова, а также греческих патриархов в Константинополе, Александрии, Иерусалиме и Антиохии³⁹. Прилагательное сохранило древнерусскую форму *патриарший*, не подвергшись влиянию западных языков; ср.: нем. *patriarchalisch* < лат. *patriarchālis*.

Площадь Никонова (мар. **Никонов площадь**) расположена в центральной части столицы Республики Марий Эл на правобережье Малой Кокшаги. Топообъект назван в 1999 г. в честь советского государственного деятеля Виктора Петровича Никонова, руководившего республикой

в 1967–1979 гг. Таким образом были отмечены его заслуги в организации жилищного и производственного строительства в Йошкар-Оле. В основе фамилии *Никонов* лежит христианское личное имя *Никон* (греч. *nikao* ‘побеждать’). Покровителем имени считается преподобный мученик Никон Филиппольский, пострадавший за проповедь христианства среди язычников.

Проспект Гагарина (мар. **Гагарин проспект**) пролегает в центре города, начинается от Ленинского проспекта и заканчивается ул. Яналова. Проспект ведет свою историю с 1930-х гг., когда ул. Ярмарочная, переименованная на основании постановления исполкома Царевококшайского уездного Совета от 16 января 1919 г. в ул. Зарубина, была продолжена в сторону железнодорожного вокзала. После первого полета человека в космос магистраль получила имя первого летчика-космонавта Ю. А. Гагарина (1934–1968). Фамилия *Гагарин* восходит к орнитониму *гагары* (лат. *Gavia*)⁴⁰, наименованию рода водоплавающих птиц, относящихся к отряду гагарообразных (лат. *Gaviiformes*).

Улица Артёма (мар. **Артём урем**) находится на севере городской территории, в микрорайоне Тарханово за р. Шоей. Она начинается от ул. Школьной, тянется в северном направлении и заканчивается на границе города и пос. Новый Медведевского района. Улица начала застраиваться в 1960 г. Названа в честь революционера Федора Андреевича Сергеева (1883–1921), известного под псевдонимом *Артём*. Имя *Артём* имеет греческие корни и происходит от онима *Артемиос* (греч. *Ἀρτέμιος*), что в переводе означает ‘невредимый’ или ‘безупречного здоровья’. В дохристианские времена значение имени было ‘посвященный Артемиде’, т. е. вечно юной богине охоты, женского целомудрия, покровительнице всего живого на Земле.

1-й, 2-й проезды Артёма (мар. **1-ше, 2-шо Артём изурем**) находятся с правой стороны одноименной улицы внутри квар-

³⁸ См.: Воронцова О. П., Галкин И. С. Указ. соч. С. 26.

³⁹ См.: Этимологический словарь русского языка Макса Фасмера. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/vasmer/44903> (дата обращения: 03.10.2021).

⁴⁰ См.: Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера. URL: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/> (дата обращения: 03.10.2021).

талов № 409 и 418. Они появились одновременно с улицей.

Улица Валентина Колумба (мар. **Валентин Колумб урем**) расположена на юго-востоке городской территории, в районе новой индивидуальной застройки и перекрестка улиц Звездной и Центральной, находящихся в садоводческом некоммерческом товариществе «Цветочное». Согласно постановлению администрации городского округа от 31 марта 2010 г. она названа в честь марийского поэта, писателя, переводчика и журналиста, лауреата премии Марийского комсомола им. Олыка Ипая в области литературы Валентина Христофоровича Колумба (1935–1974). Отец В. Колумба – марийский колхозник Христофор Валентинович Колумб (урожденный Декин) – получил новую фамилию от сельского учителя, поклонника истории географических открытий. Как известно, фамилия *Колумб* восходит к латинскому слову *columbus* ‘голубь’, значение которого метафорически трактуется как ‘мирный’, ‘несущий весть’.

Улица Зои Космодемьянской (мар. **Зоя Космодемьянская лумеш урем**) расположена в левобережной части города, в районе Ремзавод, начинается от Ленинградской улицы и заканчивается ул. О. Кошевого. Она начала застраиваться в 1953 г. и получила имя Зои Анатольевны Космодемьянской (1923–1941), первой женщины, удостоенной звания Героя Советского Союза во время Великой Отечественной войны. Фамилия *Космодемьянский* образована от двух крестильных мужских имен: *Косма* и *Демьян*, которые в переводе с греческого означают соответственно ‘мир, порядок, мироздание’ и ‘покоритель’. *Зоя* – женское русское личное имя греческого происхождения, восходящее к др.-греч. *Ζωή* ‘жизнь’.

1-й, 2-й, 3-й проезды Зои Космодемьянской (мар. **Зоя Космодемьянская лумеш 1-ше, 2-шо, 3-шо изурем**) примыкают к одноименной улице. Застройка проездов началась в 1957 г.

Переулок Севастопольский (мар. **Севастополь изурем**) находится в левобережной части города. Его история начи-

нается в 1956 г., в период строительства микрорайона Ремзавод. Название переулок носит в честь города-героя Севастополя. *Севастос* – эквивалент латинского титула «Август», поэтому *Севастополь* означает ‘августейший город’, ‘императорский город’ или город, ‘достойный поклонения’. Город впервые получил имя в античные времена, когда император Рима Октавиан Август назвал его в честь себя.

Переулок Тельмана (мар. **Тельман изурем**) начинается от перекрестка с ул. Семенюка и заканчивается перекрестком с ул. 8-го Марта. Эрнст Тельман (нем. *Thälmann*) (1886–1944) известен как деятель германского и международного коммунистического движения. Он был членом Независимой социал-демократической партии Германии, Коммунистической партии Германии, председателем компартии Германии, депутатом рейхстага, членом Исполнительного комитета Коммунистического интернационала. Фамилия *Тельман* образовалась от женского имени *Теле*, представляющего собой форму имени *Тольца*. Имя *Тольца* произошло от древнеримского женского имени *Dulce*, что в переводе с латинского (лат. *dulcis*) означает ‘сладкая’. Фамилия *Тельман* может быть интерпретирована по личным качествам предка как ‘мягкий по характеру человек’. В Европе данное имя стало употребляться в XVII в. Первые записи о существовании имени *Тольца* на территории Российской империи, на Волыни, относятся к 1574 г. Производная от него фамилия встречалась в основном в Минской и Могилевской губерниях, позже она распространилась в другие места.

Годонимы, заимствованные из современных европейских языков

А. Немецкий язык

Улица Карла Либкнехта (мар. **Карл Либкнехт урем**) находится в центре левобережной части Йошкар-Олы, начинается от Сернурского тракта и заканчивается кольцевой развязкой с Ленинским проспектом и ул. Лебедева. Улица получила имя Карла Либкнехта (1871–1919), деятеля германского и международного рабоче-

го движения, одного из основателей Коммунистической партии Германии (1918). Топообъект появился в 1958 г. в районе Новостройка. Позже ул. К. Либкнехта продлили до ул. Мира (1994). Первая часть композита *Либкнехт* происходит от глагола *любить* (нем. *lieben*), вторая часть *Кнехт* (нем. *der Knecht*) в переводе с немецкого языка означает: 1) ‘крепостной’, ср.: крепостной в средневековой Германии; 2) ‘пехотинец’, ср.: наемный пехотинец незнатного происхождения в ряде стран средневековой Европы; 3) ‘батрак, безземельный крестьянин’ в Прибалтийском крае Российской империи⁴¹. Буквальный перевод фамилии – ‘любимый слуга’. Таким образом, фамилия *Либкнехт* произошла от прозвища по роду деятельности одного из предков.

Переулоч Карла Либкнехта (мар. **Карл Либкнехт изурем**) расположен с восточной стороны от одноименной улицы, между ул. Гайдара и ул. 8-го Марта.

1-й, 2-й, 3-й, 4-й проезды Карла Либкнехта (мар. **1-ше, 2-шо, 3-шо, 4-ше Карл Либкнехт изурем**) пролегают между пер. К. Либкнехта и Сосновым переулком.

Улица Розы Люксембург (мар. **Роза Люксембург урем**), берущая начало от перекрестка с ул. Семенюка, возникла в 1959 г. Она названа в честь Розы Люксембург (1871–1919), известного польско-немецкого теоретика марксизма, философа, экономиста и публициста, феминистки, одного из основателей антивоенного Союза Спартака и Коммунистической партии Германии. Ее настоящее имя – *Розалия Люксембург* (*Rosalia Luxemburg*). Фамилия *Люксембург* происходит от древневерхненемецкого слова *lucilinburch* ‘малый город’⁴².

Переулоч Розы Люксембург (мар. **Роза Люксембург изурем**) начинается от перекрестка с ул. Тельмана и заканчивается перекрестком с ул. 8-го Марта.

Улица Фридриха Энгельса (мар. **Энгельс урем**) пролегает в районе индиви-

дуальной застройки, в Сосновой роще. Она начинается от ул. Малиновой и заканчивается ул. Кирпичной. Застройка данного района началась в 1950-х гг., улица получила свое название в 1957 г. Фридрих Энгельс (1820–1895) – немецкий философ-материалист, один из основоположников коммунистической доктрины. Немецкая фамилия *Энгельс* происходит от личного имени *Энгель*, которое этимологически связано с именем *Engels* (нем. *Engel* ‘ангел’ от греч. *ἄγγελος* в значении ‘посланник’, ‘приносящий известие’)⁴³. Существует и параллельная интерпретация данного имени, восходящая к этнониму *Углы* (нем. *Angeln*), т. е. к названию германского племени. Углы (англы) пришли из Ютландии, с территории современной немецкой земли Шлезвиг-Гольштейн. Начиная с III в. племена англов с соседними племенами саксов, ютов и фризмов мигрировали в Великобританию. В VII–X вв. англы и саксы объединились в одну этническую группу англосаксов, составившую основу современной английской нации.

Улица Фонвизина (мар. **Фонвизин урем**) находится в левобережной части города, в районе Ремзавод, начинается от ул. Л. Шевцовой и заканчивается ул. Кирова. Первый дом на улице был построен в 1949 г., однако название она получила только в 1953 г. Улице присвоили имя русского писателя Дениса Ивановича Фонвизина (1745–1792). Предки выдающегося русского драматурга являлись представителями обрусевших прибалтийских немцев и именовались *Фон Визин* (ср.: нем. *von Wiesen*): частица *фон* ‘из’ указывает на место происхождения, немецкий топоним (*die*) *Wiese* переводится как ‘луг, поляна, пастбище’. Окончание *-e* в русском употреблении ассимилировалось в *-ин*, что является одним из примеров русской адаптации фамилий иноязычного происхождения. Фамилия *Фон-Визен* или, с русифициро-

⁴¹ См.: Словарь иностранных слов русского языка. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/19955 (дата обращения: 03.10.2021).

⁴² См.: Топонимический словарь. URL: <http://www.xn--80aacc4bir7b.xn> (дата обращения: 06.10.2021).

⁴³ См.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. URL: <https://rus-brokgauz-efron.slovaronline.com/5641> (дата обращения: 05.10.2021).

ванным окончанием, *Фон-Визин* писалась в XVIII в. в два слова или через дефис. Подобное правописание сохранялось до середины XIX в.⁴⁴

Б. Польский язык

Улица Мичмана Шаблатова (мар. **Мичман Шаблатов урем**) расположена на юго-востоке городской территории, начинается от ул. Валентина Колумба и заканчивается ул. Кима Васина. Она появилась по постановлению мэра города от 22 января 2003 г., получив имя мичмана Владимира Геннадьевича Шаблатова (1977–2000), погибшего на атомной подводной лодке «Курск». Фамилия *Шаблатов* представляет собой дериват фамилии *Шаблов*, которая образована от прозвища *Шабло*, восходящего к польскому слову *szabla* ‘сабля’. Прозвище мог получить лихой кавалерист или человек, изготавливающий холодное оружие, что указывает на род занятий предка. В основе именования *Шабло* также может лежать русское диалектное слово *шабол* ‘лохмоть, мохор’, где *мохор* означает: 1) ‘шерстинка, перо; зубчик или лепесток оборки, короткая нить, шнурок’; 2) ‘каждая отдельная часть мохнатой нити, кисти, бахромы’⁴⁵. В этом случае прозвище *Шабло* мог получить небогатый человек, т. е. название произошло по его социально-экономическому положению.

Улица Дзержинского (мар. **Дзержинский урем**) находится в северо-западной части города, начинается от ул. Дружбы и заканчивается за Брестским переулком. Застройка улицы началась в 1957 г. Ей присвоили имя Феликса Эдмундовича Дзержинского (1877–1926), революционера, советского политического деятеля. Родина Дзержинского – родовое имение Дзержиново (белорус. *Дзяржынава*, пол. *Dzierżynowo*), которое находилось в Ошмянском уезде Виленской губернии Российской империи (ныне Столбцовский район Минской области). Имение,

в свою очередь, названо по имени деда Феликса Эдмундовича, поляка Юзефа Яна Дзержинского. Дзержинские относятся к старинному дворянскому роду, первое упоминание о котором связано с провозглашением короля Владислава IV в польских и литовских землях (1632). Глава рода поляк Станислав Дзержинский (Дзержаньски – *Dzierżański*) значится также в известном гербовнике польского геральдиста Каспера Несецкого (XVIII в.). Польское слово *dzierżyć* означает ‘держатъ, владеть’⁴⁶, ср.: древняя общеславянская форма **držati*. Согласно второй версии, фамилия происходит от польского слова *dzierzawa* ‘аренда, арендуемое земельное владение’. Исторически оно родственно русскому существительному *держава*, ср.: белорус. *дзяржава* ‘государство’, *дзяржаўны* ‘государственный’, *дзяржінспектар* ‘государственный инспектор’. Как известно, лексема *держава* выводится из общей индоевропейской базы *dhereg’h-* и имеет значение ‘крепко держать’. Таким образом, оправданным в некоторой степени является прозвище Ф. Э. Дзержинского «Железный Феликс».

Проезд Дзержинского (мар. **Дзержинский изурем**) расположен с восточной стороны от одноименной улицы, между пер. Ушакова и пер. Циолковского.

Улица Пржевальского (мар. **Пржевальский урем**) находится в западной части города, известной ранее как 2-й км Нужьяльской ветки. Она начиналась от бывшего аэродрома и заканчивалась ул. Шумелева. С 1967 г. на улице стали строиться многоэтажные дома, появился первый квартал от ул. Матросова до ул. Чкалова, возник микрорайон Октябрьский. В настоящее время от улицы остался один квартал, расположенный между ул. Чкалова и ул. Машиностроителей. В 1950 г. улице было присвоено имя русского путешественника, географа и натуралиста, генерал-майора Николая Михайловича Пржевальского (1839–1888). Фамилия *Пржевальский* образована от

⁴⁴ См.: Русские фамилии. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/lastnames/13552> (дата обращения: 06.10.2021).

⁴⁵ См.: Словарь русского языка XVIII в. URL: <https://slovar-russkogo-yazyka-xviii-v.slovaronline.com/29474> (дата обращения: 05.10.2021).

⁴⁶ См.: Этимологический словарь русского языка Макса Фасмера. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/vasmer/38986> (дата обращения: 05.10.2021).

прозвища *Пржеваль*, восходящего к польскому глаголу *przewalić* ‘опрокинуть, свалить; перекатить’⁴⁷. Так называли неловкого человека.

Улица Щорса (мар. **Щорс урем**) расположена за парком Победы на северо-западе Йошкар-Олы, в так называемом Татарском поселке. Она начиналась от ранее планируемого продолжения ул. Коммунистической (ныне Кремлевской) и продолжалась до ул. Свердлова. Улица, как и весь поселок, появилась в 1946 г. и получила имя начальника дивизии Красной армии Николая Александровича Щорса (1895–1919). Фамилия *Щорс* образована от прозвища, в основе которого лежит польское слово *szczerze* ‘искренне, откровенно’⁴⁸ или *szczerzyc* ‘скалить, оскаливать’⁴⁹. Следовательно, Щорсом могли называть как искреннего человека, так и насмешника, зубоскала.

Переулок Циолковского (мар. **Циолковский изурем**) находится в северо-западной части города, начинается от ул. Фестивальной и заканчивается ул. Куйбышева. Застройка переулка началась в 1957 г. Ему было присвоено имя русского ученого-изобретателя, основоположника теоретической космонавтики Константина Эдуардовича Циолковского (1857–1935). Фамилия имеет польские корни (предки ученого происходили из городка Циолково), восходящие к пол. *cielę*, *cielak* ‘теленки, бычки’.

Проезд Циолковского (мар. **Циолковский изурем**) находится между пер. Ушакова и пер. Циолковского.

В. Румынский язык

Улица Фрунзе (мар. **Фрунзе урем**) протекает в северной части города, от ул. Жуковского до ул. Водопроводной. Эта территория была отдана под застройку еще до Великой Отечественной войны; первый дом появился в 1939 г. Улица получила имя советского государственного деятеля Михаила Васильевича Фрунзе (1885–1925). Фамилия *Фрунзе* ведет на-

чало от румынского слова *frunza*, которое в переводе означает ‘листва’. Появление румынских фамилий в России имело исторические причины, связанные, во-первых, с переселением в течение XVIII–XIX вв. мигрантов из Румынии, а во-вторых, с присоединением Бессарабии к Российской империи (1812 г.).

Годонимы, заимствованные из финно-угорских языков

Бульвар Ураева (мар. **Ураев бульвар**) находится в микрорайоне Сомбатхей и связывает ул. Мира и бульв. 70-летия Победы в Великой Отечественной войне. История бульвара начинается с проектного решения застройки намывного участка левобережной части города. Согласно постановлению Правительства Республики Марий Эл от 26 июня 1995 г. часть ул. Мира переименовали в бульв. Ураева. Топонимический объект получил имя первого секретаря Марийского обкома КПСС Петра Васильевича Ураева (1910–1967), которому в 1965 г. за победу МАССР во Всесоюзном социалистическом соревновании было вручено переходящее Красное знамя Центрального комитета КПСС и Совета министров СССР. Наименование бульвара восходит к названию топообъекта *Урай*. Город Урай расположен в Западной Сибири, на р. Конде, в 350 км к юго-западу от Ханты-Мансийска. Он возник как поселок при освоении нефтяных месторождений. Топоним происходит от манс. *урай* ‘старица, дугообразное озеро’.

Годонимы, заимствованные из тюркских языков

Улица Мендиарова (мар. **Мендиаров урем**) проходит по восточной части городской территории от ул. 8-го Марта до границы города. Она образована по постановлению главы городской администрации от 21 мая 1997 г. и получила имя марийского просветителя Ислам-Гирея Мендиарова (Павел Петрович Глезденев, 1867–1923). Фамилия *Мендиаров* образована от муж-

⁴⁷ См.: Польско-русский словарь. URL: <https://pl-ru-dict.slovaronline.com/21021> (дата обращения: 03.10.2021).

⁴⁸ См.: Универсальный польско-русский словарь. URL: <https://classes.ru/all-polish/dictionary-polish-russian-uni-term-59896> (дата обращения: 06.10.2021).

⁴⁹ См.: Słownik polsko-rosyjski. URL: https://polish_russian.academic.ru/32508 (дата обращения: 05.10.2021).

ского тюркского имени *Менди* + *яр* + суффикс *-ов*, где первая часть восходит к древнетюркскому существительному *менди* ‘гора’, а вторая – к элементу *яр* (тюрк. *jar*), имеющему следующие значения: 1) ‘крутой, обрывистый берег реки, обрыв’; 2) ‘ложбина, обрыв, ров, круч, лощина, овраг, углубление, балка, берег’⁵⁰.

Улица Мичурина (мар. **Мичурин урем**) находится в левобережной части города, начинается от ул. Московской и заканчивается за пер. Авиации. Улица появилась в 1956 г. и получила имя русского селекционера, академика ВАСХНИЛ Ивана Владимировича Мичурина (1855–1935). В настоящее время сохранилась часть улицы, застроенная индивидуальными домами, близ ул. Воинов-Интернационалистов. По одной из версий, оним происходит от формы *Мичура*, производной от канонического мужского личного имени *Дмитрий*. В. И. Даль зафиксировал русское диалектное слово: вятск. *мичура* ‘угрюмец, неразговорчивый, брюзга’, которое могло дать основу прозвищу, ставшему закономерно фамилией⁵¹. По другой версии, форма представляет собой адаптированный вариант татарской фамилии *Байчура*, которая существует и у современных татар. Фамилия образовалась от двух татаро-булгарских слов: *бай* ‘богатый’ + *cura* или *sura* ‘сын богатыря, дружинник, соратник’⁵². В русской адаптации она получила оформление *Бачурин* (*Бичурин*), а в диалектах произошло замещение *б > м*, ср.: *Мичурин*.

Улица Олега Кошевого (мар. **Олег Кошевой урем**) находится в левобережной части города, в районе Ремзавод, начинается от ул. Севастопольской и заканчивается ул. П. Морозова. Первые дома на улице появились в 1950 г. В 1953 г. ей было присвоено имя одного из организаторов советской подпольной

антифашистской организации «Молодая гвардия» в Краснодаре, Героя Советского Союза Олега Васильевича Кошевого (1926–1943). Фамилия имеет тюркские корни, происходит от слова *кош*. У казаков так называлось крупное казачье объединение (казачья община и одновременно воинское подразделение и хозяйство в его ведении, расположенные на определенной территории), возглавляемое кошевым атаманом, или кошевым. В языках древних кочевых народов лексема *кош* употреблялась в значении ‘аул (группа людей) в процессе миграции или переезда’⁵³, ср.: азерб. *Köç*, каз. *Koş*. От этого же корня происходит слово *кочевник*. Приведенные примеры указывают на имплицитно присутствующее значение онима ‘непостоянный характер, смена места жительства’, что связано с адаптацией от тат. *кош* ‘птица’⁵⁴. Описание топонимических объектов Республики Марий Эл, включающих элемент *кош*, не ограничивается указанной улицей, ср.: *Кошанур* (мар. дер. в Моркинском районе), *Кошале* (мар. дер. в Моркинском районе), *Кошпай* (мар. дер. в Параньгинском районе), *Тат-Кошпай* (тат. дер. в Параньгинском районе)⁵⁵. Данные антропонимные ойконимы, в том числе эллиптированный *Кошпай*, содержат марийское мужское личное имя тюркского происхождения *Кошпай* от *кош* ‘птица’.

1-й, 2-й проезды Олега Кошевого (мар. **1-ше, 2-шо Олег Кошевой лүмеш изурем**) примыкают с запада к ул. Олега Кошевого. Первые дома здесь построены в 1956 г.

Улица Суворова (мар. **Суворов урем**) начинается в центре городской территории и продолжается по направлению на северо-запад. Улица, появившаяся в 1946 г., получила имя Героя Советского Союза Сергея Романовича Суворова (1922–1942).

⁵⁰ См.: Толковый словарь Ушакова. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1099754> (дата обращения: 06.10.2021).

⁵¹ См.: Толковый словарь Даля. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc2p/265946> (дата обращения: 06.10.2021).

⁵² См.: Русские фамилии. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/lastnames/856> (дата обращения: 05.10.2021).

⁵³ См.: Большой Энциклопедический словарь. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/166126> (дата обращения: 06.10.2021).

⁵⁴ См.: Воронцова О. П., Галкин И. С. Указ. соч. С. 132.

⁵⁵ Там же. С. 132–133.

Во избежание ошибочной трактовки наименования улицы в честь полководца А. В. Суворова на доме № 14 установлена мемориальная доска в память о С. Р. Суворове. Этимология фамилии *Суворов* трактуется двояко: от тюркского прозвища *Sevar, Suvor* ‘всадник’ и от слова *суворый* ‘мрачный, тяжелый’, которое также имеет тюркское происхождение, ср.: каз. *sur* ‘серый, свинцовый, тяжелый’⁵⁶.

Улица Тарханово (мар. **Тарханово урем**) пролегает на севере городской территории от ул. Песчаной до границы города. История улицы начинается с постановления Президиума Верховного Совета Марийской АССР от 10 июля 1980 г., согласно которому дер. Торханово была включена в состав города. Спустя четырнадцать лет распоряжением главы городской администрации от 20 января 1994 г. дер. Торханово трансформировалась в Тарханово и была реорганизована в улицу. Происхождение и этимология онима *Тарханово* представлены в разделе, посвященном микрорайонам Йошкар-Олы.

Переулок Тарханово (мар. **Тарханово изурем**) (бывший Цыганский поселок за дер. Торханово) находится западнее одноименной улицы в том же районе и повторяет ее историю.

Улица Тимирязева (мар. **Тимирязев урем**) расположена в северной части города, начинается от ул. Луговой и заканчивается ул. Водопроводной. Улица застраивается с 1946 г., ей присвоено имя биолога Климента Аркадьевича Тимирязева (1843–1920). Фамилия *Тимирязев* восходит к восточному мужскому имени *Тимир-Газа*, образованному из двух слов: тат. *timir* ‘железо, железный’ + араб. *gazi* ‘воин, воитель, в особенности за религию, солдат-мусульманин; победитель, победоносный’. Родоначальником Тимирязевых был татарин по имени *Тимир-Газа*, что означает ‘железный воин’. С течением времени оним через *Тимиргаз* превратился в *Тимирязь*, из которого позже образо-

валась фамилия посредством присоединения суффикса *-ев*⁵⁷.

Улица Тургенева (мар. **Тургенев урем**) находится за территорией железнодорожного вокзала, примыкает к ул. Кольцова. Этот район начал застраиваться в 1946 г., улица получила имя русского писателя Ивана Сергеевича Тургенева (1818–1883). Фамилия *Тургенев* образована от прозвища *Тургень (Турген)*. В переводе с монгольского языка слово *turgen* означает ‘быстрый’, ‘скорый’, ‘вспыльчивый’, ср.: тат. *турген* ‘отважный’⁵⁸. Прозвище отражало особенности характера и поведения человека: вероятно, основатель рода Тургеневых был ловким, проворным и эмоциональным человеком. Лев Турген, предок писателя, был мурзой в Золотой Орде и попал на Русь при князе Василии III (Василий III Иванович, великий князь Владимирский и Московский в 1505–1533 гг.). С тех пор этот род служил русским царям. Турген принял русское подданство, а при крещении – русское имя Иван, от него пошла дворянская фамилия Тургеневых. С 1 мая 1848 г. род Тургеневых перестал быть иностранным: он был внесен в VI часть Родословной дворянской книги. Именно в эту часть обычно вносились русские древние благородные дворянские роды.

Годонимы, заимствованные из семитских языков

А. Арабский язык

Улица Куйбышева (мар. **Куйбышев урем**) пролегает в северо-западной части города от ул. Дружбы до ул. Березово. Застройка улицы началась в 1957 г. Ей было присвоено имя Валериана Владимировича Куйбышева (1888–1935), советского государственного и партийного деятеля. Фамилия *Куйбышев* образована от мужского мусульманского имени *Куйбыш*, представляющего собой фонетическое преобразование имени *Хайбулла*, которое состоит из двух арабских основ: *хайб* ‘тайна’ + *улла* ‘Бог, Аллах’. Таким образом, имя *Куйбыш*

⁵⁶ См.: Баскаков Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979. С. 115.

⁵⁷ См.: Русские фамилии. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/lastnames/12346> (дата обращения: 03.10.2021).

⁵⁸ См.: Этимологический онлайн-словарь русского языка Крылова Г. А. URL: <https://lexicography.online/etymology/krylov/> (дата обращения: 05.10.2021).

означает ‘секрет Аллаха; тайна, которой ведает Аллах’⁵⁹.

1-й, 2-й проезды Куйбышева (мар. **Куйбышев лүмеш 1-ше, 2-шо изурем**) примыкают к одноименной улице с западной стороны: 1-й проезд начинается от Брестского переулка; 2-й проезд тянется от пер. Ушакова до пер. Циолковского. Первые дома здесь появились в 1958 г.

Антропонимические урбанонимы современного города с количественной точки зрения могут быть распределены на три относительно равные группы: 1) урбанонимы в честь лиц, обладающих милитарным капиталом; 2) урбанонимы, которые несут память о носителях политического капитала; 3) урбанонимы в память людей – носителей культурно-символического капитала.

Улица Хасанова (мар. **Хасанов урем**) находится в центре города, начинается от пр. Гагарина и заканчивается ул. К. Маркса. В 1968 г. проезду, ограничивающему Юбилейную площадь с севера, присвоили имя Героя Советского Союза Хакима Хусайновича Хасанова (1916–1943), старшего сержанта, командира пулеметного расчета 3-го стрелкового батальона 248-й отдельной курсантской стрелковой бригады (60-я армия, Центральный фронт). Х. Х. Хасанов родился в дер. Алмаметьево (ранее дер. Тат-Кушня Моркинского района Марийской АССР). Фамилия *Хасанов* образована от арабского мужского имени *Хасан* (араб. حسن), которое переводится как ‘хороший, красивый, мужественный’. Имя *Хахим* (حكيم), также имеющее арабское происхождение, буквально означает ‘тот, кто судит между людьми’, т. е. судья. В то же время оно имеет значение ‘владелец мудрости’ (*хикма*) и обозначает врача-мусульманина, лечащего по правилам традиционной арабской медицины. Со-

гласно другой версии, имя *Хасан* (ивр. חסן) означает ‘тот, кто читает молитву во время богослужения’, т. е. регент, кантор или ведущий молитву⁶⁰.

Б. Еврейский язык (иврит)

Улица Нахимов (мар. **Нахимов урем**) находится за парком Победы в северо-западной части Йошкар-Олы, является продолжением ул. Кремлевской и заканчивается ул. Зарубина. Она появилась в 1946 г. и получила имя русского адмирала Павла Степановича Нахимова (1802–1855). Фамилия *Нахимов* относится к «патронимическим» еврейским фамилиям, т. е. к тем фамилиям, которые были образованы от мужских личных имен. По звучанию подобных фамилий достаточно легко определить, как именно звали главу семьи в момент присвоения евреям фамилий. Так, фамилия *Нахимов* произошла от мужского имени *Нахим*, которое является формой танахического (относящегося к древнееврейскому тексту Танах) имени *Менахем*, ср.: *Танах* (ивр. תנ"ך) ‘Священное писание’, принятое в иврите название еврейской Библии⁶¹. Термин «Танах» вошел в употребление в Средние века. От имени *Менахем* образована и фамилия *Манахимов*. По-видимому, во время присвоения фамилий главой рода Нахимовых был Нахим. Значение имени *Менахем* ‘утешитель’. *Менахем* в Танахе означает ‘еврейский царь’. В связи со своим значением это имя в основном давалось мальчикам. Фамилия *Нахимов* встречается у представителей общины горских евреев.

Улица Самсонова (мар. **Самсонов урем**) расположена на юго-востоке городской территории, в районе новой индивидуальной застройки, между ул. Дендрограда и ул. Никиткино. Она появилась по постановлению мэра города от 4 октября 1999 г. и названа в память заслуженного архитектора РСФСР, Почетного гражданина Йошкар-Олы Павла Алексеевича Самсонова (1909–1988). Основой фамилии *Самсонов* послужило церковное имя *Сам-*

⁵⁹ См.: Словарь личных имен. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/personal_names/10292 (дата обращения: 03.10.2021).

⁶⁰ См.: Википедия. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/331127> (дата обращения: 05.10.2021).

⁶¹ Там же. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/10621> (дата обращения: 06.10.2021).

сон. Фамилия восходит к православному крестильному имени *Самсон* (ивр. שמשון), которое в переводе с древнееврейского означает ‘солнечный’. Имя собственное символизирует исключительную силу. Согласно библейской легенде, источником Самсоновой силы были волосы героя.

Улица Серафимовича (мар. **Серафимович урем**) находится на севере городской территории, в микрорайоне Тарханово за р. Шоей, начинается от ул. Спортивной и заканчивается ул. Молодежной. Появившейся в 1960 г. улице было присвоено имя советского писателя Александра Серафимовича (Александр Серафимович Попов, 1863–1949). Фамилия *Серафимович* образована при помощи суффикса *-вич*. Первоначально он обладал следующими значениями: ‘маленький’, ‘молодой человек’, ‘сын’. Поэтому *Серафимович* буквально понималось как ‘сын Серафима’. Позднее древний суффикс *-вич* утратил свое прямое значение и сохранился лишь в качестве фамильного, т. е. для обозначения фамилии. Имя *Серафим* восходит к древнееврейскому слову *сараф* (ивр. שָׂרָף), которое имеет значения ‘пылающий, огненный’, ‘змей, летающий змей, змееподобная молния’, ‘летающий дракон или грифон, управляемый с земли воздушный змей’⁶². По представлениям первых христиан, серафимы – ангелы с шестью крыльями, которые спускаются с небес в виде горящих столбов и разжигают в людских душах любовь к Богу.

Переулок Серафимовича (мар. **Серафимович изурем**) расположен перпендикулярно одноименной улице. Первая его часть берет начало от ул. Серафимовича и заканчивается на пер. Молодежном, вторая находится севернее, между Молодежной и Северной улицами.

Заключение

Марийский народ создал собственный оригинальный антропонимикон, который нашел отражение в региональной топонимике. Вместе с тем в ходе исторического развития в результате межэтнических контактов топонимический

фонд марийского языка пополнился заимствованиями из тюркских (начиная с VII в. н. э.), русского (начиная с середины XVI в. н. э.), западноевропейских (начиная с XVII в. н. э.) языков. Воздействие культур и языков других народов на жизнь и традиции мари приводит к значительным изменениям этнического самосознания, в том числе в выборе онимов, не связанных непосредственно с марийской культурой и историей. Данный факт отразился в наименованиях городских географических объектов, которые составляют особый пласт в ономастическом лексиконе. Дескрипция урбанонимов регионального центра – столицы Республики Марий Эл Йошкар-Олы представляет интерес для выявления источников и путей формирования лексической системы городского топонимикона. Марийские урбанонимы аккумулировали различные языки, которые описывают топообъекты, преимущественно хоронимы, агоронимы и годонимы.

Исследование отантропонимных урбанонимов столицы Марий Эл выявляет наличие значительного сегмента заимствований из античных, современных европейских, славянских, тюркских, семитских, финно-угорских языков, пополнявших топонимическую систему марийского языка онимами, содержащими антропонимический компонент. В процессе обогащения марийского лексического фонда отантропонимными урбанонимами языками-посредниками выступали в основном контактирующие с марийским татарский и русский языки. Марийский вариант топонимов, этимологически восходящий к языкам-донорам, оформлялся по законам марийской фонетики и грамматики. В отличие от хоронимов, сформировавшихся в период тюрко-марийских контактов, годонимы с заимствованными антропонимами вошли в список названий улиц Йошкар-Олы в XIX–XX вв., в частности в советский период.

Терминология городских онимов-заимствований передает реальную ситуацию антропогенного генезиса в современных

⁶² См.: Религиозные термины. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/relig/2901> (дата обращения: 05.10.2021).

урбанонимах: личное имя (36,2 %), фамилия (23,5 %), прозвище (34,3 %), псевдоним (6,0 %) в сочетании с лексемой, передающей наименование топообъекта (*урем, изурем, площадь, микрорайон*). Все изученные топонимы являются официальными наименованиями, зарегистрированными в реестре городских топонимов.

Главным принципом, лежащим в основе марийских отантропонимных урбанонимов иноязычного происхождения, стала их номинация по связи с человеком. Выделяются урбанонимы-посвящения (31,9 %) и урбанонимы-апеллятивы (68,1 %). Последние отражают статус или титул (24,3 %); характер человека, его внешность, личные свойства и качества (26,4 %); материальное положение (5,9 %); религиозные убеждения (3,8 %), а также имя первопоселенца или правообладателя географического объекта (7,7 %).

Максимальное количество отантропонимных лексических единиц иностранного происхождения было сконцентрировано в годонимах (90,54 %) на территории Йошкар-Олы ввиду их количественного превосходства над хоронимами (9,45 %) и агоронимами (0,01 %). Обогащение топонимического фонда городской среды региональной столицы онимами с заимствованным отантропонимным компонентом продиктовано следующими факторами: историко-политические и этнокультурные императивы, административно-территориальное декретирование, мультиплицирование наименований объектов городского ландшафта (одноименные микрорайоны, улицы, переулки, проезды), которые способствовали формированию единого представления о топонимическом фонде урбанонимов марийского языка в результате их акцепции из иноязычных источников.

Номинационная тенденция отантропонимных топонимов Йошкар-Олы немарийского происхождения реализовывалась в импортировании ценностей, значимых для историко-политической ситуации России и воспринятых марийским этносом: это имена исторических деятелей Средних веков и Российской

империи, имена-символы советской власти, революционной борьбы, вождей и идеологов коммунистического строя, государственных деятелей, героев и участников Великой Отечественной войны, героев-интернационалистов и т. п. Значительная часть проанализированных отантропонимных урбанонимов, восходящих к разноязычным именам, отражают также значимые для марийского народа персоналии, внесшие существенный вклад в национальную литературу, язык, искусство, историю и науку.

Очевидно, что топонимическая система, являясь своего рода фиксатором изменений в историко-культурном, этническом, лингвистическом ландшафте городской среды регионального центра, содержит ценные сведения о конкретных персоналиях, участниках событий исторического, политического, национального, межкультурного характера.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

<i>азерб.</i> –	азербайджанский
<i>араб.</i> –	арабский
<i>белорус.</i> –	белорусский
<i>бульв.</i> –	бульвар
<i>вятск.</i> –	вятский
<i>греч.</i> –	греческий
<i>дер.</i> –	деревня
<i>др.-греч.</i> –	древнегреческий
<i>др.-русс.</i> –	древнерусский
<i>др.-тюрк.</i> –	древнетюркский
<i>ивр.</i> –	иврит
<i>Им. п.</i> –	именительный падеж
<i>ист.</i> –	исторический
<i>каз.</i> –	казахский
<i>лат.</i> –	латинский
<i>манс.</i> –	мансийский
<i>мар.</i> –	марийский
<i>нем.</i> –	немецкий
<i>пер.</i> –	переулок
<i>пл.</i> –	площадь
<i>пол.</i> –	польский
<i>пос.</i> –	поселок
<i>пр.</i> –	проспект
<i>Р. п.</i> –	родительный падеж
<i>ст.-слав.</i> –	старославянский
<i>тат.</i> –	татарский
<i>тур.</i> –	турецкий
<i>тюрк.</i> –	тюркский
<i>уйг.</i> –	уйгурский
<i>ул.</i> –	улица
<i>устар.</i> –	устаревший
<i>чагат.</i> –	чагатайский

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Захарова Л. А., Нестерова Н. Г., Старикова Г. Н. Аспекты изучения топонимической системы города Томска // Вестник Томского государственного университета. 2003. № 277. С. 177–185. URL: <http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/277/image/277-177.pdf> (дата обращения: 05.10.2022).
2. Иванова И. Г., Хабибуллина Ф. Я. Топонимическое транспонирование в современных европейских языках // Вопросы общего языкознания, семасиологии и лингвистики текста: сб. науч. ст. Чебоксары, 2019. С. 17–22.
3. Карасик В. И. Язык социального статуса. М.: ИЯЗ: Перемена, 1992. 329 с.
4. Кодынева Л. Ю. Урбанонимы, мотивированные антропонимами // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Филология. 2017. № 2. С. 108–113.
5. Стафиевская М. В., Жуков Д. А. Влияние российско-венгерских отношений на историко-культурное пространство города Йошкар-Олы // Вестник Марийского государственного университета. Сер.: Исторические науки. Юридические науки. 2017. Т. 3, № 1. С. 26–31.
6. Суперанская А. В. Ономастические универсалии // Восточнославянская ономастика: сб. ст. М., 1972. С. 346–356.
7. Суперанская А. В., Сталтмане В. Э., Подольская Н. В., Султанов А. Х. Теория и методика ономастических исследований: моногр. М.: Либроком, 2009. 258 с.
8. Тхакахов В. Х. Идентичность и память в урбанонимах Владикавказа // Дискурс. 2019. Т. 5, № 6. С. 108–119. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-6-108-119.
9. Хабибуллина Ф. Я., Иванова И. Г. Заимствования татарского происхождения в гидронимах Республики Марий Эл // Актуальные вопросы формирования межкультурных компетенций в современном образовании: сб. ст. и метод. разраб. Йошкар-Ола, 2020. С. 40–49.
10. Хабибуллина Ф. Я., Иванова И. Г. Отантропонимные географические названия Республики Марий Эл татарского происхождения: топонимические зоны // Финно-угорский мир. 2020. Т. 12, № 3. С. 259–285. DOI: 10.15507/2076-2577.012.2020.03.259-285.
11. Хабибуллина Ф. Я., Иванова И. Г. Политическая топонимия Республики Марий Эл как составная часть регионального ономастического пространства // Вопросы филологии и переводоведения: направления и перспективы современных исследований: сб. тр. конф. Чебоксары, 2020. С. 295–301.
12. Хабибуллина Ф. Я., Иванова И. Г. Политические урбанонимы г. Йошкар-Олы как составная часть городского ономастического пространства // Общие и частные вопросы филологии и переводоведения в контексте межкультурного взаимодействия: сб. науч. ст. по материалам XXXI Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2021. С. 350–355.
13. Хабибуллина Ф. Я., Иванова И. Г. Татарские антропонимы в структуре оронимов Республики Марий Эл // Проблемы марийской и сравнительной филологии: сб. ст. Йошкар-Ола, 2019. С. 97–101.
14. Back O. Übersetzbare Eigennamen: Eine synchronische Untersuchung von interlingualer Autonymie und Exonymie. Vienne: Edition Praesens, 2002. 153 S.
15. Löfström J., Schnabel-Le Corre B. Comment analyser et comparer les toponymes de différentes langues dans une perspective synchronique // Nouvelle revue d'onomastique. 2010. No. 52. P. 291–318. DOI: 10.3406/onoma.2010.1549.

Поступила 15.10.2021; одобрена 21.11.2021; принята 13.01.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ф. Я. Хабибуллина – кандидат педагогических наук, доцент кафедры фундаментальной медицины Марийского государственного университета, khflora@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5438-1828>

И. Г. Иванова – кандидат филологических наук, доцент кафедры фундаментальной медицины Марийского государственного университета, iraida44@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5247-0125>

Borrowings in urbanonyms of Yoshkar-Ola with an anthroponymic component

Flera Ya. Khabibullina

Iraida G. Ivanova

Mari State University,
Yoshkar-Ola, Russia

Introduction. The article considers the borrowed anthroponymic toponyms of the capital of the Republic of Mari El, Yoshkar-Ola, and is carried out in line with the actual problem of modern onomastics, which is a linguistic description of the toponymy of regional cities. The purpose of the work is a synchronous analysis of borrowed anthroponymous urbanonyms of Yoshkar-Ola, dating back to different languages and reflecting the modern toponymic landscape of the Mari capital.

Materials and Methods. The main body of the research is represented by anthroponymous urbanonyms selected from cartographic and lexicographic sources created in Russian and Mari languages. When analyzing the material, various methods of studying toponymic units were used: etymological, semantic, descriptive, quantitative, cartographic.

Results and Discussion. The toponymic fund of Yoshkar-Ola has been formed throughout the history of the city, which is explained by the social nature of the language, its ability to enrich and renew during language contact. The appearance of borrowed urbanonyms is determined by the development of cultural, historical, political, interethnic ties between related and unrelated peoples and languages. The highest prevalence in the toponymicon of the acceptor language was obtained by anthroponymous urbanonyms. Their stable existence in the toposystem of the Mari language is due to the motivation of the anthroponymic component, the appellative character, historical and cultural determinism. The article reveals the results of semantic, etymological, historical, linguistic and cultural study of borrowed geographical and anthroponymic names in the toponymic space of the capital of Mari El. It gives the classification of toponyms by objects of the toponymic nomination, namely horonyms, godonyms, agoronyms.

Conclusion. The analysis provides an opportunity to trace the presence of urbanonyms motivated by surnames, personal names, nicknames and pseudonyms of prominent international, Russian figures, onyms of national personalities (political, scientific, literary, etc.) in the toposystem of Yoshkar-Ola, as well as the names of first settlers and owners of geographical objects. The main principle underlying the Mari borrowed anthroponymous urbanonyms was their nomination in connection with a person and their activities.

Keywords: borrowing, toponym, urbanonym, burying, godonym, anthroponymic component, Yoshkar-Ola, Republic of Mari El

For citation: Khabibullina FYa, Ivanova IG. Borrowings in urbanonyms of Yoshkar-Ola with an anthroponymic component. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2022;14;1:58–77. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.01.58-77.

REFERENCES

1. Zakharova LA, Nesterova NG, Starikova GN. Aspects of studying the toponymic system of the city of Tomsk. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* = Tomsk State University Journal. 2003;277:177–185. URL: <http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/277/image/277-177.pdf> (accessed 05.10.2021). (In Russ.)
2. Ivanova IG, Khabibullina FYa. Toponymic transposition in modern European languages. *Voprosy obshchego iazykoznanii, semasiologii i lingvistiki teksta: sb. nauch. st.* = Issues of general linguistics, semasiology and text linguistics. Collection of scientific articles. Cheboksary, 2019;17–22. (In Russ.)
3. Karasik VI. The language of social status. Moscow; 1992. (In Russ.)
4. Kodyneva LIu. Urbanonyms motivated by anthroponyms. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filologiya* = Vestnik TvGU. Series: Philology. 2017;2:108–113. (In Russ.)
5. Stafievskaya MV, Zhukov DA. The influence of Russian-Hungarian relations on the historical and cultural space of the city of Yoshkar-Ola. *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoricheskie nauki. Iuridicheskie nauki* = Vestnik of the Mari State University. Series: History. Law. 2017;3;1:26–30. (In Russ.)
6. Superanskaia AV. Onomastic universals. *Vostochnoslavianskaia onomastika: sb. st.* = East Slavic onomastics. Collection of articles. Moscow; 1972;346–356. (In Russ.)

7. Superanskaia AV, Staltmane VE, Podol'skaia NV, Sultanov AKh. Theory and methods of onomastic research. Monograph. Moscow; 2009. (In Russ.)
8. Tkhakakhov VKh. Identity and memory in the urbanonyms of Vladikavkaz. *Diskurs = Discourse*. 2019;5;6:108–119. (In Russ.). DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-6-108-119.
9. Khabibullina FYa, Ivanova IG. Borrowings of Tatar origin in hydronyms of the Republic of Mari El. *Aktual'nye voprosy formirovaniia mezhkul'turnykh kompetentsii v sovremennom obrazovanii: sb. st. i metod. razrab.* = Topical issues of the formation of intercultural competencies in modern education. Collection of articles and methodological developments. Yoshkar-Ola; 2020;40–49. (In Russ.)
10. Khabibullina FYa, Ivanova IG. Othrononymic geographical names of the Republic of Mari El of Tatar origin: toponymic zones. *Finno-ugorskii mir = Finno-Ugric World*. 2020;12;3:259–285. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.012.2020.03.259-285.
11. Khabibullina FYa, Ivanova IG. Political toponymy of the Republic of Mari El as an integral part of the regional onomastic space. *Voprosy filologii i perevodovedeniia: napravleniia i perspektivy sovremennykh issledovaniia: sb. tr. konf.* = Issues of Philology and Translation Studies: Directions and Perspectives of Modern Research. Conference proceedings. Cheboksary; 2020;295–301. (In Russ.)
12. Khabibullina FYa, Ivanova IG. Political urbanonyms of Yoshkar-Ola as an integral part of the urban onomastic space. *Obshchie i chastnye voprosy filologii i perevodovedeniia v kontekste mezhkul'turnogo vzaimodeistviia: sb. nauch. st. po materialam XXXI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* = General and particular issues of philology and translation studies in the context of intercultural interaction. Collection of scientific articles based on the materials of the XXXI International scientific and practical conference. Cheboksary; 2021;350–355. (In Russ.)
13. Khabibullina FYa, Ivanova IG. Tatar anthroponyms in the structure of oronyms of the Republic of Mari El. *Problemy mariiskoi i sravnitel'noi filologii: sb. st.* = Problems of Mari and Comparative Philology. Collection of articles. Yoshkar-Ola; 2019;97–101. (In Russ.)
14. Back O. Übersetzbare Eigennamen: Eine synchronische Untersuchung von interlingualer Autonymie und Exonymie. Vienne; 2002.
15. Löfström J, Schnabel-Le Corre B. Comment analyser et comparer les toponymes de différentes langues dans une perspective synchronique. *Nouvelle revue d'onomastique*. 2010;52:291–318. DOI: 10.3406/onoma.2010.1549.

Submitted 15.10.2021; reviewing 21.11.2021; accepted 13.01.2022.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

F. Ya. Khabibullina – Candidate Sc. {Pedagogy}, Associate Professor, Department of Fundamental Medicine, Mari State University, khflora@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5438-1828>

I. G. Ivanova – Candidate Sc. {Philology}, Associate Professor, Department of Fundamental Medicine, Mari State University, iraida44@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5247-0125>

Родственный состав мордовской, русской и татарской семьи-домохозяйства в первой половине XIX в.: сравнительный анализ

Татьяна Анатольевна Першина

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва

Сергей Викторович Першин

*Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия,
Саранск, Россия*

Введение. Актуальность исследования характера и направленности изменений структуры семьи обусловлена негативными тенденциями, свойственными современному социально-демографическому развитию. Исследование долгосрочных тенденций преобразования состава семьи важно для понимания характера и направленности современных процессов, а также для разработки мер социальной политики.

Материалы и методы. С целью проведения сравнительного анализа семейной структуры были обработаны материалы ревизий податного населения 1816, 1834 и 1850 гг. В связи с трудоемкостью обработки первичных материалов переписей территориальные рамки исследования ограничены двумя районами компактного проживания мордвы-эрзи и мордвы-мокши – Ардатовским уездом Симбирской губернии и Краснослободским уездом Пензенской губернии. В ходе исследования использовались сравнительно-исторический, проблемно-хронологический, системного анализа и структурный методы.

Результаты исследования и их обсуждение. В начале XIX столетия семьи-домохозяйства этносов, населяющих территорию Ардатовского и Краснослободского уездов, были представлены как простыми, так и неразделенными формами. У мордвы и русских в 1816 г. доля малых семей была приблизительно равной: около 40 %; на этом фоне выделялись татаро-мишарские нуклеарные семьи – их относительная численность достигала 51,7 %. Среди неразделенных домохозяйств у всех народов доминировали отцовские. У татар-мишарей большее распространение по сравнению со смешанными получили братские семьи-домохозяйства. В 1816–1850-е гг. у всех расселенных на территории современной Мордовии этносов происходил рост численности и доли домохозяйств братского и смешанного типа.

Заключение. На протяжении первой половины XIX в. на территории мордовского края преобладали различные вариации неразделенных семей-домохозяйств. Исключение составляли семьи татар-мишарей, среди которых малые в начале XIX в. несколько превышали по своей относительной численности остальные типы. В 1820–1840-е гг. по всем основным этносам Ардатовского и Краснослободского уездов прослеживаются уменьшение доли нуклеарных семей и усложнение родственной структуры.

Ключевые слова: семья, домохозяйство, двор, этнос, мордва, русские, татары, родственный состав

Для цитирования: Першина Т. А., Першин С. В. Родственный состав мордовской, русской и татарской семьи-домохозяйства в первой половине XIX в.: сравнительный анализ // Финно-угорский мир. 2022. Т. 14, № 1. С. 78–86. DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.01.78-86.

Введение

Негативные тенденции, свойственные современному социально-демографическому развитию (спад рождаемости, увеличение количества разводов и доли неполных семей и др.), определили актуальность исследования структуры семьи. Для понимания современных процессов и разработки эффективной социальной политики необходимо исследовать долго-

срочные тенденции изменения состава семьи, попытаться выявить особенности трансформации данного института на разных исторических этапах. Целью работы является определение этнической специфики, количественных и качественных изменений структуры традиционной крестьянской семьи мордовского края в первой половине XIX в.

Разработка проблемы структуры семьи на протяжении нескольких десятилетий является одним из значимых направлений отечественной исторической науки.

В начале 1980-х гг. известный советский этнограф В. А. Александров актуализировал необходимость выявления региональных особенностей состава крестьянской семьи. По мнению ученого, определить общее и особенное во внутрисемейных родственных связях можно лишь при условии детального изучения семей, функционировавших «в разных регионах огромной страны, отличающихся друг от друга и климатическими условиями, и особенностями хозяйственного освоения» [1, 78].

С середины 1980-х и в 1990-е гг. традиционная крестьянская семья периода «позднего феодализма» неоднократно становилась объектом изучения. Особенности семейного строя башкир выявлял А. З. Асфандияров [2], удмуртов – М. В. Гришкина [7; 8], чувашей – Н. П. Денисова [9], мордвы и татар – С. Д. Николаев [13–15], татар-мишарей – В. Н. Семина.

В 2000-е гг. оригинальные наработки по этой тематике представили Т. А. Васина (удмурты) [4], Г. Н. Кадыкова (луговые марийцы) [10], Н. А. Васканова, А. Г. Иванов (горные марийцы) [5; 6], Т. В. Бессонова [3], Т. А. Першина, С. В. Першин (русские, мордва и татары) [17; 18].

Запрос на обновление теоретико-методологической базы находит отражение в опубликованных в последние годы статьях. В работах А. А. Мироновой, Л. М. Прокофьевой [12], Д. В. Стрекалова, Н. В. Стрекаловой [19] уточняется терминология. Актуальность сохраняют источниковедческие изыскания (Л. Н. Мазур, О. В. Горбачев [11]).

Состояние изученности структуры семьи финно-угорских народов анализировалось авторами данной статьи, на основе чего были определены перспективные направления исследований [16].

С целью проведения сравнительного анализа семейной структуры нами использовались материалы ревизий податного населения – подворные списки 1816, 1834 и 1850 гг., находящиеся на хранении в фондах 25 и 26 Центрального государственного архива Республики Мордовия (г. Саранск)¹.

В связи с трудоемкостью обработки первичных материалов переписей (включавшей в себя по каждому двору определение родственных связей, брачной и поколенной структуры, типологизацию в соответствии с принятыми подходами и др.) территориальные рамки исследования ограничены двумя районами компактного проживания в первой половине XIX в. мордвы-эрзи и мордвы-мокши – Ардатовским уездом Симбирской губернии и Краснослободским уездом Пензенской губернии. На выбор последней из упомянутых административно-территориальных единиц повлияло также формирование здесь к началу 1800-х гг. довольно крупного ареала расселения татар-мишарей.

При определении территориальных рамок исследования, призванного выявить общее и особенное в развитии семейных коллективов (домохозяйств) представителей разных этносов, функционировавших в сходных социально-экономических и природно-климатических условиях, главными факторами послужили сохранность архивных материалов и многонациональность состава населения.

В данной статье термины «семья», «домохозяйство» и «двор» используются в качестве синонимов. Под семьей понимается группа лиц, объединенных родственными связями, совместно проживающих и осуществляющих хозяйственную деятельность. Двор и домохозяйство – лицо или группа лиц, не всегда являющихся родственниками, но проживающих «одним двором». Чаще всего в рассматриваемый период члены двора вели совместное хозяйство и воспринимались органами власти в качестве податной единицы.

¹ Центральный государственный архив Республики Мордовия. Ф. 25. Оп. 1. Д. 42–100 «в»; Ф. 26. Оп. 1. Д. 2–50; Оп. 2. Д. 1–4, 31, 41; Оп. 3. Д. 3, 4, 6, 9, 16, 18–20, 22.

Такой подход к определению объекта исследования получил распространение в исторической науке по той причине, что из-за особенностей источниковой базы в полной мере идентифицировать родственные и хозяйственные связи часто не представляется возможным.

В работе использовались в первую очередь сравнительно-исторический и проблемно-хронологический методы, с помощью которых прослеживается эволюция института семьи-домохозяйства на протяжении длительного временного отрезка. Выявление общего и особенного в родственных связях основных этносов, расселенных на территории мордовского края, стало возможным благодаря применению метода системного анализа, а также структурного метода.

Результаты исследования и их обсуждение

Судя по данным VII ревизии податного населения, в начале XIX столетия (1816 г.) семьи-домохозяйства мордвы, русских и татар были представлены как простыми, так и неразделенными формами (рис. 1).

Довольно распространенными были малые (нуклеарные, простые) семьи. Анализ материалов первичного учета податного населения показывает, что двор такого типа образовывался двумя основными способами: во-первых, в результате выделения брачной пары с потомством из большого домохозяйства; во-вторых, под воздействием внешних факторов (болезней и смертности, рекрутчины, вмеша-

тельства вотчинной администрации и др.). Образование брачной пары из одиночек в условиях общинного землепользования и традиционного сельского уклада представляется маловероятным.

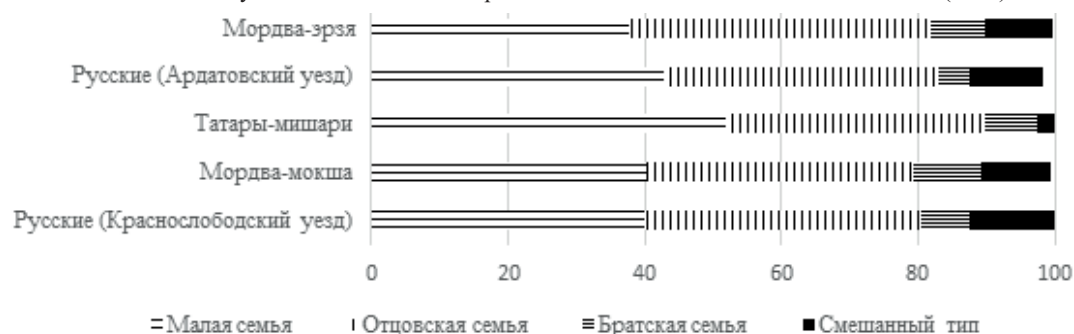
У мордвы и русских в 1816 г. доля малых семей была приблизительно равной и составляла около 40 %. На этом фоне выделялись татаро-мишарские нуклеарные семьи – их относительная численность достигала 51,7 %. Отметим, что среди простых семей у населения Мордовии преобладали семьи супругов с неженатыми детьми.

Неразделенные семьи-домохозяйства классифицировались на отцовские, братские и смешанные. Такие домохозяйства образовывались в основном вследствие разрастания простых семей, усложнения их брачной и поколенной структуры; реже – путем подселения во двор, занимаемый нуклеарной семьей, людей, не являвшихся хозяевам родственниками.

На территории мордовского края среди неразделенных домохозяйств в 1816 г. доминировали отцовские: у русских они составляли около 40 %, у мордвы-мокши – 39,1, у мордвы-эрзи – 44,2, у татар – 38,1 %. Распространенность таких домохозяйств была связана с непререкаемым авторитетом глав семей, близкими родственными отношениями между членами семей, возглавляемых старшими мужчинами. У всех этносов, населявших исследуемую территорию, данный тип преимущественно был представлен родителями (либо одним из них), проживавшими с одним женатым сыном, внуками и младшими детьми.

Рис. 1. Относительная численность семей-домохозяйств Краснослободского уезда Пензенской губернии и Ардатовского уезда Симбирской губернии по материалам VII ревизии (1816 г.)

Fig. 1. Relative number of families-households in the Krasnoslobodsky district of the Penza province and Ardatovsky district of the Simbirsk province based on materials of the VII revision (1816)

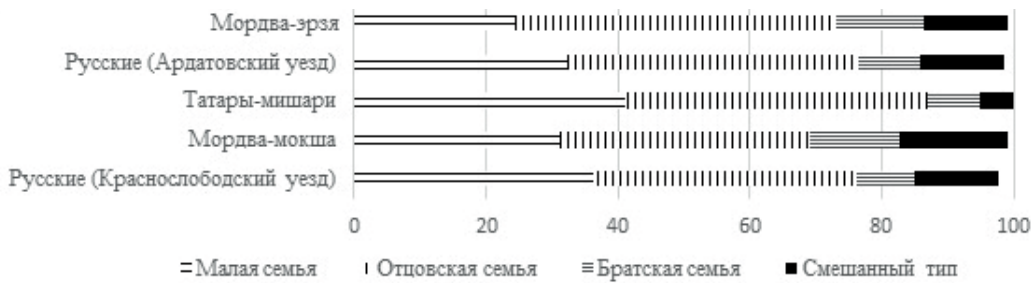

Рис. 2. Относительная численность семей-домохозяйств Краснослободского уезда Пензенской губернии и Ардатовского уезда Симбирской губернии по материалам VIII ревизии (1834 г.)

Fig. 2. The relative number of families-households in the Krasnoslobodsky district of the Penza province and the Ardatovsky district of the Simbirsk province based on the materials of the VIII revision (1834)

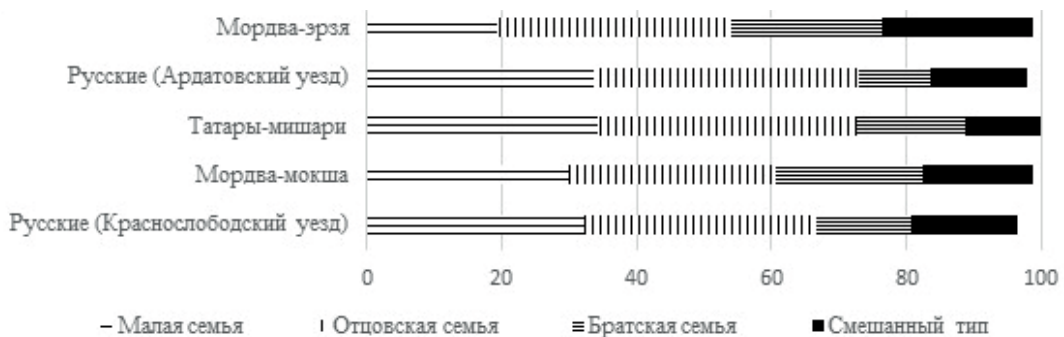

Рис. 3. Относительная численность семей-домохозяйств Краснослободского уезда Пензенской губернии и Ардатовского уезда Симбирской губернии по материалам IX ревизии (1850 г.)

Fig. 3. The relative number of families-households in the Krasnoslobodsky district of the Penza province and Ardatovsky district, Simbirsk province based on the materials of the IX revision (1850)

Доля таких семей варьировалась от 30,6 % у эрзи до 24,4 % у татар-мишарей.

Другой тип семьи-домохозяйства – братский – включал в себя совместно живущих братьев либо братьев со снохой-вдовой и племянниками. Семьи данного типа образовывались после смерти родителей и были следующей фазой генезиса неразделенных отцовских семей. У татар-мишарей такие семьи были более распространенными (7,5 %) по сравнению со смешанными. У мордвы и русских на территории Краснослободского уезда доля братских семей (соответственно 10,0 и 7,1 %) была меньше, чем смешанных.

Домохозяйства, отнесенные к смешанным, появлялись, как правило, в результате распада отцовских и братских семей либо принятия во двор неродственников. У русских относительная численность таких дворов в 1816 г. варьировалась от 12,4

до 10,9 %, у мордвы – от 10,3 до 9,9, у татар составляла всего 2,7 %.

Незначительная доля дворов смешанного типа была прямо связана со спецификой исламского мировоззрения и обычнo-правовыми нормами, действовавшими в татарских населенных пунктах. Как показало исследование В. Н. Семиной, неродственные включения не получили распространения в домохозяйствах татар. Другой особенностью семейного строя мишарей того времени являлось бытование многоженства. В начале 1816 г. в 4,6 % обследованных дворов татар-мишарей были зафиксированы многоженцы².

Одну из основных тенденций, определивших характер социальной трансформации в мордовском крае 1820–1840-х гг., составили уменьшение доли нуклеарных семей и усложнение родственной структуры крестьянских домохозяйств (рис. 2–3).

² См.: Семина В. Н. Семья татар-мишарей Мордовии в первой половине XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 1999.

К 1834 г. относительная численность простых семей у русских сократилась до 36,2 % в Краснослободском уезде и до 32,3 % в Ардатовском уезде; у мордвы доля простых семей была приблизительно равна 30 %. Свои позиции сдала даже нуклеарная семья татар-мишарей (41,1 %), до того времени преобладавшая над другими типами. В 1850 г. нуклеарные семьи почти всех рассматриваемых народов составляли около 30 %, у эрзи их доля не достигала и 20 %.

В 1816–1850 гг. у всех расселенных на территории современной Мордовии этносов происходил рост численности и доли домохозяйств братского и смешанного типов. На территории восточного района (Ардатовский уезд) отцовский тип в 1816–1834 гг. несколько прирастал, а в 1834–1850 гг., как и на западе (Краснослободский уезд), сокращался в своих относительных значениях.

Распад отцовских домохозяйств во второй межревисский период способствовал довольно существенному приросту брат-

ских типов (мокша – с 13,6 до 21,9 %, эрзя – с 13,4 до 22,5, татары-мишари – с 8,1 до 16,1, русские – с 8,8 до 14,0 в Краснослободском уезде и с 9,3 до 10,8 % в Ардатовском).

К середине XIX столетия дальнейшее распространение получили семьи со смешанным составом. С 1834 по 1850 г. их относительная численность особенно ощутимо возросла у мордвы-эрзи (с 12,7 до 22,1 %) и у татар-мишарей (с 5,0 до 11,4 %).

Заключение

На протяжении первой половины XIX в. на территории мордовского края преобладали различные вариации неразделенных семей-домохозяйств. Исключение составляли семьи татар-мишарей, среди которых малые в начале XIX в. несколько превышали по своей относительной численности остальные типы. В 1820–1840-е гг. по всем основным этносам Ардатовского и Краснослободского уездов прослеживаются уменьшение доли нуклеарных семей и усложнение родственной структуры.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров В. А. Типология русской крестьянской семьи в эпоху феодализма // История СССР. 1981. № 3. С. 78–96.
2. Асфандияров А. З. Башкирская семья в конце XVIII – первой половине XIX в. // История СССР. 1984. № 4. С. 150–161.
3. Бессонова Т. В. Структурно-типологическая характеристика русской мещанской семьи Казани середины XIX в. // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2018. Т. 8, № 6. С. 703–712. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36673855> (дата обращения: 05.12.2021).
4. Васина Т. А. Удмуртская православная сельская семья в конце XVIII века (анализ духовной росписи 1795 г.) // Вестник Самарского государственного университета. 2009. № 7. С. 20–24.
5. Васканова Н. А. Состав и структура крестьянской семьи горных марийцев во второй половине XIX века // Марийское краеведение: опыт и перспективы развития: материалы XXV Межрегион. науч.-
6. Васканова Н. А., Иванов А. Г. Семейно-брачные отношения горных марийцев Козьмодемьянского уезда во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2019. № 3. С. 183–186. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41442607> (дата обращения: 05.12.2021).
7. Гришкина М. В. Типология удмуртской крестьянской семьи конца XVII – первой половины XIX в. // Социально-демографические процессы в российской деревне (XVI – нач. XX в.): материалы XX сес. Всесоюз. симп. по изучению проблем аграр. истории. Таллин, 1986. С. 146–153.
8. Гришкина М. В. Удмуртская семья в XVIII – первой половине XIX вв. // Семейный и об-

- щественный быт удмуртов в XVIII–XX вв.: сб. ст. Устинов, 1985. С. 3–17.
9. Денисова Н. П. Чувашская крестьянская семья в первой половине XIX в. // Традиционное хозяйство и культура чувашей: сб. ст. Чебоксары, 1988. С. 84–98.
 10. Кадыкова Г. Н. Крестьянская семья луговых марийцев Казанской и Вятской губерний в конце XVIII – первой половине XIX веков // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. 2006. № 4. С. 54–64.
 11. Мазур Л. Н., Горбачев О. В. Массовые источники по истории крестьянской семьи в России в XX в. // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. Екатеринбург, 2018. № 18. С. 304–321.
 12. Миронова А. А., Прокофьева Л. М. Семья и домохозяйство в России: демографический аспект // Демографическое обозрение. 2018. Т. 5, № 2. С. 103–121. DOI: 10.17323/demreview.v5i2.7936.
 13. Николаев С. Д. Крестьянская семья народов Мордовии в начале XIX века (на примере мордвы и татар) // Исторические и политические науки в контексте современной культурной традиции: материалы IV Сафаргалиев. науч. чтений. Саранск, 1999. С. 601–604.
 14. Николаев С. Д. Общее и особенное в типологии и структуре крестьянской семьи Волго-Вятского региона в первой половине XIX века // История и культура Волго-Вятского края (к 90-летию Вятской уездной архивной комиссии): тез. межрегион. науч. конф. Киров, 1994. С. 388–391.
 15. Николаев С. Д. Структура мордовской семьи первой половины XIX в. // Проблемы дореволюционной истории крестьянства Мордовии. Саранск, 1991. С. 85–104. (Тр. НИИЯЛИЭ; вып. 103).
 16. Першин С. В., Першина Т. А. Историко-география проблемы трансформации структуры семьи финно-угорских народов // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2020. Т. 20, № 1. С. 9–17. DOI: 10.15507/2078-9823.049.020.202001.009-017.
 17. Першин С. В., Першина Т. А. Структура семьи населения Мордовии в первой половине XIX века // Проблемы аграрной истории и крестьянства Среднего Поволжья: сб. материалов VI регион. науч. конф. историков и аграрников Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 2002. С. 172–178.
 18. Першина Т. А., Першин С. В. Родственный состав мордовской, русской и татарской семьи в первой половине XIX в.: сравнительный анализ // Языки культуры в контексте исторического наследия: к 100-летию со дня рождения Э. Р. Тенишева: сб. ст. по материалам Всерос. науч.-практ. конф. Пенза, 2021. С. 259–262.
 19. Стрекалов Д. В., Стрекалова Н. В. Структура и типология провинциальной городской семьи в конце XVIII – первой половине XIX века (на материалах Тамбова) // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2018. Т. 23, № 172. С. 119–130. DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-172-119-130.

Поступила 11.12.2021; одобрена 10.01.2022; принята 13.01.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Т. А. Першина – кандидат исторических наук, доцент кафедры экономической истории и информационных технологий Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, 730791@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8774-3370>

С. В. Першин – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, pers99@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0005-1323-6884>

The relative composition of the Mordovian, Russian and Tatar family-households in the first half of the XIX century: a comparative analysis

Tatyana A. Pershina

National Research Mordovia State University

Sergey V. Pershin

*Research Institute of the Humanities by the Government
of the Republic of Mordovia,
Saransk, Russia*

Introduction. The relevance of the study of the nature and direction of changes in the family structure is due to the negative trends in modern socio-demographic development. The study of long-term trends in the transformation of family composition is important for understanding the nature and direction of modern processes, as well as for developing social policy measures.

Materials and Methods. In order to conduct a comparative analysis of the family structure, the materials of the audits of the taxable population of 1816, 1834 and 1850 were processed. Due to the complexity of processing primary census materials, the territorial scope of the study is limited to two areas of compact residence of Mordva-Erzya and Mordva-Moksha – Ardatov county of Simbirsk province and Krasnoslobodsky county of Penza province. In the course of the study, it used comparative, historical, problem and chronological, as well as systematic analysis and structural methods.

Results and Discussion. At the beginning of the XIX century, families-households of ethnic groups inhabiting the territory of the Ardatov and Krasnoslobodsky counties were represented by both simple and undivided forms. Among Mordva and Russian population in 1816, the share of small families was approximately equal, it was about 40 %; Tatar-Mishar nuclear families stood out against this background with their relative number reached 51,7 %. Among the undivided households, paternal ones dominated: among Russians, there were about 40 %, among Mordva-Moksha – 39,1 %, among Mordva-Erzya – 44,2 %, among Tatars – 38,1 %. Among the Tatar Mishars, fraternal families-households (7,5 %) were more widespread than mixed ones. In 1816–1850, all ethnic groups settled on the territory of modern Mordovia experienced an increase in the number and share of fraternal and mixed-type households.

Conclusion. During the first half of the XIX century on the territory of the Mordovian region, various variations of undivided families-households prevailed. The exception was the families of the Tatar Mishars, with the small ones at the beginning of the XIX century slightly exceeded the other types in their relative numbers. In the 1820s–1840s, a decrease in the share of nuclear families and the complication of the kinship structure was observed in all the main ethnic groups of the Ardatov and Krasnoslobodsky counties.

Keywords: family, household, yard, ethnos, Mordva, Russians, Tatars, kindred composition

For citation: Pershina TA, Pershin SV. The relative composition of the Mordovian, Russian and Tatar family-households in the first half of the XIX century: a comparative analysis. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2022;14;1:78–86. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.01.78-86.

REFERENCES

1. Aleksandrov VA. Typology of the Russian peasant family in the era of feudalism. *Istoriia SSSR* = History of the USSR. 1981;3:78–96. (In Russ.)
2. Asfandiurov AZ. Bashkir family at the end of the XVIII – the first half of the XIX century. *Istoriia SSSR* = History of the USSR. 1984;4:150–161. (In Russ.)
3. Bessonova TV. Structural and typological characteristics of the Russian petty-bourgeois family of Kazan in the middle of the XIX century. *Voprosy natsional'nykh i federativnykh otnoshenii* = Issues of national and federal relations. 2018;8;6:703–712. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36673855> (accessed 05.12.2021). (In Russ.)
4. Vasina TA. Udmurt Orthodox rural family at the end of the XVIII century (analysis of the spiritual painting of 1795). *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* = Vest-

- nik of Samara State University. 2009;7:20–24. (In Russ.)
5. Vaskanova NA. Composition and structure of the mountain Mari peasant family in the second half of the XIX century. *Mariiskoe kraevedenie: opyt i perspektivy razvitiia: materialy XXV Mezhhregion. nauch.-prakt. konf., posviashch. Mezhdunar. godu iazykov koren. narodov* = Mari local history: experience and development prospects. Materials of the XXV Interregional Scientific and Practical Conference dedicated to the International Year of Indigenous Languages. Yoshkar-Ola; 2019;1;1:61–63. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42322689> (accessed 05.12.2021). (In Russ.)
 6. Vaskanova NA, Ivanov AG. Family and Marriage Relations of the Mountain Mari of the Kozmodemyansky Uyezd in the Second Half of the XIX – Early XX Century. *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviia* = Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia. 2019;3:183–186. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41442607> (accessed 05.12.2021). (In Russ.)
 7. Grishkina MV. Typology of the Udmurt peasant family of the late XVII – first half of the XIX century. *Sotsial'no-demograficheskie protsessy v rossiiskoi derevne (XVI – nach. XX v.): materialy XX ses. Vsesoiuz. simp. po izucheniiu problem agrar. istorii* = Socio-demographic processes in the Russian countryside (XVI – early XX century). Materials of the XX session of the All-Union Symposium on the study of problems of agrarian history. Tallin; 1986:146–153. (In Russ.)
 8. Grishkina MV. Udmurt family in the XVIII – first half of the XIX centuries. *Semeinyi i obshchestvennyi byt udmurtov v XVIII–XX vv.: sb. st.* = Family and social life of the Udmurts in the XVIII–XX centuries. Collection of articles. Ustinov; 1985:3–17. (In Russ.)
 9. Denisova NP. Chuvash peasant family in the first half of the XIX century. *Traditsionnoe khoziaistvo i kul'tura chuvashai: sb. st.* = Traditional economy and culture of the Chuvash. Collection of articles. Cheboksary; 1988:84–98. (In Russ.)
 10. Kadykova GN. Peasant family of meadow Maris in Kazan and Vyatka provinces at the end of the XVIII – first half of the XIX century. *Vestnik Chuvashskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* = Bulletin of the Chuvash University. Humanities. 2006;4:54–64. (In Russ.)
 11. Mazur LN, Gorbachev OV. Mass sources on the history of the peasant family in Russia in the XX century. *Dokument. Arkhiv. Istoriia. Sovremennost': sb. nauch. tr.* = Document. Archive. History. Modernity. Collection of scientific papers. Ekaterinburg; 2018;18:304–321. (In Russ.)
 12. Mironova AA, Prokofeva LM. Family and household in Russia: demographic aspect. *Demograficheskoe obozrenie* = Demographic Review. 2018;5;2:103–121. (In Russ.). DOI: 10.17323/demreview.v5i2.7936.
 13. Nikolaev SD. Peasant family of the peoples of Mordovia at the beginning of the XIX century (on the example of Mordovians and Tatars). *Istoricheskie i politicheskie nauki v kontekste sovremennoi kul'turnoi traditsii: materialy IV Safargaliev. nauch. chtenii* = Historical and political sciences in the context of modern cultural tradition. Materials of IV Safargaliev Scientific Readings. Saransk; 1999:601–604. (In Russ.)
 14. Nikolaev SD. General and special in the typology and structure of the peasant family of the Volga-Vyatka region in the first half of the XIX century. *Istoriia i kul'tura Volgo-Viatskogo kraia (k 90-letiiu Viatskoi uezdnoi arkhivnoi komissii): tez. mezhhregion. nauch. konf.* = History and culture of the Volga-Vyatka region (to the 90th anniversary of the Vyatka county archival commission). Abstracts of the interregional scientific conference. Kirov; 1994:388–391. (In Russ.)
 15. Nikolaev SD. Mordovian family structure in the first half of the XIX century. *Problemy dorevoliutsionnoi istorii krest'ianstva Mordovii* = Problems of the pre-revolutionary history of the peasantry of Mordovia. Saransk; 1991;103:85–104. (In Russ.)
 16. Pershin SV, Pershina TA. Historiography of the problem of transformation of the family structure of the Finno-Ugric peoples. *Gumanitarnai: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia* = Russian Journal of the Humanities. 2020;20;1:9–17. (In Russ.). DOI: 10.15507/2078-9823.049.020.202001.009-017.
 17. Pershin SV, Pershina TA. The structure of the family of the population of Mordovia in the first half of the XIX century. *Problemy agrarnoi istorii i krest'ianstva Srednego Povolzh'ya : sb. materialov VI region. nauch. konf. istorikov i agrarnikov Srednego Povolzh'ya* = Problems of agrarian history and the peasantry of the Middle Volga region. Collection of materials of the VI regional scientific conference of historians and agrarians of the Middle Volga region. Yoshkar-Ola; 2002:172–178. (In Russ.)
 18. Pershina TA, Pershin SV. The relative composition of the Mordovian, Russian and Tatar families in the first half of the XIX century: a comparative analysis. *Iazyki kul'tury v kontekste istoricheskogo nasledii: k 100-letiiu so dnia rozhdeniia E. R. Tenisheva: sb. st. po materialam Vseros. nauch.-prakt. konf.* = Languages of culture in the context of historical heritage: to the 100th anniversary of the birth of E. R. Tenishev. Collection of articles based on the materi-

als of the All-Russian scientific and practical conference. Penza; 2021:259–262. (In Russ.)

19. Strekalov DV, Strekalova NV. Structure and typology of a provincial urban family at the end of the XVIII – the first half of the

XIX century (on materials of Tambov). *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki* = Tambov University Review. Series: Humanities. 2018;23;172:119–130. (In Russ.). DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-172-119-130.

Submitted 11.12.2021; reviewing 10.01.2022; accepted 13.01.2022.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

T. A. Pershina – Candidate Sc.{History}, Associate Professor, Department of Economic History and Information Technologies, National Research Mordovia State University, 730791@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8774-3370>

S. V. Pershin – Doctor of History, Lead Research Fellow, Department of History, Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia, Pers99@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0005-1323-6884>

Брачно-семейные обычаи финно-угорских народов Поволжья: юридико-антропологический анализ (конец XIX – начало XX в.)

Юлия Николаевна Сушкова

*Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва,
Саранск, Россия*

Введение. Институты брака и семьи представляются неотъемлемым компонентом традиционного жизнеобеспечения народов, отражающим их историю, особенности быта и деятельности. Финно-угорские этносы на протяжении многовекового периода их существования сформировали оригинальные пласты брачно-семейных традиций, многие элементы которых сохранены до сих пор. В статье в сопоставительном плане проводится юридико-антропологический анализ брачно-семейных обычаев финно-угорских народов Поволжья.

Материалы и методы. Материалом для исследования послужили источники, научная литература, архивные материалы по состоянию брачно-семейных отношений финно-угорских народов Поволжья в конце XIX – начале XX в. В его основу положена юридико-антропологическая методология, включающая как соответствующие теоретические подходы, так и конкретные способы сбора материалов. Сравнительный метод позволяет сопоставить те или иные элементы институтов брака и семьи у отдельных финно-угорских народов Поволжья, выявить общие и особенные их черты. Герменевтический метод предполагает при изучении правовых обычаев более глубокое проникновение в логику правового мышления человека.

Результаты исследования и их обсуждение. В общественном быту финно-угорских народов важную роль играли семейные обряды и обычаи, связанные с заключением брака, свадьбой и внутрисемейной жизнью. Большое значение придавалось домашним божествам. В регулировании брачно-семейных отношений долгое время сохранялись многие традиционные черты, что было обусловлено замедленными темпами становления рыночных отношений, патриархальными чертами семейного уклада, прочностью семейно-родственных связей. Свадебные обряды характеризовались сложностью и многообразием. Приуроченные к разным этапам свадьбы, знаменовавшие собой переход юноши и девушки в новый социальный статус, они должны были способствовать более благополучному осуществлению этого события, санкционировать его в глазах родственников и односельчан.

Заключение. Финно-угорские этносы Поволжья выработали множество аналогичных черт традиционной культуры и быта, что свидетельствует о традициях взаимопроникновения и взаимодействия. Несмотря на общие компоненты и в целом сходство обычаев в сфере брачно-семейных отношений, у народов имеются и отличительные свойства, особенности мировоззрения, обычного права, иных соционормативных установок.

Ключевые слова: обычное право, финно-угорские народы, юридико-антропологический анализ, община, брак, семья

Для цитирования: Сушкова Ю. Н. Брачно-семейные обычаи финно-угорских народов Поволжья: юридико-антропологический анализ (конец XIX – начало XX в.) // Финно-угорский мир. 2022. Т. 14, № 1. С. 87–99. DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.01.87-99.

Введение

Институты брака и семьи представляются неотъемлемым компонентом традиционного жизнеобеспечения народов, отражающим их историю, особенности быта и деятельности. Финно-угорские этносы на протяжении многовекового периода их существования сформировали оригинальные пласты брачно-семейных традиций, многие элементы которых сохранились до сих пор. Требования к браку и семье с древности

вырабатывались в этносоциуме в соответствии с его обычно-правовыми воззрениями, которые во многом поддерживались государством. Лучшие брачно-семейные традиции, в том числе многодетность, почитание старших, призрение сирот, послушание детей родителям, забота о них в преклонном возрасте, мирное разрешение семейных споров, порицание развода, сохранение семейной тайны, поощрялись на

государственном уровне, так как способствовали укреплению порядка, улучшению демографической ситуации, сохранению высокой нравственности, социальной солидарности и взаимопомощи.

Обзор литературы

Изучение брака и семьи у финно-угорских народов было начато крупными дореволюционными исследователями Г. Е. Верещагиным, В. Н. Майновым, П. И. Мельниковым, И. Н. Смирновым, М. Н. Харузиным, Г. Я. Яковлевым. Ими были собраны и обобщены оригинальные материалы о формах брака, способах его заключения, особенностях взаимоотношений между членами семей. Большое внимание уделялось обычно-правовым характеристикам брачно-семейных отношений, их эволюционному развитию с древности, проявлениям взаимовлияния различных культур.

В советский период изучение данной сферы этносоциальных отношений продолжилось в трудах Н. Ф. Беляевой, В. Е. Владыкина, К. И. Козловой, Г. А. Корнишиной, Н. Ф. Мокшина, Т. Л. Молотовой, Г. А. Никитиной, Л. С. Тойдыбековой, Т. П. Федянович, Л. С. Христоролюбовой и др. Авторы возобновили накопление знаний об обычаях и обрядовой жизни финно-угорских народов Поволжья, проследили преобразования свадебного обряда.

Многие исследователи советского периода внесли огромный вклад в познание традиционной культуры финно-угорских народов и в условиях современного финно-угроведения. Их последователями, среди которых Ю. В. Александров, М. С. Волкова, А. Е. Загребин, Е. Н. Мокшина, Ю. Н. Мокшина (Сушкова), О. А. Плоцкая, были подготовлены оригинальные труды по обычно-праву и его отдельным отраслям, в том числе по брачно-семейному праву, религиозной жизни, материальной и духовной культуре, историографии. В данной статье используется лишь часть представленной историографии проблемы.

Материалы и методы

Статья подготовлена на базе юридико-антропологического анализа источников, научной литературы, отдельных архивных

материалов по состоянию брачно-семейных отношений финно-угорских народов Поволжья в конце XIX – начале XX в. В основу исследования положена юридико-антропологическая методология, включающая как соответствующие теоретические подходы, так и конкретные способы сбора материалов. В статье используется сравнительный метод, позволяющий сопоставить те или иные элементы институтов брака и семьи у отдельных финно-угорских народов Поволжья, выявить общие и особенные их черты. Сравнение позволяет подтвердить вывод об общем происхождении финно-угорских народов, тенденциях их развития в регионе. Оригинальным методом юридической антропологии выступает герменевтика, предполагающая при изучении правовых обычаев более глубокое проникновение в логику правового мышления человека.

Результаты исследования и их обсуждение

В общественном быту финно-угорских народов важную роль играли семейные обряды и обычаи, связанные с заключением брака, свадьбой (мар. *суан*, морд. *ладямо*, удм. *сюан*) и внутрисемейной жизнью.

Большое значение придавалось домашним божествам. Считалось, что они могли мстить хозяевам, если те нарушали традиционные устои семейной жизни, например оставляли без присмотра ребенка, применяли к детям телесные наказания и др. Марийским домовым божествам *Кудо-ава* (*кудо* ‘дом’, *ава* ‘женщина, мать’), *Кудо-водыж* (‘домашний дух’), *Кудорт кугыза*, *Кудорт кува* (‘дедушка – дух дома’, ‘бабушка – дух дома’), *Порт оза* (‘хозяин дома’), *Порт кува* (‘хозяйка дома’) соответствовали мордовские хранители жилища *Куд-ава* и *Куд-атя* (*кудо* ‘дом’, *ава* ‘женщина’, *атя* ‘старик’), обитавшие под печкой или под порогом. Аналогии имеются и в удмуртской мифологии, согласно которой покровители жилища *Корка-мурт* (‘человек – дух дома’) и *Корка-кузе* (‘хозяин избы’) оберегали семью хозяина и его дом от чужих домовых, принимали участие в семейных делах. Под влиянием тюрков у мордвы появился термин, обозначающий жилище, – *юрт*, а также теоним *Юрт-ава* [15, 36].

В регулировании брачно-семейных отношений долгое время сохранялись многие традиционные черты, что было обусловлено замедленными темпами становления рыночных отношений, патриархальными чертами семейного уклада, прочностью семейно-родственных связей. Свадебные обряды характеризовались сложностью и многообразием; у финно-угорских народов они имели много общих черт, но различались отдельными элементами. Большая часть браков заключалась по сватовству, хотя были случаи умыкания невесты (чаще с ее согласия). Обряды, приуроченные к разным этапам свадьбы, знаменовавшей собой переход юноши и девушки в новый социальный статус, должны были способствовать благополучному осуществлению этого события, санкционировать его в глазах родственников и односельчан.

При выборе невесты вопрос о ее достоинствах обсуждался с родственниками на семейном совете. Невеста должна была быть работающей, здоровой, иметь хорошую репутацию. Практиковалась женитьба мальчиков на взрослых девицах [3, 99]. По свидетельству Г. Е. Верещагина, в начальный период распространения христианства у удмуртов мальчиков женили совсем в юном возрасте на зрелых работоспособных девушках с целью получить новую работницу в дом: «Женили сыновей от 8 до 12 лет на 20-летних девушках, что видно и из указа Вятской Духовной Консистории от 22 февраля 1757 года за № 178. Указом этим воспрещались такие обычаи в предотвращение кровосмешения свекров со своими снохами» [3, 122–123].

Важнейшим условием выбора невесты было соблюдение ею целомудрия до брака. Так, о целомудрии мариек писал священник Г. Яковлев: «У черемис целомудрие сохраняется более, чем у русских; у черемис нет развратных женщин и девиц. В здешнем обществе, состоящем из 9 починок, в 15 лет был только один несчастный случай, что девица родила до замужества, и то после смерти матери, потому что была без надзора» [25, 62]. Учитель Г. Мендиаров отмечал, что свобода полового общения вне брака у марийцев не допускается, она порицается общественным мнением

настолько строго, что случается лишь как исключение. По его свидетельству, строго соблюдается целомудрие и в сборищах, и в игрищах, хотя в них принимает участие молодежь обоего пола [13, 34]. При обнаружении тайных встреч юноши и девушки их родственники сразу стремились оформить брак. Богатый парень мог откупиться от брака с бедной девушкой суммой в размере не менее 25 руб. В случае порочной связи девушки с женатым или вдовы с парнем в качестве наказания по решению сельского схода их под барабанную дробь водили по улице привязанными друг к другу с навешанными на них старыми метлами, вениками, лаптями и др. «...Такому наказанию подвергались виновные не только из своей деревни, но и посторонние» [13, 34].

Рождение ребенка обязательно происходило в условиях брака, нарушение этого правила имело следствием общественное порицание девушки, навлечение позора на семью и род, существенные трудности в поиске супруга. У мордвы рождение внебрачного ребенка осуждалось настолько сильно, что перспективы его матери иметь законного супруга оценивались как минимальные. У удмуртов беременная девушка выходила замуж при ничтожном калыме, а в семье мужа ею всячески помыкали [1, 194]. Если беременела дочь богатого отца, ее могли выдать за бедного мужика [2, 17].

Существовала традиция заключения браков в рамках эндогамного ареала, нередко суженного до одного села. Например, у марийцев считался «враждебным» брак с девушками, «носящими другой костюм, нежели тот, какой обычен в селении жениха» [9, 306].

У поволжских финно-угорских народов браки были моногамными, хотя полигамия (многоженство) и полиандрия (многомужество) существовали в истории некоторых из них. У мордвы сохранилось немало документальных подтверждений этой брачной практики, в то время как у марийцев подобных свидетельств нет [17, 257]. Г. Ф. Миллер отмечал, что у народов Поволжья «по примеру всех восточных народов многоженство позволено», «однако ж никто более пяти жен у себя не имеет; а большая часть, особливо у вотяков, по одной или по две

жены у себя держат» [14, 77]. Он же привел интересный факт о двоеженстве у удмуртов как следствии недовольства супругой: «...ежели муж своею женой не будет доволен, то вместо разводной и того довольно бывает, что он лишает ее своего ложа и вместо того женится на другой, а первую содержит у себя, яко работницу», однако «ежели кто сверх первой жены похочет взять другую, то отцы... дочерей своих выдают неохотно и того ради просят за них дороже» [14, 69].

В XVIII в. и в более позднее время у восточных финно-угорских народов отмечались случаи левирата и сорората (брачные обычаи женитьбы брата умершего на его вдове, вдовца на сестре умершей жены), что объяснялось экономическими соображениями и интересами детей [17, 257]. Показательно, что у удмуртов вторая жена и младшая сестра жены назывались одинаково – *бултыр* [1, 194]. По свидетельству И. Н. Смирнова, в более ранние периоды истории явления левирата и сорората в среде марийцев встречались чаще [21, 99–102]. Вдова-марийка, вновь выходя замуж, брала с собой дочерей, сыновья же оставались в доме их покойного отца, иначе лишались права на землю и других привилегий [17, 261].

При левирате дети должны были почитать мужа матери как родного отца, однако их фамилия оставалась прежней, а дети, рожденные с новым мужем, носили его фамилию. На такое сожительство родственники с обеих сторон смотрели как на законный брак. Если же вдова вопреки желанию родственников создавала семью с посторонним лицом, она считалась безнравственной и развратной, хотя дети в новых отношениях признавались законными [22, 70].

У мордвы и марийцев перед сватовством в доме жениха молились верховному богу, домашнему богу, а также предкам. Между сватовством и свадьбой родственники жениха несколько раз навещали невесту с подарками, договаривались о дне свадьбы. У марийцев будущая свекровь в эти дни определяла, подойдут ли родственникам жениха подарки, приготовленные невестой. Комплекс обрядов, приуроченных к посещению и одариванию родственников, свидетельствует о сохранении семейно-родственных связей и родственной взаимопомощи.

Специфичным для мордвы был обычай угощения невесты кашей родственницами в ее доме. У марийцев родственники с гостинцами собирались в доме невесты после укладывания сундука с приданым. Обычно брали хлеб, пироги, творог и др. Подарки укладывали в большую кожаную сумку, перевязанную лентой, которую вручали родителям девушки после получения согласия на брак. Однако с первого раза соглашаться на брак дочери считалось неприличным. Родители могли и отказать сватам, в том числе по причине нежелания дочери выходить замуж, «тогда отец, если не может склонить дочь, отказывает свату во второй или третий его приезд» [22, 70].

У удмуртов сват по окончании обряда угощения табаком приступал к сватовству, убеждая родителей выдать дочь за жениха. Невесту спрашивали о согласии – обычно это совершалось в ее комнате сестрой или братом. Если невеста не была согласна, старались ее уговорить всеми мерами, в том числе похвалами жениха, его родителей и родственников, обращая внимание на лад в семье и состоятельность. Согласие невеста выражала ответом о поручении «себя воле родителей» [3, 123–124].

Обязательным компонентом сватовства у финно-угорских народов была уплата калыма (мар. *олно*, *олын*, морд. *питне*, удм. *юрдон*) как своеобразного выкупа за невесту. Устный договор о размере, форме калыма, времени его внесения сопровождался соглашением о приданом невесты [3, 123–124]. Изначально калым вносился преимущественно скотом и ценными вещами, а со временем принял денежное выражение. Марийцы за невесту платили от 1 до 60 руб., жениться старались лишь тогда, когда «минут законные лета и отбудут в рекрутство». Разумеется, уплата калыма не давала права супругу относиться к жене как к объекту собственности.

Обычай предусматривал выделение невесте приданого, размер которого был сопоставим с выкупом. Брачный договор непременно включал калым и приданое. Даже беднейшие крестьяне не могли жениться, не внося хотя бы символическую плату за невесту. Девушка должна была получить от родителей приданое стоимо-

стью не меньше этой символической платы [17, 12].

Приданое относилось к личной собственности жены. Так, удмуртская девушка получала в приданое домашний скот, птицу и т. п. Все имущество поступало в ее исключительное владение, остальные члены семьи могли пользоваться им не иначе как с дозволения хозяйки [23, 7]. У марийцев, проживавших в Казанской и Нижегородской губерниях, имущество (белье, женские уборы, украшения и др.) после смерти матери переходило к дочерям, а если их не было, то к снохам [8, 68, 88].

Наряду с заключением брака сватовством у марийцев существовал обычай приобретения жены путем умыкания, но он не имел широкого распространения. При похищении невесты, как реальном, так и мнимом (по согласию), значимым этапом успеха являлось оставление молодых наедине, обычно в амбаре или другом помещении, после чего брак считался свершившимся, оставалось лишь урегулировать вопросы примирения с ее семьей.

Свадебная обрядность у финно-угорских этносов представляла собой яркое, самобытное явление народной культуры. В ней было много сходных черт, особенно у марийцев и мордвы. Это широкое участие родственников, обычай платы за невесту, взаимные одаривания родственников жениха и невесты, возвращение молодой в дом родителей через некоторое время после свадьбы и др. Однако эти общие для всех финно-угров Среднего Поволжья обычаи у каждого народа имели особенности, проявлявшиеся в причитаниях невесты, угощении ее кашей родственницами, наречении невестки у мордвы; исполнении специальных свадебных песен поезжанами, обрядах, связанных с культом коня, существенном разрыве во времени проведения свадебных пиров в доме жениха и невесты у удмуртов и др. [22, 53–54].

Общественное оформление брака путем проведения свадьбы оставалось обязательным и после принятия православия. Венчание могло происходить спустя год и более после свадьбы [17, 12]. У удмуртов венчание не имело «никакого значения», а совершалось только для соблюдения

«формы». Как отмечал Г. Е. Верещагин, у них «брак очень прост: жену покупают; обряд венчания у некрещеных заключается в том, что дают женщинам выпить священного пива» [3, 124].

Символами замужней жизни, перехода девушки в новый обычно-правовой статус являлись головной убор и новое имя. Головной убор замужней женщины на молодую надевали в разных местах в разное время. В некоторых мордовских селах сваха делала ей женскую прическу, надевая соответствующий головной убор, в церковной сторожке сразу после венчания. У марийцев и в отдельных районах у мордвы смена прически и головного убора происходила в доме мужа после венчания, а у удмуртов – после первой брачной ночи (такой порядок отмечен и в ряде мордовских сел). По некоторым данным, у мордвы молодая меняла прическу и головной убор через год после свадьбы или после рождения первого ребенка.

По свидетельству А. И. Емельянова, «вотяки, беря в замужество жен из других родов обыкновенно посредством похищения или умыкания, называли их родовыми именами, для того чтобы отметить их непринадлежность к тому роду, в супружескую связь с которым они теперь вступали» [7, 38].

У мордвы-мокши на второй день свадьбы совершали обряд наречения молодой, приобщая невесту к новому семейству и определяя ее положение в нем. На удмуртской свадьбе в этот день поезжане вели себя шумно, вызывая: грозились проломить пол, разбирали каменку в бане, дымоход на крыше дома, заводили в избу скотину, намереваясь ее зарезать, пилили и кололи в доме дрова. Обряды, совершавшиеся после свадьбы, были направлены на закрепление отношений между породнившимися семействами, на знакомство молодой с родней мужа.

Брачно-семейные узы в традиционной культуре народа считались крепкими, не подлежащими разрыву. У мордвы обычаев расторжения брака не зафиксировано, фактический уход жены от мужа и наоборот не означал общественного признания прекращения брака. У других финно-угорских народов такие обычаи существовали. Например, у марийцев развод мог про-

изойти с согласия общины по решению шести выборных ее представителей. При этом супруги подвергались всенародному осмеянию: разводящихся привязывали спинами друг к другу и отпускали лишь после объявления решения выборных. Марийской женщине, которая уходила от мужа по собственному желанию, обрезали косы, чтобы она впредь не могла надеть головной убор замужней женщины.

Как писал И. Н. Смирнов, развод практиковался у некрещеных удмуртов. Само обозначение развода как «прогнание жены» свидетельствовало о неравном положении женщины при его реализации. Развод утверждали старейшины от имени общины, по три человека с каждой стороны. Старики уточняли согласие как инициатора, так и другого супруга. В случае инициативы жены старалась примирить ее с мужем [20, 159]. Осуждались лица, кроме родителей, предоставившие кров сбежавшей жене. Однако домохозяева, приютившие жену от жестокого обращения мужа или свекрови, даже получали плату. Были случаи, когда расторжение брака осуществлялось тремя-четырьмя родственниками с обеих сторон, без общины. Дети после развода, как правило, оставались с отцом, но решение могло быть принято мужем и женой совместно [1, 197–198].

Повторно женщина могла вступить в брак в случае вдовства. У удмуртов для этого необходимо было получить согласие мирского общества. Обычное право в данной ситуации разрешало вновь создать семью. Например, в удмуртской сказке “Нюлэсмургенок” к солдатской вдове приходят сваты, что свидетельствует о возможности повторного замужества [3, 191].

Основную социально-экономическую ячейку финно-угорских народов составляли малые и большие неразделенные семьи, в которых, как в микромире, наиболее устойчиво сохранялись многие явления их культурно-обрядовой жизни. Исполнение семейных обрядовых комплексов представляло собой единый, строго соблюдаемый регламент, где каждый участник знал свое место и роль в совершении действия и был не вправе их нарушать.

Существование больших семей было выгодно как для ведения хозяйства, так и

для осуществления налогового контроля государством [11, 188]. В конце XVII в. у марийцев практиковалась система «подымного» обложения крестьян. Введенное в начале XVIII в. подушное обложение также было фактором сдерживания семейных разделов. Способствовало сохранению больших семей и государство. Указом Сената от 30 марта 1823 г. разделы позволялись лишь с особого разрешения губернаторов при условии сохранения в каждом дворе трех-четырех работников от 15 до 60 лет. В дальнейшем условия стали еще жестче: по Положению 1861 г. для выдела совершеннолетнего сына уже требовалось согласие схода, выраженное большинством голосов, по закону 1886 г. – не менее чем 2/3 голосов. Как свидетельствует М. Н. Харузин, к концу XIX в. у удмуртов наблюдалось стремление к разделам. Сожитие большими семьями встречалось все реже, а например, у проживавших по соседству с финно-угорскими народами Поволжья татар издавна существовал обычай, согласно которому сын после женитьбы отделялся от отца и жил своим хозяйством [24, 259].

Большие семьи у финно-угорских народов представляли собой значительные по численности производственные коллективы, построенные на принципах родства по мужской линии и включавшие несколько брачных пар с детьми [1, 129]. Во главе такой семьи стоял большак (мар. *кугурак*, морд. *кудазор*, удм. *кузе*), обычно им был старший мужчина, обладавший наибольшим опытом и деловыми качествами. Глава семьи был не владельцем, а распорядителем семейного (родового) имущества, подконтрольным общине. В братских семьях, отличавшихся демократичностью, действия большака контролировались семейным советом, в котором право совещательного голоса имели и старшие женщины. В отцовских семьях глава обладал большей властью в делах по распоряжению семейным имуществом.

У удмуртов в братских семьях место большака после смерти домохозяина занимал не его старший сын, а следующий за ним брат. В том случае, если предполагаемый большак оказывался неспособным осуществлять обязанности главы семьи (был пьяницей, мотом

и др.), кузе, умирая, оставлял завещание (в устной форме), в котором назначал кого-нибудь из родственников на свое место.

Подобный механизм передачи власти домохозяина существовал и у марийцев. После смерти главы семьи его власть переходила к брату, жившему с ним вместе, или к старшему сыну, или к вдове, если она имела влияние и если дети, оставшиеся после отца, были «в малых летах» [8, 66]. Мать-вдова пользовалась при малолетних детях той же властью в доме, какую имел отец. Власть матери уменьшалась, когда в семье появлялись женатые сыновья. Такие семьи оставались неразделенными не более двух-трех лет [8, 68].

Положение главы семьи обозначалось и внешними атрибутами властвования. Например, у удмуртов в каждой избе в переднем углу около стола стоял стул, на котором мог сидеть только хозяин (*торо пукон*).

Женской половиной семьи управляла большуха (мар. *кува*, морд. *кудазорава*, удм. *кузе кышно*). В мордовских и удмуртских семьях после смерти мужа его вдова могла стать главой семьи, но такое случалось крайне редко [1, 141]. По сообщению М. Н. Харузина, в одной из деревень Сарапульского уезда нераздельно проживали четыре брата со своими семьями, у которых большухой была старуха-мать, но в силу ее преклонного возраста дела вел старший сын [24, 262].

Обычно-правовое положение замужней женщины определялось ее ролью хозяйки дома, несущей большую ответственность не только за решение многих хозяйственно-бытовых вопросов, но и за поддержание духовно-нравственных ценностей, воспитание детей, сохранение традиций. Воспитание детей на добрых семейных традициях, почитающих родительскую волю и авторитет, выступало профилактикой их противоправного поведения с ранних лет. Марийцы по этому поводу говорили: «Привязанная лошадь-молодняк может вращаться вокруг колышка», «Овсяный сноп легче удержать, ржаной – сложнее»¹.

Несмотря на достаточно тяжелый женский труд, было бы неверным характеризо-

вать статус жены с позиций обладания ею минимальными правами, жесткого подчинения воле мужа. Например, в случае его ухода на заработки жена замещала домохозяина на сельском сходе. В семейно-обрядовых и культовых комплексах роль женщины была особенно важна. У удмуртов семейные моления не могли совершаться мужчиной без жены, в связи с чем овдовевший супруг спешил жениться вновь, чтобы сохранить авторитетное положение при проведении обрядов, связанных с религиозным культом [1, 143].

Особое обычно-правовое положение женщины у финно-угорских народов Поволжья определялось значимостью в их мировоззрении женских божеств. Так, сопоставление религиозных верований мордвы и марийцев свидетельствует о «священной роли» и «неприкосновенности» женщины-матери. Представление о женщинах-матерях – покровительницах, а затем и хозяйках тех или иных сил природы, сфер жизнедеятельности эволюционировало в представление о «небесных матерях», покровительствовавших всему народу.

У мордвы одним из примеров выдающейся роли матери можно считать ее участие в свадебном обряде. Свадебный поезд жениха вела мать, «обыкновенно в венце с зажженной свечой в руках». Она же давала невестке новое имя при ее вступлении в дом мужа [9, 303]. У удмуртов бытовал обычай «величать жену именем матери», сохранилось сказание о женщинах-родоначальницах; женщина, особенно старшая по возрасту, являлась жрицей во время весеннего праздника, она же благословляла брачующихся.

Большим авторитетом у мордвы пользовался брат матери, которого ее дочери почитали как кормильца. Во время свадьбы невеста благодарила дядю за то, что он ее «вспоил и вскормил» [9, 306]. У марийцев дети, считая братьев и сестер отца близкими родственниками, тем не менее коренным родством признавали родство с дядями и тетями по матери, называя их близкими к сердцу. Однако, как отмечал М. М. Ковалевский, «все это только переживания прошлого, а в

¹ Этнография марийского народа / сост. Г. А. Сепеев. Йошкар-Ола, 2001. С. 122.

современном быту черемисов родственными связям по отцу дается явное предпочтение. Термин *туй-родо* сохранил значение родства по матери только в «устах стариков», молодое же поколение связывает с ним понятие родства по отцу» [9, 307]. Вероятно, обычно-правовое положение женщины у финно-угорских народов подверглось изменениям под влиянием традиционной юридической культуры русского народа.

Во внутрисемейной жизни женщины у восточных финно-угров обязывались придерживаться определенных ограничений, соблюдать обычаи избегания (запрещалось показывать босые ноги, ходить с непокрытой головой) [3, 35]. По свидетельству П. С. Палласа, замужней удмуртке предписывалось появляться перед старшими родственниками-мужчинами и посторонними людьми, зашедшими в гости, только в закрытой одежде и обязательно в головном уборе. Лишь вдовы и «самые престарелые» освобождались от этой обязанности и могли обвязывать свою голову лоскутом сукна, вышитый угол которого «висит по спине» [18, 35].

Исследователи быта марийцев отмечали характерные для них строгие правила взаимоотношений между мужчиной и женщиной. Так, А. Фукс писала: «Принеся домой воды, молодая сама месит салму (лашка); и это блюдо кушается с уважением, если молодая вышла замуж как должна; а в противном случае салмы никто не ест, и даже иногда пьяные черемисы в нее плюют. Такое жестокое и явное наказание за проступок делает то, что черемисские девки ведут себя хорошо. Говорят, что очень редко случается неблагополучная свадьба, несмотря на то что девки сидят до 25 лет, а черемисы женятся мальчишками. И потому у всех черемис первого брака жены перед ними старухи» [23, 233].

Финно-угорские народы поддерживали и развивали традиции многодетности, а в случае отсутствия родных детей практиковали усыновление (удочерение). У удмуртов и марийцев для усыновления необходимо было отсутствие детей у усыновителя, а «коли уже есть дети, то принять чужого

нельзя» [24, 260]. У марийцев право усыновления предоставлялось как мужчинам, так и женщинам – в случае их вдовства [8, 71]. Удмуртская женщина могла самостоятельно усыновлять только тогда, когда была вдовой или большухой. При муже ей не позволялось усыновлять детей по собственному желанию [24, 260]. Усыновленные воспитанники как мужского, так и женского пола при разделе получали такие же части, какие даются родным детям. От усыновленного (восприемного сына, покормленника) местные крестьяне отличали подкидыша. Если в семье принявшего были родные дети, то подкидыш не отождествлялся с ними [8, 87].

Особый род усыновления встречался в тех семьях, в которых воспитывалась одна дочь и не имелось сыновей или близких родственников мужского пола. В таком случае «усыновляли» принятого в дом зятя, однако он не мог вступить в управление домом после смерти родителей жены [8, 72].

Семейные разделы обычно происходили мирно, с благословения отца и матери. Сначала выделялась семья старшего сына, затем следующего по возрасту и т. д. В доме родителей у крестьян Поволжья по обычаю минората, как правило, оставался младший сын². По сообщению А. Л. Износкова, у марийцев дом отца чаще всего доставался младшему сыну [8, 88]. У удмуртов встречались также случаи майората (наследования дома старшим сыном) [4; 5]. Отставные солдаты, их жены и дети у марийцев пользовались наследством по праву родства в одинаковой мере с крестьянами. Не подвергалось общему дележу при семейных разделах приданое женщин, считавшееся их личным имуществом. Известны случаи, когда отдельные члены семьи для сохранения личных денежных средств прятали их «тайком от домашних», «зарывали в землю» [8, 88].

В правовом быту всех финно-угорских народов широкое распространение получили юридические знаки (мар. *тиште*, морд. *тешкс*, удм. *нус*), свидетельствующие о принадлежности того или иного имущества владельцу. У марийцев первоначально тамга считалась «символом бога», которо-

² См.: Козлова К. И. Этнография народов Поволжья. М., 1964. С. 153; Этнография марийского народа. С. 119.

му она была посвящена, а также «заметкой» о количестве денег, пожертвованных на покупку скота. Свидетельство этого содержится, например, в этнографическом очерке С. К. Кузнецова: «Кроме длинных лык изготовили еще по коротенькому, с такими же знаками; другой конец короткого лыка расщеплен на столько узеньких полосок, чтобы сумма их составляла половину всего числа черточек в тамге» [12, 36–42].

Знаки собственности крестьяне применяли в качестве подписей на официальных документах, ставили на объектах недвижимости, использовали, подобно печати, при сделках и др. Знаки (вроде китайских иероглифов) прежде «составляли алфавит вотякского языка» [3, 69]. Знаками «записывали» расчеты с соседями, позволявшие точно установить, кто, когда, что и сколько должен или получил. «В домашнем быту вотяку необходимо знать какой-нибудь способ счисления, а так как грамотеи еще редки, то неграмотными введено свое арифметическое счисление, и это счисление производится на лутошечных палочках посредством вырезывания знаков вроде римских цифр. Знаки эти носят общее название бирок...» [3, 68].

Бирки выполняли роль товарных накладных при учете товара. «При выдаче смотрителями магазинов в ссуду хлеба число пудов отмечается на палочках; равным образом число выставленных тем или другим домохозяином подвод отмечается на таких же палках, и эти палки хранятся у десятских, пока они отправляют свою должность; по окончании же срока службы палки передаются новому десятскому» [3, 69]. Использовались бирки и при учете товара, поступившего в магазин: «Если кто занимается, например, хлебной торговлей и во время отлучки хозяина привезут хлеба, жена его отмечает принятый хлеб на бирке, длиной с вершок, и такая бирка раскалывается пополам; одну половинку она оставляет у себя, а другую вручает вместо ярлыка привезшему хлеб» [3, 69]. «Бирки выдаются еще синельщиками пряжи и холста и овчинниками. Они считаются удобными в том отношении, что никаких записей о приеме не требуется: одна половинка бирки, приложенная к другой, ясно показывает, чья именно вещь отдана мастеру в дело» [3, 69]. Таким способом

доказывалась подлинность бирки, не допускалось незаконное пользование товаром.

Крестьяне внимательно следили за соблюдением обычного права, строго наказывая за нарушение запретов. Существовавшие в обществе нормы взаимоотношений людей способствовали установлению добросердечности, уважения к человеческой личности. В случае необоснованных обвинений в нарушении обычного права допускалось обращение к общинным институтам – сельскому сходу, совету старейшин. Например, у марийцев практиковалось произнесение клятвы о своей невиновности перед зажженной свечой. Подозреваемый в совершении проступка человек просил Бога наказать его смертью, если в действительности был виновен, при этом он откусывал краюху хлеба [6].

Главным требованием в жизни крестьяне считали неукоснительное соблюдение установленного порядка (любить свой труд, своевременно его выполнять, уважительно относиться к окружающим, почитать предков и др.). «Мариец, прежде чем сделает один шаг вперед, трижды оглянется во круг», – гласит народная пословица. Между собой в традиционном обществе люди были всегда откровенны, боялись солгать, потерять репутацию, ценили верность, почитание, послушание, жили дружно и честно. Случаи воровства, хулиганства, злоумышленных действий, факты супружеской неверности, непочитания, непослушания хотя и встречались, но были сравнительно редки.

У финно-угорских народов Поволжья наряду с земледелием традиционными промыслами были охота и рыболовство, порядок ведения которых также регулировался обычно-правовыми нормами. Обычай обязывал удмуртского охотника делиться первой добычей с другими, его нарушение влекло утрату охотничьего счастья (везения, удачи) [19, 140]. «Охотничьи правила» предписывали взаимовыручку, проявление уважения к товарищам-промысловикам, бережное отношение к пойманной добыче, обязательное добывание подранка, совершение праздничной трапезы как знака особого почтения пойманному ценному зверю, соблюдение экологического равновесия в местах обитания рыбы, зверя и птицы.

Для регулирования отношений с соседями, односельчанами и вообще поведения людей народами было выработано понятие о проступке (грехе) – мар. *сулык*, морд. *не-жеть, коламо*, удм. *сьолык, йыруж*. Строго преследовались убийство, воровство, конокрадство, кляузничество, ложь, обман, колдовство, непочитание старших, культа предков, божеств, любое проявление прелюбодеяния и разврата. Например, у марийцев жестко порицалось воровство, осуждались все случаи нечестной наживы. Многовековой опыт народа свидетельствовал: чем богаче человек, тем он бесстыднее; вора спасешь – хорошего человека потеряешь³.

Нарушители строго наказывались как морально (осуждением, высмеиванием), так и физически, причем иногда виновного забивали насмерть. У восточных финно-угров за кражу имущества на пойманного на месте общинника вешали украденную вещь и под звуки ударов по пустому ведру на глазах собравшихся членов общины устраивали ему «позорную прогулку» по деревне, причем никому не возбранялось бить провинившегося. У марийцев за поджог и случившийся от этого пожар виновного связывали и бросали в огонь⁴.

Важную роль в процессе выявления нарушителя финно-угорские народы отводили присяге, она могла быть в виде перешагивания через палочку из священной рощи с произнесением заклинания, поедания с ножа куска хлеба, положенного на икону, «божбы по граду» [1, 86; 4, 108–109].

Архаичный пласт правовых воззрений представляют случаи самоубийства крестьян, называемые сухой мезтью. Иногда, стремясь доказать свою правоту, обвиненный в проступке вешался на воротах своего обидчика, добиваясь его осуждения обществом. Существовало даже поверье, что самоубийцы мстительны к своим обидчикам и после смерти, насылая им «всевозможные беды и напасти» [1, 90].

У удмуртов известны символические кражи, связанные с суевериями и обрядами (например, кражи горсти земли и снопов с полюсы более удачливых соседей и др.) [1, 85].

Несмотря на то что финно-угорские народы Поволжья придерживались традиций сохранения тайн семьи и села, нередко скрывая противоправные действия от властей, нередко были случаи привода преступников к официальным должностным лицам. Например, в протоколе допроса в Царевококшайской воеводской канцелярии новокрещеного марийца Петра Данилова Сименя (18 ноября 1761 г.) зафиксировано его признание в убийстве жены, совершенном в нетрезвом состоянии. После содеянного он сбежал с места преступления и укрывался в д. Шуля Яранмор Казанского уезда у других новокрещен – Логина Васильева Яшмета и Ивана Васильева. Узнав о преступлении, те привезли Сименя в Царевококшайск, в воеводскую канцелярию. Сименей поклялся, что в «убийствах и воровствах и разбоях нигде не бывал, воров и разбойников, и пристанищев их не ведает, також и беглых драгун, солдат и матросов не знает, дворам и протчему строению пожегов не чинивал и в сем допросе сказал он сущую правду»⁵.

Заключение

Финно-угорские этносы Поволжья выработали множество аналогичных черт традиционной культуры и быта, что свидетельствует о традициях взаимопроникновения и взаимодействия. Несмотря на общие компоненты и в целом сходство обычаев в сфере брачно-семейных отношений, у народов имеются и отличительные свойства, особенности мировоззрения, обычного права, иных соционормативных установок. Традиции в сфере брака и семьи сохраняют многие черты, связанные с патриархальностью семейного уклада, прочностью семейно-родственных связей. Комплексностью и многообразием отличались свадебные обряды, обычаи взаимоотношений внутрисемейного характера.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

мар. –	марийский язык
морд. –	мордовский язык
удм. –	удмуртский язык

³ См.: Чуриков И. А. Этнопедагогика народа мари. М., 2005. С. 141–142.

⁴ См.: Этнография марийского народа. С. 104.

⁵ РГАДА. Ф. 598. Оп. 1. Д. 135. Л. 2–2 об. Подлинник.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров Ю. В. Обычное право удмуртов (XIX – начало XX в.). Ижевск: Удмуртия, 2014. 270 с.
2. Богаевский П. М. Заметки о юридическом быте крестьян Сарапульского уезда Вятской губернии // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России: (обычное право, обряды, верования и пр.). М., 1889. Вып. 1. С. 1–33.
3. Верещагин Г. Е. Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1889. 199 с. (Зап. Императ. Рус. геогр. о-ва по Отд-нию этнографии; т. 14; вып. 3).
4. Верещагин Г. Е. Общинное землевладение у вотяков Сарапульского уезда // Собрание сочинений: в 6 т. Ижевск, 1997. Т. 3, кн. 1. С. 63–122.
5. Верещагин Г. Е. Остатки язычества у вотяков. Вятка: Губ. стат. ком., 1895. 63 с.
6. Евсеев Т. Е. Важнейшие моменты правового быта и обычного права марийского народа // Марий Эл. 1928. № 5–6, 7–8, 9–10.
7. Емельянов А. И. Курс по этнографии вотяков. Вып. 3: Остатки старинных верований и обрядов у вотяков. Казань: Казанск. востк. изд. подотд., 1921. 156 с.
8. Износков Л. Обычаи горных черемис // Памятная книга Казанской губернии на 1868–1869 год. Казань, 1868. С. 60–92.
9. Ковалевский М. М. Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом: опыт в области сравнительной этнографии и истории права. СПб.: Тип. Акционер. о-ва Брокгауз – Ефрон, 1911. 312 с.
10. Козлова К. И. Большая семья у марийцев в конце XIX – начале XX в. // Язык, литература, история. Йошкар-Ола, 1954. С. 161–183. (Учен. зап. МарНИИ; вып. 6).
11. Козлова К. И. Очерки этнической истории марийского народа. М.: Изд-во МГУ, 1978. 344 с.
12. Кузнецов С. К. Четыре дня у черемис во время Сюрема: этногр. очерк. СПб.: Императ. Рус. геогр. о-во, 1879. 53 с.
13. Мендиаров Г. О черемисах Уфимской губернии // Этнографическое обозрение. 1894. Кн. 22, № 3. С. 34–53.
14. Миллер Г. Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков. СПб.: Императ. Акад. наук, 1791. 99 с.
15. Мокшин Н. Ф. Религиозные верования мордвы. 2-е изд., доп. и перераб. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1998. 244 с.
16. Мокшина Ю. Н. Брак и семья в обычном праве мордвы. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2005. 253 с.
17. Народы Поволжья и Приуралья: Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты / отв. ред. Н. Ф. Мокшин и др. М.: Наука, 2000. 578 с.
18. Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Т. 3, половина 2. СПб.: Императ. Акад. наук, 1788. 484 с.
19. Плоцкая О. А. Обычное этническое право коми (зырян): моногр. Сыктывкар: ГОУ ВО КРАГСиУ, 2015. 244 с.
20. Смирнов И. Н. Вотяки: ист.-этногр. очерк. Казань: Тип. Императ. ун-та, 1890. 358 с. (Изв. О-ва археологии, истории и этнографии при Казан. ун-те; т. 8, вып. 2).
21. Смирнов И. Н. Черемисы: ист.-этногр. очерк. Казань: Тип. Императ. ун-та, 1889. 265 с.
22. Федянович Т. П. Свадебные обряды финно-угорских народов Среднего Поволжья (традиции и новации) // Свадебные обряды народов России и ближнего зарубежья: сб. ст. М., 1993. С. 46–72.
23. Фукс А. А. Записки Александры Фукс о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань: Тип. Императ. ун-та, 1840. 329 с.
24. Харузин М. Н. Очерки юридического быта народностей Сарапульского уезда, Вятской губернии // Юридический вестник. 1883. № 2. С. 257–291.
25. Яковлев Г. Я. Религиозные обряды черемис. Казань: Православ. миссионер. о-во, 1887. 87 с.

Поступила 18.11.2021; одобрена 15.12.2021; принята 13.01.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ю. Н. Сушкова – доктор исторических наук, декан юридического факультета, заведующий кафедрой международного и европейского права Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, yulenkam@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4388-0611>

Marriage and family customs of the Finno-Ugric peoples of the Volga region: legal and anthropological analysis (late XIX – early XX century)

Iuliia N. Sushkova

*National Research Mordovia State University,
Saransk, Russia*

Introduction. The institutions of marriage and family seem to be an integral component of the traditional livelihood of peoples, reflecting their history, features of life and activities. The Finno-Ugric ethnic groups, over the centuries of their existence, have formed original layers of marriage and family traditions, many elements of which have been preserved to this day. The article provides a comparative legal and anthropological analysis of the marriage and family customs of the Finno-Ugric peoples of the Volga region.

Materials and Methods. The article is based on the literature, archival materials on the state of marriage and family relations of the Finno-Ugric peoples of the Volga region in the late XIX–XX centuries. It is based on a legal-anthropological methodology, which includes both relevant theoretical approaches and research methods of collecting materials. The comparative method makes it possible to compare certain elements of the institutions of marriage and family among individual Finno-Ugric peoples of the Volga region, to identify their common and special features. The hermeneutic method implies a deeper penetration into the logic of human legal thinking in the study of legal customs.

Results and Discussion. In the social life of the Finno-Ugric peoples, family rituals and customs related to marriage and wedding played an important role and family life. Great importance was attached to domestic deities. Many traditional features have been preserved in the regulation of marriage and family relations for a long time, which was due to the slow pace of the formation of market relations, patriarchal features of the family way of life, and the strength of family and kinship ties. Wedding ceremonies were characterized by great complexity and diversity. They were connected with different stages of the wedding, marking the transition of a young man and girl to a new social status; they were supposed to contribute to a more successful implementation of this event, to sanction it in the eyes of relatives and fellow villagers.

Conclusion. The Finno-Ugric ethnic groups of the Volga region have developed many similar features of traditional culture and way of life, which indicates the traditions of interpenetration and interaction. Despite the common things and the general similarity of customs in the sphere of marriage and family relations, peoples also have distinctive properties, features of worldview, customary law, and other socionormative relations.

Keywords: customary law, Finno-Ugric peoples, legal and anthropological analysis, community, marriage, family

For citation: Sushkova IuN. Marriage and family customs of the Finno-Ugric peoples of the Volga region: legal and anthropological analysis (late XIX – early XX century). *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2022;14;1:87–99. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.01.87-99.

REFERENCES

1. Aleksandrov IuV. Customary law of the Udmurts (XIX – early XX century). Izhevsk; 2014. (In Russ.)
2. Bogaevskii PM. Notes on the legal life of the peasants of the Sarapulsky district of the Vyatka province. *Sbornik svedenii dlia izucheniiia byta krest'ianskogo naseleniia Rossii: (obychnoe pravo, obriady, verovaniia i pr.)* = Collection of information for studying the life of the peasant population of Russia. Customary law, rituals, beliefs, and so on. Moscow; 1889;1:1–33. (In Russ.)
3. Vereshchagin GE. Votyaks of the Sarapulsky district of the Vyatka province. Saint-Petersburg; 1889;14;3. (In Russ.)
4. Vereshchagin GE. Communal land ownership among the Votyaks of the Sarapulsky district. *Sobranie sochinenii: v 6 t.* = Collected works: in 6 volumes. Izhevsk; 1997;3;1:63–122. (In Russ.)
5. Vereshchagin GE. Remains of paganism among the Votyaks. Vyatka; 1895. (In Russ.)
6. Evseev TE. The most important moments of legal life and customary law of the Mari people. *Marii El* = Mari El. 1928;5–6;7–8;9–10. (In Russ.)
7. Emel'ianov AI. Votyak ethnography course. Issue 3. Remains of ancient beliefs and rituals among the Votyaks. Kazan; 1921. (In Russ.)

8. Iznoskov L. Customs of mountain cheremis. *Pamiatnaia kniga Kazanskoi gubernii na 1868–1869 god* = Memorable book of the Kazan province for 1868–1869. Kazan; 1868;60–92. (In Russ.)
9. Kovalevskii MM. Tribal life in the present, recent and distant past: experience in the field of comparative ethnography and the history of law. Saint-Petersburg; 1911. (In Russ.)
10. Kozlova KI. A large family among the Mari in the late XIX – early XX century. *Iazyk, literatura, istoriia* = Language, literature, history. Yoshkar-Ola; 1954;6:161–183. (In Russ.)
11. Kozlova KI. Essays on the ethnic history of the Mari people. Moscow; 1978. (In Russ.)
12. Kuznetsov SK. Four days at the Cheremis during Surem. Ethnographic essay. Saint-Petersburg; 1879. (In Russ.)
13. Mendiarov G. About cheremis of Ufa province. *Etnograficheskoe obozrenie* = Ethnographic Review. 1894;22;3:34–53. (In Russ.)
14. Miller GF. Description of the pagan peoples living in the Kazan province, like Cheremis, Chuvash and Votyaks. Saint-Petersburg; 1791. (In Russ.)
15. Mokshin NF. Religious beliefs of the Mordovians. 2nd edition, enlarged and revised. Saransk; 1998. (In Russ.)
16. Mokshina IuN. Marriage and family in Mordovian customary law. Saransk; 2005. (In Russ.)
17. Mokshin NF et al., eds. The peoples of the Volga and Ural regions. Komi-Zyrians. Komi-Permyaks. Mari. Mordva. Udmurts. Moscow; 2000. (In Russ.)
18. Pallas PS. Journey through different provinces of the Russian state. Saint-Petersburg; 1788;3;2. (In Russ.)
19. Plotskaia OA. The customary ethnic law of the Komi (Zyryans). Monograph. Syktyvkar; 2015. (In Russ.)
20. Smirnov IN. Votyaki. Historical and ethnographic essay. Kazan; 1890;8;2. (In Russ.)
21. Smirnov IN. Cheremisy. Historical and ethnographic essay. Kazan; 1889. (In Russ.)
22. Fedianovich TP. Wedding ceremonies of the Finno-Ugric peoples of the Middle Volga region (traditions and innovations). *Svadebnye obriady narodov Rossii i blizhnego zarubezh'ia: sb. st.* = Wedding ceremonies of the peoples of Russia and neighboring countries. Collection of articles. Moscow; 1993;46–72. (In Russ.)
23. Fuks AA. Notes of Alexandra Fuks about the Chuvashs and Cheremis of the Kazan province. Kazan; 1840. (In Russ.)
24. Kharuzin MN. Essays on the legal life of the peoples of the Sarapul district, Vyatka province. *Iuridicheskii vestnik* = Legal Gazette. 1883;2:257–291. (In Russ.)
25. Iakovlev GI. Religious rites cheremis. Kazan; 1887. (In Russ.)

Submitted 18.11.2021; reviewing 15.12.2021; accepted 13.01.2022.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Iu. N. Sushkova – Doctor of History, Dean of the Law Faculty, Head of the International and European Law Department, National Research Mordovia State University, yulenkam@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4388-0611>

100 лет марийского изобразительного искусства: социалистический реализм (конец 1930-х – 1980-е гг.)

Эльвира Мазитовна Колчева

*Казанский государственный институт культуры,
Казань, Россия*

Введение. В статье, продолжающей серию публикаций, посвященных 100-летию марийской автономии и появлению у народа мари профессионального изобразительного искусства, охарактеризован период социалистического реализма. С точки зрения развития национального изобразительного искусства мари соцреализм необходимо осмыслить с применением новых методологических парадигм.

Материалы и методы. Изобразительное искусство марийского края проанализировано с помощью авторского культурно-архетипического подхода, а также методов исторического исследования. Материалами исследования явились произведения изобразительного искусства из фондов музеев Республики Марий Эл, документы Государственного архива Республики Марий Эл, публикации в СМИ, буклеты и каталоги.

Результаты исследования и их обсуждение. В истории марийского искусства соцреализма выделяются два этапа: конец 1930-х – 1950-е гг. – восстановление после репрессий и Великой Отечественной войны; 1960–1980-е гг. – расцвет изобразительного искусства Марийской АССР. Социалистический реализм как художественный метод косвенно репрезентативен для процесса этнокультурной рефлексии как сути национального изобразительного искусства, акцентирован на показе достижений этнокультур в модернизации экономики и культуры. В пантеоне вождей Ленин изображен как близкий народу учитель (по аналогии с Кугу Юмо). Культурный герой типизирован через образы национального деятеля культуры, механизатора, исторические персонификации. Семантика образа ветерана войны дополнена функцией древа жизни на социальном плане. Женский архетип представлен типом колхозницы-доярки, реже – женщины творческого или интеллектуального труда.

Заключение. Период соцреализма – важнейший в становлении профессионального изобразительного искусства в марийском крае, в том числе как национально-этнического феномена. Амбивалентность соцреалистической художественной практики заключается в том, что, с одной стороны, рефлексия сводится к использованию национальных этнографических примет для наглядной агитации за социализм, к игнорированию реальных ментальных процессов, а с другой – сквозь идеологически идеализированную форму проступает реальный процесс модернизации национальной культуры.

Ключевые слова: изобразительное искусство Марийской АССР, социалистический реализм, этнокультурная рефлексия

Для цитирования: Колчева Э. М. 100 лет марийского изобразительного искусства: социалистический реализм (конец 1930-х – 1980-е гг.) // Финно-угорский мир. 2022. Т. 14, № 1. С. 100–115. DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.01.100-115.

Введение

В истории профессионального изобразительного искусства в марийском крае советский период является важнейшим. Именно на этом этапе, ставшем наиболее продолжительным, завершилось его институциональное оформление. Как системный элемент культуры народа национальное изобразительное искусство мари, суть которого заключается в рефлексии этнокультурных оснований художественны-

ми средствами, также сложилось в данный период.

Профессионализация способствовала обогащению и усложнению марийской культуры; вместе с тем парадигма «единой советской общности» вела к ассимиляции, утрате народом собственной идентичности. Социалистический реализм как агент влияния в среде «малых» народов активно использовал этнический материал для

утверждения идеологических конструктов власти в сознании народов, но в то же время в его лоне заботливо взращивались национальные кадры искусства. На разрыве этих тенденций происходило становление художественного самосознания последних, что породило в рамках соцреализма новое явление – национальный неоромантизм, а позже из творческих процессов указанного периода вырос современный неомифологизм. Таким образом, назрела необходимость переосмыслить значение и место соцреализма в истории изобразительного искусства марийского края в целом и собственно национального изобразительного искусства народа мари с применением к данному периоду новых методологических парадигм.

Развитие изобразительного искусства в крае в эпоху соцреализма можно разделить на два этапа:

– конец 1930-х – 1950-е гг. – этап восстановления после репрессий и деятельности товарищества «Марий художник» (1940–1953), который завершился учреждением в 1961 г. Марийского отделения Союза художников РСФСР. Контекстуально это предвоенное и военное время, годы сталинизма и хрущевской «оттепели»;

– 1960–1980-е гг. – этап окончательного оформления профессионального изобразительного искусства Марийской АССР (МАССР), начавшийся с создания Марийского отделения Союза художников РСФСР (1961) и завершившийся с распадом СССР, а вместе с ним и художественных институций советского искусства. Хронологически он совпал с закатом романтизма «оттепели», застоём, т. е. «построением развитого социализма» согласно официальному дискурсу, и наконец, перестройкой.

Обзор литературы

Историография изобразительного искусства Республики Марий Эл (РМЭ) связана прежде всего с именем С. М. Червонной [18], изучавшей изобразительное искусство народов СССР на протяжении десятилетий. Марийское искусствоведение, возникшее в исследуемый период, представлено трудами его основателя

Б. Ф. Тovarова-Кошкина [17; 18], а также Л. А. Кувшинской [7], В. Г. Кудрявцева [8], Г. И. Прокушева [13], Г. И. Соловьевой [15]. На постсоветском этапе с уходом из исследований соцреалистической риторики в них осталась академическая методология: методы исторического, биографического, искусствоведческого анализа. Литературы советского периода хотя и немало, но недостаточно, в первую очередь с методологической точки зрения, для решения задачи определения марийского изобразительного искусства как национально-этнического феномена.

Новые подходы, позволяющие автору статьи обосновать собственный взгляд и используемый инструментарий, обнаруживаются в научной литературе постсоветского периода, посвященной комплексному переосмыслению советской культуры. Это труды И. Н. Голомштока [3], А. И. Морозова [12], Н. С. Степанян [16], А. К. Якимовича [20] и др.

Методы социальной и культурной антропологии позволили исследователям выявить в искусстве рассматриваемой эпохи признаки актуализации архаичных мифологических структур [20, 25–26], на них и было основано «движение вперед» [22, 744]. Дискурс соцреализма создавался и развивался по аналогии с христианской парадигмой [10, 222]. Логично, что в его рамках происходит снижение уровня рефлексивности, необходимое для «запуска процедур идентификации с социальным воображаемым... рефлексия становится не только ненужной, но и невозможной и даже враждебной» [9, 27]. Это важно для понимания причин формирования синкретического видения марийского изобразительного искусства как регионального и национально-этнического одновременно, как искусства «национального по форме, социалистического по содержанию».

Материалы и методы

Методы изучения искусства соцреализма в марийской республике базируются на культурологическом системном подходе, сформулированном еще в трудах М. С. Кагана, Ю. М. Лотмана и др., который в наши дни развивается О. А. Кривцуном [4],

А. Я. Флиером [19] и рядом других исследователей.

Автором была разработана культурно-архетипическая модель этнокультурного пространства и с ее помощью проанализированы различные стилистические формы марийского изобразительного искусства, в том числе советского периода¹. Модель представляет аспекты изобразительного искусства, связанные с функцией этнокультурной художественной рефлексии. В свою очередь, это позволяет выделить феномен национального искусства мари из массива артефактов и процессов, составляющих искусство марийского края как региональное явление.

Поскольку в публикации особое внимание уделено истории институционального становления профессионального изобразительного искусства в крае, а также осмыслению значения советских институций для формирования национального искусства мари, применялись также методы исторического исследования.

Источниковую базу составили материалы изобразительного искусства (живопись, графика, скульптура) из фондов музеев Республики Марий Эл, частично опубликованные, в том числе автором исследования. До создания в 1990 г. Республиканского музея изобразительных искусств Республики Марий Эл (РМИИ РМЭ) собирание фонда пластических искусств происходило на базе Национального музея РМЭ им. Тимофея Евсеева (НМ РМЭ им. Т. Евсеева). Коллекция изобразительного искусства НМ РМЭ им. Т. Евсеева, которую традиционно отличает этническая ориентированность, наиболее значима с точки зрения поставленных автором задач.

Неопубликованные документальные источники представлены материалами Го-

сударственного архива Республики Марий Эл (ГА РМЭ). Опубликованные источники включают в себя материалы средств массовой информации: периодики, буклетов, каталогов². Необходимо особо отметить публикации ГА РМЭ³, в частности по культурному строительству в Марийской АССР⁴, а также многотомный сборник документальных очерков «История сел и деревень Республики Марий Эл»⁵.

Результаты исследования и их обсуждение

Изобразительное искусство Марийской АССР конца 1930–1950-х гг.

В истории марийского края обозначенный этап связан с общими для всей страны трудностями. Марийская АССР стала частью военной экономики, сюда были эвакуированы десятки промышленных предприятий, были введены в эксплуатацию новые. К середине XX в. структура экономики края существенно изменилась: помимо традиционного сельского хозяйства стали активно развиваться машиностроение и металлообработка.

Модернизация хозяйственной жизни отражалась на социально-культурной сфере. Так, еще перед войной началась реконструкция облика столицы республики, после войны разворачивается масштабное строительство, формируются первые архитектурные ансамбли Йошкар-Олы. На ул. Пушкина возводятся здания техникумов, кинотеатра, библиотеки. Складывается новый центр города – площадь Ленина со зданием лесотехнического института и драматического театра. В декор классицистической архитектуры вплетаются элементы национального орнамента мари. Идея Йошкар-Олы как национальной столицы находит наглядное пластическое решение.

¹ Проект РГНФ № 12-14-12000 а/В «Национальное изобразительное искусство как форма этнокультурной рефлексии: на материале марийского искусства»; проект РГНФ №15-14-12001 а(р) «Этнокультурное пространство народа мари в изобразительном искусстве Марийского края 1950–80-х годов».

² См.: Фаттахов Л. О творческой работе художников республики // Марийская правда. 1955. 16 нояб.; Ворончук И. Жил в лесном краю художник // Там же. 1991. 7 дек. С. 2–3; Творческое объединение «Марий художник»: буклет. Йошкар-Ола, 1993; Борис Сергеевич Пушкин. Живопись: каталог. Йошкар-Ола, 2003 и др.

³ См.: Путеводитель по фондам ГКУ «Государственный архив Республики Марий Эл». Йошкар-Ола, 2012.

⁴ См.: Культурное строительство в Марийской АССР: сб. док. Кн. 2. 1941–1980 гг. Йошкар-Ола, 1985.

⁵ См.: История сел и деревень Республики Марий Эл. Волжский район: сб. док. очерков. Йошкар-Ола, 2003 и др.

Формирование профессиональной художественной культуры народа мари, ее институционализация как последовательная национальная и культурная политика государства продолжались. В военный период концертные фронтовые бригады артистов Марийской государственной филармонии под управлением П. С. Тойдемара (Стеколыщикова), Марийского государственного театра со спектаклями на военную тему выступали на передовой, в госпиталях, войсковых частях. Более того, в 1942–1943 гг. возник коллектив кукольного театра, было создано Марийское отделение Всероссийского театрального общества. «Оттепель» 1950-х гг. для марийской культуры отмечена в первую очередь реабилитацией ее основоположников, в историческую память были возвращены десятки имен, появились новые периодические издания на марийском языке: «Ончыко» («Вперед»), «Пачемыш» («Оса»). Состоялся Первый съезд марийских писателей (1958). Последующие десятилетия стали временем расцвета национальной литературы и драматургии соцреализма [1].

Изобразительное искусство марийского края по-прежнему отставало в развитии от других видов профессионального творчества. Оно существенно ослабло в результате репрессий, отразившихся и на профессиональном уровне художников. В 1938–1939 гг. выпускник Всероссийской академии художеств Г. С. Зиновьев организовал в Йошкар-Оле изостудию, просуществовавшую до 1946 г. В ней прошли двухгодичное обучение местные художники, в том числе В. Д. Семенов, И. И. Мамаев, Г. М. Осокин. Хотя им не всегда хватало мастерства, в целом задачи «идейной перделки и воспитания трудящихся в духе социализма»⁶ решались. Эти художники оставили региональные образцы соцреализма эпохи его расцвета в советском искусстве, иногда наивные и подражательные, но безусловно имеющие историко-культурную ценность в контексте истории изобразительного искусства в марийском крае.

В 1940 г. образовалось производственно-творческое товарищество «Марий художник» (руководитель Б. И. Осипов, выпускник Казанского художественно-технического института). В годы Великой Отечественной войны участники этого объединения совместно с эвакуированными художниками М. Г. Платуновым, П. С. Добрыниным и др. проводили выставки («Фронт и тыл едины», 1943; «Выставка четырех художников», «Фронт и тыл», 1943), писали плакаты для «Окон ТАСС»⁷.

Рис. 1. Б. И. Осипов. В фонд обороны Родины. 1942. НМ РМЭ им. Т. Евсеева

Fig. 1. B. I. Osipov. To the National Defense Fund. 1942. T. Evseev National Museum of Republic of Mari El

Национальная тема в произведениях тех лет однозначно вписывается в концепцию социалистического реализма. Знаковой является картина Б. И. Осипова «В фонд обороны Родины» (рис. 1), изображающая, как марийские женщины сдают свои передававшиеся из поколения в поколение серебряные украшения на переплавку во имя цели, которая мыслится теперь более важной, чем этнические традиции, – это защита «социалистического отечества».

По окончании войны товарищество оживило изобразительное искусство в МАССР (Б. А. Яковлев, В. М. Козьмин, П. А. Туголуков, Б. С. Пушкин и др.). Художники участвовали в выставках в других автономных республиках РСФСР,

⁶ Краткий словарь по эстетике / под ред. М. Ф. Овсянникова. М., 1983. С. 156.

⁷ См.: Брагилевская Е. Колыбель культуры края // Йошкар-Ола. Очерки о столице Марийской республики. Йошкар-Ола, 1984. С. 111.

в частности в 1947 и 1950 гг. в Казани. По их приглашению в МАССР приехали молодые выпускники художественных учебных заведений, и среди них И. А. Михайлин, Д. А. Митрофанов. Историки марийского искусства единодушно признают, что деятельность объединения «Марий художник», несмотря на невысокий уровень профессионального мастерства его членов и иллюстративность их творчества, подготовила почву для перехода марийского изобразительного искусства на следующую, качественно иную ступень [18, 23].

В 1953 г. объединение «Марий художник» было преобразовано в филиал Татарского отделения Художественного фонда РСФСР. Республику вновь стали посещать казанские живописцы, такие как Х. А. Якупов, Л. А. Фаттахов, Н. Д. Кузнецов. Их методическая, организационная помощь, консультации, анализ произведений и выставок в целом способствовали росту и укреплению изобразительного искусства в марийском крае. В 1955 г. один из ведущих татарских художников Л. А. Фаттахов в преддверии Первого Всесоюзного съезда советских художников (1957) дал в марийской прессе оценку состояния изобразительного искусства в крае. Он отметил, что, хотя на первый план выдвинута творческая работа, ее успехи «носят относительный характер». Выделил, с конструктивной критикой, работы В. М. Козьмина, Н. В. Богомолова, молодых художников Ю. С. Белкова, Д. А. Митрофанова, поддерживал замысел на историческую тему «Легендарный Акпарс на приеме у Ивана Грозного» выпускника Казанского художественного училища А. С. Пушкина. Отдельно поднял вопрос об организационных аспектах деятельности марийских художников, обратив внимание на то, что среди них нет ни одного члена Союза художников СССР, что они не участвуют во всероссийских художественных выставках в Москве. И резюмировал, что кол-

лектив художников МАССР «нуждается в руководстве и помощи» со стороны соответствующих органов управления культурой⁸.

Л. А. Фаттахов критиковал художников края за то, что те мало внимания уделяют портрету и жанровой картине, увлекаются в основном пейзажем. Действительно, в это время пейзажный жанр достигает значительных успехов, в нем уже проявляются региональные стилистические особенности – «романтическая приподнятость, внутренняя связь с народными сказками и легендами, напряженная живописная гамма» [13, 19]. Большую роль в этом сыграл П. Т. Горбунцов.

Вместе с Е. Д. Атлашкиной с 1945 по 1956 г. П. Т. Горбунцов занимался оформительской работой в краеведческом музее, который после войны пришлось восстанавливать фактически заново. Он работал над оформлением экспозиций отдела природы, а также над созданием макетов на историческую тематику⁹. Сотрудники музея считали, что без него «не было бы никакого изоматериала о старом городе Царевококшайске»¹⁰. В этот период художник переживал, по выражению Г. И. Прокушева, «вторую молодость» в творчестве, выступая наставником приехавших в республику молодых художников Ю. С. Белкова, А. И. Бутова, А. С. Пушкина и др. Именно они наградили его эпитетом «патриарх марийской живописи»¹¹. На даче П. Т. Горбунцова проходили творческие встречи, на которых закладывались основы марийского пейзажа – в обозримом будущем ведущего жанра в изобразительном искусстве края.

Во второй половине 1950-х гг. уверенно заявляет о себе как о портретисте Ю. С. Белков. Хотя его талант и способность постижения характера в полной мере раскроются в последующие десятилетия, он уже в 1959 г. написал хрестоматийный для марийской живописи «Портрет заслуженной артистки МАССР А. Г. Страусовой».

⁸ См.: Фаттахов Л. Указ. соч.

⁹ ГА РМЭ. Ф. Р-1026. Оп. 1. Д. 2. Л. 15–16.

¹⁰ Ворончук И. Указ. соч. С. 3.

¹¹ Прокушев Г. И. Эпюды о художниках Марий Эл. Йошкар-Ола, 2003. С. 4.

Итак, в середине 1950-х гг., когда на волне «оттепели» в советской культуре формировались новые художественные явления, приведшие к возникновению неонконформизма (нового авангарда), когда начался процесс разделения культуры на «официальную» и «неофициальную», изобразительное искусство Марийской АССР еще проходило стадию институциональной консолидации. Осознавая свою творческую слабость, художественные силы края стремились к созданию собственного союза художников. Среди старшего и молодого поколений в то время не было и, вероятно, не могло быть идейных разногласий, все они мыслили свое творческое кредо в парадигме социалистического реализма. Атмосфера «послесталинского» оживления в общественной и культурной жизни страны создавала условия для осуществления замыслов.

Изобразительное искусство Марийской АССР 1960–1980-х гг.

Период 1960–1980-х гг. был временем зрелости советской культуры, ее высших художественных достижений и противоречий. Как отмечают исследователи, начиная с 1960-х гг. управление художественной культурой характеризуется двумя важными изменениями: 1) власть предоставляет больше полномочий творческим союзам и организациям; 2) функции идеологического контроля возлагаются на саму художественную интеллигенцию¹². Это не могло не вести к либерализации и демократизации художественных процессов. В результате в эпоху перестройки 1980-х гг. под руководством искусства уже подразумевалось не прямое вмешательство со стороны партийных и государственных функционеров, а создание государством творческих и организационных условий для развития искусства. Однако необходимость руководства не подвергалась сомнению.

Качественные изменения произошли и в национальной политике. После войны

понятие «советский народ» обрело реальность в массовом сознании, трагедия и победа, их переживание как общей судьбы теперь объединяли людей вне зависимости от национальной принадлежности. Это во многом подготовило условия для появления нового этнокультурного проекта государства. С одной стороны, ставились задачи продолжения выравнивания уровня развития различных этносов страны, т. е. поддерживались модернизация и конструирование этнокультур как национальных по типу¹³, а с другой – усиливалась пропаганда концепции интернационализма и создания единой наднациональной (гражданской) общности – советского народа¹⁴. В этом проекте слабым местом оказалась установка на игнорирование существовавших этнических процессов, что в конечном счете не дало реализоваться задуманному [2, 19].

Главным содержательным достижением советского искусства становится антропологический поворот, т. е. переключение интереса на жизнь и судьбу отдельной личности, которая не рассматривается теперь как социальный «винтик» или функция. С ослаблением международной изоляции советское искусство, поднявшееся во многих видах до мировых вершин, получает признание за рубежом. В этот период складываются альтернативные неформальные практики искусства как контркультура, например новый авангард, или неонконформизм.

В истории профессионального искусства марийского края указанные годы также явились значительным этапом. Расцвели литература и театральное творчество. Согласно академической программе соцреализма марийская музыка решила задачу овладения крупной формой, о чем свидетельствует создание первой марийской оперы «Акпатыр» Э. Н. Сапаева (1961) и первого национального балета «Лесная легенда» А. Б. Луппова (1973). Завершилось и институциональное оформление изобразительного искусства МАССР. Оно

¹² См.: Конев В. П. Советская художественная культура периода 30-х – 80-х годов XX века (теоретико-исторический анализ): автореф. дис. ... д-ра культурологии. Кемерово, 2004. С. 17.

¹³ См.: Флиер А. Я. Культурология для культурологов. М.: Екатеринбург, 2002. С. 244.

¹⁴ См.: Философский энциклопедический словарь. М., 1989. С. 594–595.

достигло художественно-эстетической зрелости, встало на один уровень с другими видами искусства республики, а также влилось в художественную жизнь страны.

Марийское отделение Союза художников РСФСР (с 1967 г. – Союз художников Марийской АССР) было учреждено в 1961 г. Инициаторами его создания стали художник Б. С. Пушков и искусствовед Б. Ф. Товаров-Кошкин, первым председателем правления был избран А. П. Зарубин. В союз вошли семь членов и восемь кандидатов¹⁵.

Творческие союзы оказались эффективным институтом в системе управления культурными процессами в СССР, в частности для решения задачи «культурного выравнивания» регионов. Членство в союзе обеспечивало художникам социальный и творческий статус, возможность регулярного получения заказов, участие в выставках, изданиях, исполнение произведений на сцене, гарантировало стабильный заработок, давало социальные гарантии и льготы и т. д. В свою очередь, государство, создавая условия для творческой личности, через союзы решало комплекс задач: 1) объединение мастеров того или иного вида искусства в профессиональную ячейку с жесткой структурой; 2) идейно-политическое, нравственное, эстетическое воспитание членов союза в русле официальной идеологии; 3) их мобилизация на «решение актуальных задач»; 4) совершенствование их профессионального мастерства¹⁶. На данном историческом этапе марийское изобразительное искусство получило однозначные преимущества от этой системы. В республике не было таких художественных сил, которые восприняли бы подобный альянс творческой интеллигенции и власти как творческое насилие или ограничение. Сообщество художников республики пребывало в рамках официального идейного дискурса, прочие приобретенные блага были очевидны.

С момента основания союз художников установил тесное сотрудничество с более

зрелыми творческими объединениями республики. На учредительном собрании Марийского отделения Союза художников РСФСР (1961) присутствовали председатель Союза писателей МАССР, народный писатель С. Н. Николаев, председатель правления Союза композиторов МАССР Л. Н. Сахаров, представители Марийского отделения Всероссийского театрального общества¹⁷. Связи творческих союзов в дальнейшем укреплялись, способствуя интеграции культурной жизни края. В 1970 г. состоялся Первый съезд Союза художников МАССР, который подвел своеобразную черту под этапом становления союза и обозначил новые задачи¹⁸.

В начале 1970-х гг. была введена экспедиционная практика направления творческих групп художников для систематической работы на важнейших народно-хозяйственных объектах девятой и десятой пятилеток, отчасти напоминающая «контрактацию» 1920–1930-х гг. Были организованы три основные творческие группы. Одна из них, «Индустрия края Марийского», работала на индустриальных объектах, на крупнейших заводах республики, таких как «Контакт», «Электроавтоматика», «Искож», Марийский целлюлозно-бумажный комбинат и др. Сельскохозяйственная группа выполняла задачу фиксации крупнейших экономических достижений прославленных на всю Россию животноводческих комплексов в Шойбулакском совхозе Медведевского района, в колхозе «За коммунизм» Волжского района МАССР. Группа «Республика строится» работала на важнейших стройках края. Однако документализация 1970-х гг. в корне отличалась от этнографического подхода начального этапа, поскольку служила идеологической задаче монументализации социалистических преобразований, была практикой моделирования идеального на национально-региональном материале. Тем не менее сквозь идеализацию сегодня можно исследовать запечатленную художниками советскую реальность.

¹⁵ ГА РМЭ. Ф. Р-989. Оп. 1. Д. 2. Л. 5–14.

¹⁶ См.: Конев В. П. Указ. соч. С. 19.

¹⁷ ГА РМЭ. Ф. Р-989. Оп. 1. Д. 2. Л. 8.

¹⁸ Там же. Д. 75. Л. 51–68.

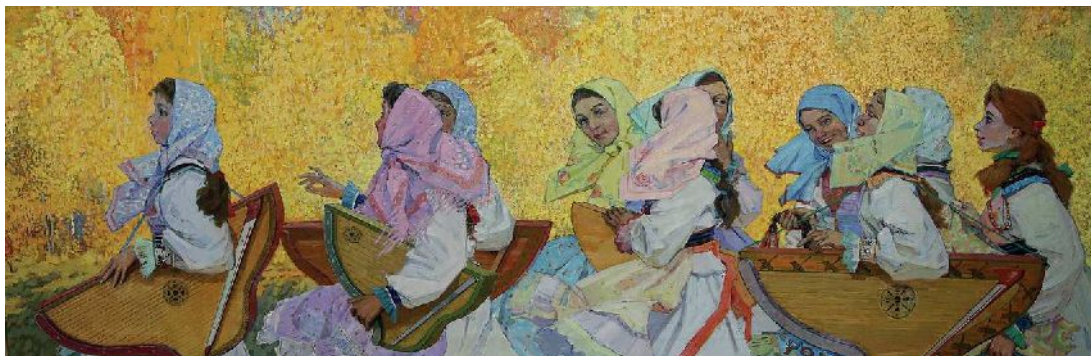

Рис. 2. З. Ф. Лаврентьев. На концерт. 1964. НМ РМЭ им. Т. Евсеева

Fig. 2. Z. F. Lavrentiev. To the concert. 1964. T. Evseev National Museum of Republic of Mari El

Выставочная деятельность стала не только регулярной, но и разнообразной по форме. По всей видимости, еще по инерции «оттепели» в 1964 г. в Йошкар-Оле состоялась ретроспективная выставка графики казанских авангардистов 1920-х гг. А. Г. Платуновой (уроженки марийского края) и К. К. Чеботарева.

Творческому росту художников периферии способствовали тематические зональные выставки, введенные Министерством культуры РСФСР и Союзом художников РСФСР. В Российской Федерации были созданы десять крупных территориальных зон, на ежегодных выставках которых были представлены все творческие коллективы художников краев, областей и автономных республик. Живописцы Марийской АССР были включены в зону «Большая Волга» наряду с сильными коллективами художников Татарской, Чувашской, Удмуртской автономных республик и соседних областей Поволжья. Для марийского искусства выход на площадки всесоюзного масштаба означал качественно новую ступень развития.

В 1964 г. в 1-й зональной выставке «Большая Волга» в Куйбышеве (ныне Самара) приняли участие А. И. Бутов («Марий Эл», 1962), З. Ф. Лаврентьев («На концерт», 1964) (рис. 2), С. Ф. Подмарев («Онар», 1964) и др. Критика отметила достойный уровень произведений марийских художников¹⁹.

Особое значение для искусства российских регионов имела Выставка произве-

дений автономных республик РСФСР в Москве (1971). В изобразительном творчестве республики этого периода искусствоведы отмечают наличие признаков самобытности [15, 10], кроющихся в отражении национального колорита. Освоение национального наследия «успешно» шло оптимистическим путем соцреализма [7, 104]. В то же время первый послевоенный художник-мари З. Ф. Лаврентьев критиковал коллег за незнание истории и быта народа, за «внешние эффекты» и утрирование антропологических черт мари, призывал к более глубокому изучению марийской культуры²⁰.

С. М. Червонная считала наиболее показательным участие марийских художников в выставках «Советская Россия» (с 1960 по 1975 г.), продемонстрировавших «возрастающую роль художников Марийской АССР в искусстве Советской России и всего Советского Союза» [18, 28].

Практика подготовки и проведения всероссийских выставок отражает системный характер работы с творческими кадрами в Советском Союзе, заботу о профессионализме членов Союза художников. Первая выставка 1960 г. показала, что «провинция крайне нуждается в творческой поддержке по целому ряду причин, основная среди которых – многие вернувшиеся с войны художники так и не завершили свое профессиональное образование»²¹. В связи с этим возникла идея «разбить» территорию РСФСР на зоны, по примеру уже су-

¹⁹ См.: Прокушев Г. И. Беседы об искусстве: Виды и жанры изобразительного искусства. Йошкар-Ола, 2008. С. 8.

²⁰ ГА РМЭ. Ф. Р-989. Оп. 1. Д. 75. Л. 91–93.

²¹ История выставочного проекта «Россия». URL: https://www.shr.su/expo-projekts/vserossijskie-vystavochnye-proekty/about/item/400-history_russia.html (дата обращения: 28.10.2021).

ществовавших промышленных. Кураторы зон, а такую роль стали выполнять выставочные комитеты, в которые вошли крупнейшие художники регионов, проводили обучающие «заседания»: просматривали начатые работы, давали квалифицированные консультации по профессиональным параметрам. Художников регулярно стали направлять в дома творчества. Комплексный подход к вопросам обучения художественных кадров регионов позволил периферийному искусству совершить в 1960–1980-е гг. профессиональный скачок.

Задачи профессиональной подготовки в области изобразительного искусства, особенно национальных кадров²², постепенно решались и в самой республике. В 1960 г. была открыта Музыкально-художественная школа-интернат, которая стала главной кузницей кадров марийской культуры и искусства. Для обучения в ней по всем районам республики отбирали талантливых детей начиная со среднего школьного возраста. В школе преподавали ведущие художники, такие как Н. П. Карпов, Г. В. Тайгильдин и С. Ф. Подмарев, скульптор О. А. Дедов, а также искусствоведы, в частности Г. И. Прокушев.

В 1970 г. было открыто художественное отделение Йошкар-Олинского музыкального училища, преобразованное затем в Марийское республиканское художественное училище. Наиболее способные к творчеству выпускники поступали в художественные вузы, которые осуществляли шефство над училищем, оказывали ему методическую помощь. Это прежде всего Московский художественный институт им. В. И. Сурикова (И. В. Ефимов, И. М. Ямбердов и др.) и Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина (В. А. Боголюбов, В. А. Чеботкин и др.).

В 1981 г. в Йошкар-Оле был открыт Республиканский выставочный зал (с 1990 г. – Республиканский музей изобразительных искусств), появилась возможность регулярной работы с публикой, ее художественного образования. В конце 1970-х гг. была введена практика выста-

вок «Художники республики – труженикам села», сопровождаемых творческими встречами и лекциями.

Деятельность названных учреждений культуры способствовала окончательно институциональному оформлению изобразительного искусства в марийском крае, в том числе национального.

Художники республики в составе выставок советского искусства показывали свои работы в странах социалистического содружества: в Польше, Венгрии, ГДР, Монголии и др. Созданные на этом этапе произведения края отличаются достойным качеством. Палитра художественной жизни представлена всеми видами пластического творчества и жанровым многообразием. Наибольшую известность получили живописцы А. И. Бутов, З. Ф. Лаврентьев, А. С. и Б. С. Пушкины, графики А. С. Бакулевский, И. А. Михайлин, А. В. Фомин, скульпторы В. М. Карпеев, В. Н. Савельев, А. А. Ширнин и др. На крупных выставках, в том числе международных, успех имела марийская вышивка как один из пластических видов профессионального искусства (художницы Л. А. Орлова, П. И. Ласточкина, Н. А. Махаева, Н. Н. Ситникова, М. И. Пушкина).

Наконец, в рассматриваемый период сформировался еще один важный институт – художественная критика. О ее острой нехватке говорили участники Первого съезда Союза художников МАССР в 1971 г., определив ее развитие особой задачей²³. В 1970-е гг. были заложены основы марийского современного профессионального искусствоведения: началась популяризация марийского изобразительного искусства в средствах массовой информации, на предприятиях, в учебных заведениях, сельских районах. Первыми искусствоведами МАССР стали Б. Ф. Товаров-Кошкин, Л. А. Кувшинская, Г. И. Соловьева, Г. И. Прокушев. В 1960–1970-х гг. были опубликованы первые искусствоведческие издания [17; 18], началась исследовательская работа на базе Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории [11].

²² ГА РМЭ. Ф. Р-989. Оп. 1. Д. 75. Л. 105–106.

²³ Там же. Л. 108.

**Социалистический реализм
в контексте становления
профессионального изобразительного
искусства народа мари**

Соцреализм как метод на национальной почве может быть расценен как репрезентативный для официального советского искусства и, косвенно, для процесса этнокультурной рефлексии.

Прежде всего, соцреализм с его концепцией «художественно-образной перспективы для практической преобразовательной деятельности»²⁴ демонстрировал социалистические достижения отдельных этнокультур. Этот концепт был призван сублимировать переживания реальных трудностей и неудач, переводить их в «упоение рекордами», «в регистр веры в правильно выбранный путь» [6, 38]. Достижения мыслились как закономерные и типические, а потому предлагались в качестве образца для подражания и приобретали функции культурного архетипа. Безусловно, марийское искусство также втягивалось в его конструирование.

На картине художника-фронтовика, члена общества «Марий художник» В. М. Козьмина «За высокий урожай» (рис. 3) не просто показаны достижения в сельском хозяйстве, но подчеркивается, что в Марийской АССР этой отраслью занимаются на научном уровне. Как известно, в конце 1930-х гг. была организована Марийская опытная станция по полеводству под руководством одного из первых ученых-мари В. П. Мосолова, академика ВАСХНИЛ, основоположника адаптивно-ландшафтного подхода к ведению отечественного земледелия.

Сюжет картины репрезентирует типичную для советского искусства тему торжественных собраний, на которых делались публичные отчеты о достижениях. Настроение картины праздничное, приподнятое в соответствии с мажорным тоном социалистического реализма. Воспроизводится типичная атмосфера политически значимого «действия» с полной атрибутикой в интерьере (портреты вождей и

значимых личностей, знамена, карты, графики, снопы и пр.) и набором типажей: рабоче-крестьянская аудитория слушателей, часть из которых в национальной одежде, партийный руководитель, пожилой ученый, докладчик. В данном случае важна персона докладчика – это марийская женщина. Ее этническая принадлежность маркируется одеждой, на ней современное марийское платье *йошкар-ола тувыр*. В руках – пышный снопок колосьев. В картине присутствует двойная манифестация достижений на национальной «почве»: в сельском хозяйстве и в культурной революции. Если в довоенном искусстве успехи культурного строительства были репрезентированы образами научившихся читать мариек (Е. Д. Атлашкина «Марийская девушка за газетой», 1932, и др.), то теперь показано, что марийская женщина поднялась на новый уровень, т. е. стала ученым. Полотно было написано после разгрома советской генетики, в разгар насаждения мичуринской агробиологии академика Т. Д. Лысенко.

Рис. 3. В. М. Козьмин. За высокий урожай. 1949. НМ РМЭ им. Т. Евсеева

Fig. 3. V. M. Kozmin. To a high yield. 1949. T. Evseev National Museum of Republic of Mari El

Важнейшей темой советского искусства была экономическая модернизация. Эта тема получила разработку уже на начальном этапе соцреализма в марийском искусстве 1930-х гг. (В. К. Тимофеев «Лесозавод в Лопатино», 1934; Г. А. Медведев «Доярка», 1936, и др.). В жанре индустриального пейзажа запечатлеваются развитие промышленности и транспорта в МАССР (В. М. Козьмин «Марбумкомбинат», 1956;

²⁴ Краткий словарь по эстетике. С. 155.

И. М. Пландин «В окрестностях г. Козьмодемьянска», 1960; Е. С. Скрицкий «Уренгой – Помары – Ужгород», 1983, и др.), успехи колхозного строительства в МАССР (А. С. Пушкин «Межколхозная электростанция», 1950; Н. В. Богомолов «Пейзаж Азаново», около 1960, и др.).

Рис. 4. И. И. Мамаев. Жданое утро. 1961. НМ РМЭ им. Т. Евсеева

Fig. 4. I. I. Mamaev. Waiting morning. 1961. T. Evseev National Museum of Republic of Mari El

Необходимо отметить, что поэтика природы, ландшафта, в который вписываются индустриальные объекты, часто нейтрализует идеологический пафос. Эти произведения представляют зрителям эпический масштаб геопространства, который воспринимается как советский, российский, в том числе марийский. Эстетическое впечатление в данном случае преобладает.

Архетипическая тема труда согласно принципам «революционно-действенного гуманизма»²⁵ соцреализма трактуется как праздничное сражение, что в корне отличается от репрезентации этой темы в этнографическом реализме. Там зритель видит повседневность, мерный ритм извечного образа жизни, без героического напряжения, но и без передвижнического обличения. Теперь трактовка темы призвана выражать достижение состояния мобилизационной солидарности [5, 46]. Л. И. Лиманская усматривает в пропагандируемом трудовом энтузиазме «блаженное состояние духа» [9, 27], возникающее в религиозных обрядах традиционной культуры в условиях коллективных действий. Такое состояние утверждалось через концепт «битва за урожай». С этой

точки зрения типичной представляется работа еще одного участника общества «Марий художник» И. И. Мамаева «Жданое утро» (рис. 4). Композиция картины выстроена на движении колонны колхозников с техникой и флагами (маркерами «советскости») из глубины пространства к переднему краю холста, к плотной стене из колосьев пшеницы невероятной высоты. Фигура твердо стоящей на земле колхозницы в национальном костюме луговых мари на переднем плане гарантирует успешный исход «сражения».

Принцип двуединства партийности и народности советской идеологической мифологии вел к сакрализации ее лидеров, к созданию собственного пантеона. Эту функцию прежде всего выполнял жанр ленинианы. Создавались соответствующие сюжетные и исторические полотна, в которых народы показывались вдохновленными почти магической силой вождей, облагодетельствованными их деяниями. Задача отражения подлинных событий не ставилась (В. М. Козьмин «Подписание декрета об образовании автономии 1920 г.», 1950–1951; А. И. Бутов «Декрет марийцам», 1967; Г. М. Осокин «К Ленину за советом», 1969, и др.). В лучших образцах этой живописи достигалась нуминозная монументальность.

Порой тема принимала курьезные формы, как на картине С. Ф. Подмарева «Ленин с детьми», изображающей случайную встречу в лесу Ленина и марийских детишек, собирающих грибы. Подобные ирреальные повороты не вызывали недоумения, несмотря на нарушение требования «реалистичности». Наоборот, они получали одобрение критики [15, 15], в таких решениях выстраивался образ вождя как «гуманного человека». Т. А. Круглова объясняет допустимость подобных алогизмов «дискурсом невозможного», присущего соцреализму [5, 44]. Занимавший в пантеоне главное место образ Ленина становился ипостасью Бога-Отца. Он трактовался в двух основных формах: как обобщенно-монументальный образ пламенного трибуна и вождя и как простой и близкий

²⁵ См.: Философский энциклопедический словарь. С. 607.

народу учитель [10, 223]. В мари́йском искусстве преимущественно разрабатывался второй тип. Эта модель архетипа ближе к традиционному пониманию верховного бога Кугу Юмо в мари́йской религии.

В иерархии жанров соцреализма подерживалась академическая система, связанная с классической традицией, на наследование которой претендовал данный метод. Поэтому ведущее место отводилось историческому жанру, основному инструменту визуальной идеологической мифологизации. Технология конструирования таких репрезентаций, становившихся нарративами советской исторической науки, прослеживается в ряде работ А. С. Пушкина «Мари́йские послы у Ивана Грозного», от первого варианта картины (1953) к последнему, третьему (1957).

В основе сюжета лежит историческое событие декабря 1546 г., когда делегация горных мари во главе с представителем местной знати Тугаем (Атачиком) совершила поездку в Москву для переговоров о заключении военного союза «горных людей» с Московией против Казанского ханства. Встреча не состоялась, так как царя в это время не было в столице, договор не был заключен [14, 175–176]. На картине 1953 г. Иван Грозный показан еще молодым человеком, поскольку на тот момент ему было 16 лет, но само произведение еще неумелое, персонажи скованны, характеры не выявлены. Второй и третий варианты уже отличает создание

Рис. 5. А. С. Пушкин. Мари́йские послы у Ивана Грозного. 1957. НМ РМЭ им. Т. Евсеева

Fig. 5. A. S. Pushkov. Mari ambassadors to Ivan the Terrible. 1957. T. Evseev National Museum of Republic of Mari El

определенной эмоциональной атмосферы, сильных характеров. В последней версии картины Грозный предстает величественным царем 40–50 лет (рис. 5). Харизма Тугая, динамично представленного во втором варианте картины, в третьей версии исчезает, это уже не столько культурный герой-защитник, сколько крепкий мужик. Так художник оттачивал типаж в соответствии с официальными установками.

Принцип народности порождал многообразие типов и типажей в искусстве, оставившем множество интересных психологических портретов того времени. В искусстве МАССР они относятся преимущественно ко второму этапу. Национальный культурный герой в соцреализме помимо

Рис. 6. Г. М. Осокин. На полевом стане. 1960. НМ РМЭ им. Т. Евсеева

Fig. 6. G. M. Osokin. On the field camp. 1960. T. Evseev National Museum of Republic of Mari El

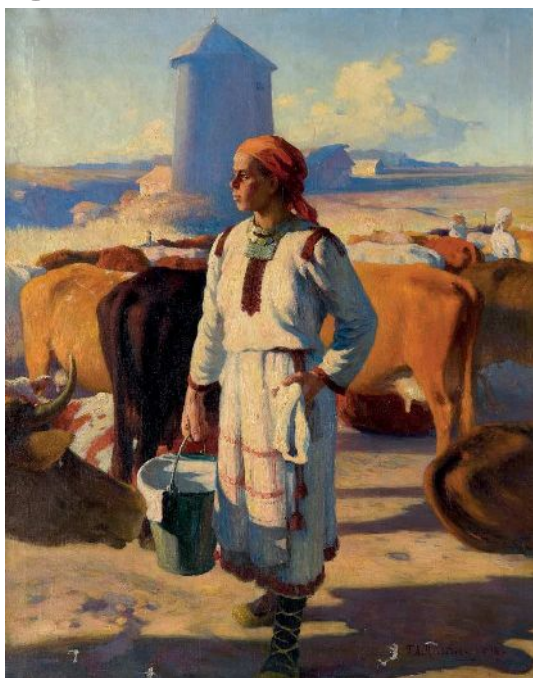

Рис. 7. Г. А. Медведев. Доярка. 1936. НМ РМЭ им. Т. Евсеева

Fig. 7. G. A. Medvedev. Milkmaid. 1936. T. Evseev National Museum of Republic of Mari El

исторических персонификаций представлен образом национального деятеля культуры или сельского механизатора.

Интересна сложившаяся на национальной почве семантическая функция образа ветерана Великой Отечественной войны. Картина Г. М. Осокина «На полеводческом стане» (рис. 6), как и этнографическое полотно «Жатва» В. К. Тимофеева (1927), репрезентирует социум в его геопространстве с той же архетипической темой. На картине те же ключевые образы, и прежде всего возделанное поле. Центр мироздания – Дуб – на уровне социума продублирован сидящим под ним ветераном. Он цементирует социум как советский, теперь это не община, а коллектив колхоза; марийский народ связан с другими советскими народами единой судьбой. Сюжет и расположение прочих персонажей указывают на то, что ветеран обеспечивает единство пространственно-временного континуума.

Еще одним важным культурным архетипом искусства соцреализма в МАССР является женский образ колхозницы-до-

ярки, пришедший на смену образу крестьянки-труженицы в этнографическом реализме. Первый подобный образец был создан еще в 1936 г. казанским художником Г. А. Медведевым в условиях экономического кризиса и повсеместного голода 1936–1937 гг. как следствия коллективизации [21]. Полотно отличают превосходные эстетические достоинства, идиллическая атмосфера благоденствия и счастья – тем острее воспринимается его пропагандистский смысл (рис. 7).

Позже данный тип был всеобъемлюще разработан, и прежде всего Ю. С. Белковым, у которого он насытился психологическим содержанием. Художник создал подлинную галерею человеческих типов, марийских женщин-тружениц, уловив особенности национального характера.

Заключение

Таким образом, эпоха социалистического реализма – весьма значимое время для становления профессионального изобразительного искусства в марийском крае, в том числе как национально-этнического феномена. Это эпоха его окончательного формирования, зрелости, высоких достижений в рамках советского искусства.

Метод соцреализма на национальной почве лишь косвенно репрезентативен для процесса этнокультурной рефлексии. Практика вынужденного осмысления этнической культуры была продиктована необходимостью внедрять в сознание народов России советские идеологемы, а потому это искусство отличает амбивалентность. С одной стороны, рефлексия сводилась к поверхностному отражению национальных этнографических примет для наглядной агитации за социализм, что приводило к путанице, искажению традиций и истории народа и т. п. С другой стороны, сквозь идеализированную в идеологическом ключе форму проступал реальный процесс модернизации национальной культуры, формировалась когорта национальных художников. Разрешением данной противоречивой двойственности стал возникший в рамках социалистического реализма национальный неоромантизм 1970–1980-х гг.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бояринова Г. Н. Страницы героической истории в марийской драме // Финно-угорский мир. 2017. № 1. С. 24–29. URL: <http://csfu.mrsu.ru/ru/archives/1214> (дата обращения: 28.10.2021).
2. Восканян С. С. Основные этапы национальной политики в СССР // Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. Сер.: Политология и социология. 2017. № 3. С. 17–20. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35251843> (дата обращения: 28.10.2021).
3. Голомшток И. Н. Тоталитарное искусство. М.: Галарт, 1994. 296 с.
4. Кривцун О. А. Историческая ментальность и художественный процесс // Вестник культурологии. 2019. № 1. С. 58–81. DOI: 10.31249/hoc/2019.01.04.
5. Круглова Т. А. Произведения соцреализма как свидетельства «революции чувств». Экзистенциальные проблемы героев Аркадия Гайдара // Международный журнал исследований культуры. 2010. № 1. С. 37–51. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15629057> (дата обращения: 28.10.2021).
6. Круглова Т. А. Репрезентация или фальсификация: к проблеме «реалистичности» соцреализма // Уральский исторический вестник. 2009. № 1. С. 31–40. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11730579> (дата обращения: 28.10.2021).
7. Кувшинская Л. А. Народные традиции в творчестве художников республики // Народные художественные промыслы Марийской АССР: материалы науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы развития народных художественных промыслов и декоративно-прикладного искусства Марийской АССР». Йошкар-Ола, 1988. С. 103–105.
8. Кудрявцев В. Г. Современные тенденции развития марийской графики (тематический эстамп) // Проблемы творчества художников Марийской АССР на современном этапе: сб. ст. Йошкар-Ола, 1989. С. 68–77. (Вопросы марийского фольклора и искусства; вып. 8).
9. Лиманская Л. Ю. Вера, страх, смех и энтузиазм как элементы культурного архетипа в истории советского искусства // Человек и культура. 2016. № 3. С. 26–37. DOI: 10.7256/2409-8744.2016.3.16718.
10. Лиманская Л. Ю. Семиотика тела и язык искусства: опыт иконологической интерпретации соцреализма и соц-арта // Художественная культура. 2019. № 4. С. 216–231. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42291700> (дата обращения: 28.10.2021).
11. Марийская литература, искусство и народное творчество: сб. ст. / ред. К. К. Васин, М. А. Георгина. Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1966. 168 с. (Учен. зап. МарНИИЯЛИ; вып. 20).
12. Морозов А. И. Соцреализм и реализм. М.: Галарт, 2007. 271 с.
13. Прокушев Г. И. Художники Марийской АССР. Л.: Художник РСФСР, 1982. 180 с.
14. Свечников С. К. Присоединение Марийского края к Русскому государству: моногр. Казань: ЯЗ, 2014. 268 с.
15. Соловьева Г. И. О специфике и задачах развития исторического жанра в творчестве живописцев республики // Проблемы творчества художников Марийской АССР на современном этапе: сб. ст. Йошкар-Ола, 1989. С. 5–27. (Вопросы марийского фольклора и искусства; вып. 8).
16. Степанян Н. С. Искусство России XX века. Взгляд из 90-х. М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. 316 с.
17. Товаров-Кошкин Б. Ф. Художники Марийской АССР. Л.: Художник РСФСР, 1971. 63 с.
18. Товаров-Кошкин Б. Ф., Червонная С. М. Художники Марийской АССР. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1978. 88 с.
19. Флиер А. Я. Культурная система: модель функциональных свойств // Вестник культуры и искусств. 2021. № 2. С. 47–53. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46251729> (дата обращения: 28.10.2021).
20. Якимович А. К. Полеты над бездной: искусство, культура, картина мира, 1930–1990. М.: Искусство–XXI век, 2009. 464 с.
21. Ялтаев И. Ф. Хлебозаготовки и крестьянство Марийской автономной области в годы коллективизации // Регионология. 2005. № S6. С. 261–268. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=13615765> (дата обращения: 28.10.2021).
22. Kruglova T. A. Traditionalism/conservatism of the art of the thaw period in the context of social and cultural transformations // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2017. Vol. 10, no. 5. P. 741–752. DOI: 10.17516/1997-1370-0080.

Поступила 05.11.2021; одобрена 25.11.2021; принята 13.01.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Э. М. Колчева – кандидат искусствоведения, доцент кафедры музеологии, культурологии и искусствоведения Казанского государственного института культуры, elviramk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3058-5308>

100 years of Mari fine art: socialist realism (late 1930s – 1980s)

Elvira M. Kolcheva

Kazan State Institute of Culture,
Kazan, Russia

Introduction. The article continues a series of publications dedicated to the 100th anniversary of the Mari autonomy and the emergence of professional fine art among the Mari people. It characterizes the period of socialist realism. From the point of view of the development of the national fine arts of the Mari, socialist realism needs to be comprehended using new methodological paradigms.

Materials and Methods. The fine arts of the Mari Region have been analyzed using the author's cultural and archetypal approach and the methods of historical research. The research materials include works of fine art from the museums of the Republic of Mari El, documents from the State Archives of the Republic of Mari El, media publications, newsletters and catalogs.

Results and Discussion. In the history of the Mari art of socialist realism, two stages have been defined. The first one is the period of recovery after repressions and the Great Patriotic War in the late 1930s – 1950s. The second one is the heyday of the fine arts of the Mari ASSR in the 1960–1980s. Socialist realism as an artistic method is indirectly representative of the process of ethno-cultural reflection as the essence of national fine arts, it is focused on showing the achievements of ethnic cultures in the modernization of the economy and culture. V. I. Lenin is represented as a teacher close to the people (by analogy with Kugu Yumo) in the pantheon of political leaders. The cultural hero is typified through the image of a national cultural figure, a machine operator, and historical personifications. The semantics of the image of a war veteran is supplemented by the function of the world tree on the social field. The female archetype is represented by the type of a collective farmer and milkmaid, less often it is represented by a woman engaged in creative or intellectual work.

Conclusion. The era of socialist realism is the most important period in the formation of professional fine arts in the Mari Region, also being a national and ethnic phenomenon. The ambivalence of socialist realist artistic practice lies in the fact that, on the one hand, reflection boils down to the use of national ethnographic signs for visual agitation for socialism, to ignoring real mental processes, and on the other hand, a real process of modernization of national culture emerges through an ideologically idealized form. The ambivalence of socialist realistic artistic practice lies in the fact that, on the one hand, reflection boils down to the use of national ethnographic signs for visual agitation for socialism, to ignoring real mental processes, and on the other hand, a real process of modernization of national culture emerges through an ideologically idealized form.

Keywords: fine arts of the Mari ASSR, socialist realism, ethnocultural reflection

For citation: Kolcheva EM. 100 years of Mari fine art: socialist realism (late 1930s – 1980s). *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2022;14;1:100–115. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.01.100-115.

REFERENCES

- Boiarinova GN. Pages of heroic history in the Mari drama. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2017;1:24–29. URL: <http://csfu.mrsu.ru/ru/archives/1214> (accessed 28.10.2021). (In Russ.)
- Voskanian SS. The main stages of national policy in the USSR. *Nauchnyi vestnik Volgogradskogo filiala RANkhiGS. Ser.: Politologiya i sotsiologiya* = Scientific Bulletin of the Volgograd Branch of RANEPa. Series: Political Science and Sociology. 2017;3:17–20. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35251843> (accessed 28.10.2021). (In Russ.)
- Golomshtok IN. Totalitarian art. Moscow; 1994. (In Russ.)
- Krivtsun OA. Historical mentality and artistic process. *Vestnik kul'turologii* = *Herald of Culturology*. 2019;1:58–81. (In Russ.). DOI: 10.31249/hoc/2019.01.04.
- Kruglova TA. Works of socialist realism as evidence of the “revolution of feelings”. Existential problems of the heroes of Arkady Gaidar. *Mezhdunarodnyi zhurnal issledovaniy kul'tury* = *International Journal of Cultural Research*. 2010;1:37–51. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15629057> (accessed 28.10.2021). (In Russ.)
- Kruglova TA. Representation or falsification: to the problem of “realism” of socialist realism. *Ural'skii istoricheskii vestnik* = *Ural Historical Journal*. 2009;1:31–40. URL: <https://>

- www.elibrary.ru/item.asp?id=11730579 (accessed 28.10.2021). (In Russ.)
7. Kuvshinskaia LA. Folk traditions in the work of artists of the republic. *Narodnye khudozhestvennye promysly Mariiskoi ASSR: materialy nauch.-prakt. konf. "Aktual'nye problemy razvitiia narodnykh khudozhestvennykh promyslov i dekorativno-prikladnogo iskusstva Mariiskoi ASSR"* = Folk arts and crafts of the Mari ASSR. Materials of the scientific and practical conference "Actual problems of the development of folk arts and crafts and arts and crafts of the Mari ASSR". Yoshkar-Ola; 1988:103–105. (In Russ.)
 8. Kudriavtsev VG. Modern trends in the development of Mari graphics (thematic print). *Problemy tvorchestva khudozhnikov Mariiskoi ASSR na sovremennom etape: sb. st.* = Problems of creativity of artists of the Mari ASSR at the present stage. Collection of articles. Yoshkar-Ola; 1989;8:68–77. (In Russ.)
 9. Limanskaia Llu. Faith, Fear, Laughter and Enthusiasm as Elements of a Cultural Archetype in the History of Soviet Art. *Chelovek i kul'tura* = Man and Culture. 2016;3:26–37. (In Russ.). DOI: 10.7256/2409-8744.2016.3.16718.
 10. Limanskaia Llu. The semiotics of the body and the language of art: the experience of the iconological interpretation of social realism and social art. *Khudozhestvennaia kul'tura* = Art & Culture Studies. 2019;4:216–231. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42291700> (accessed 28.10.2021). (In Russ.)
 11. Vasin KK, Georgina MA, eds. Mari literature, art and folk art. Collection of articles. Yoshkar-Ola; 1966. (In Russ.)
 12. Morozov AI. Social realism and realism. Moscow; 2007. (In Russ.)
 13. Prokushev GI. Artists of the Mari ASSR. Leningrad; 1982. (In Russ.)
 14. Svechnikov SK. Annexation of the Mari Territory to the Russian State. Monograph. Kazan; 2014. (In Russ.)
 15. Solov'eva GI. On the specifics and objectives of the development of the historical genre in the work of painters of the republic. *Problemy tvorchestva khudozhnikov Mariiskoi ASSR na sovremennom etape: sb. st.* = Problems of creativity of artists of the Mari ASSR at the present stage. Collection of articles. Yoshkar-Ola; 1989;8:5–27. (In Russ.)
 16. Stepanian NS. Art of Russia of the XX century. A look from the 90s. Moscow; 1999. (In Russ.)
 17. Tovarov-Koshkin BF. Artists of the Mari ASSR. Leningrad; 1971. (In Russ.)
 18. Tovarov-Koshkin BF, Chervonnaia SM. Artists of the Mari ASSR. Yoshkar-Ola; 1978. (In Russ.)
 19. Flier Ala. Cultural system: a model of functional properties. *Vestnik kul'tury i iskusstv* = Culture and Arts Herald. 2021;2:47–53. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46251729> (accessed 28.10.2021). (In Russ.)
 20. Iakimovich AK. Flying over the abyss. Art, culture, picture of the world. 1930–1990. Moscow; 2009. (In Russ.)
 21. Ialtaev IF. Grain procurement and the peasantry of the Mari Autonomous Region during the years of collectivization. *Regionologiya* = Regionology. 2005;S6:261–268. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=13615765> (accessed 28.10.2021). (In Russ.)
 22. Kruglova TA. Traditionalism/conservatism of the art of the thaw period in the context of social and cultural transformations. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2017;10;5:741–752. DOI: 10.17516/1997-1370-0080.

Submitted 05.11.2021; reviewing 25.11.2021; accepted 13.01.2022.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

E. M. Kolcheva – Candidate Sc. {Arts}, Associate Professor, Department of the Museology, Cultural Studies and Art History, Kazan State Institute of Culture, elviramk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3058-5308>

СОХРАНЯЯ ТРАДИЦИИ... К ЮБИЛЕЮ СЫКТЫВКАРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

KEEPING TRADITIONS... ON THE ANNIVERSARY OF SYKTYVKAR STATE UNIVERSITY

В 2022 г. в Республике Коми отмечается 50-летие Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (далее – СГУ им. Питирима Сорокина). Официальной датой его рождения принято считать 10 февраля 1972 г., когда вышел приказ № 49 министра высшего и среднего специального образования РСФСР «Об утверждении структуры Сыктывкарского государственного университета». Необходимость создания вуза была продиктована быстрыми темпами развития ряда отраслей республики, которые требовали квалифицированных специалистов. Как говорила первый ректор университета заслуженный деятель науки РСФСР, Почетный гражданин Республики Коми Валентина Александровна Витязева, «университет нужен для всестороннего развития республики, коми народа».

Сегодня СГУ им. Питирима Сорокина – многопрофильное высшее образовательное учреждение, обеспечивающее кадрами различные сферы жизнедеятельности общества. Вуз реализует концепцию глубокой интеграции университетской среды с региональной, традиционного образования с новыми технологиями, ориентированными на включение студентов и научно-педагогических работников в проектную, инновационную и научную деятельность.

В первый год на два факультета вуза было принято на обучение всего 350 чел. по восьми специальностям: коми язык и литература, русский язык и литература, история, планирование промышленности, математика, физика, химия, биология. В дальнейшем перечень этих специальностей был приумножен. Сегодня в университете обучаются более 6 тыс. студентов, абсолютное большинство из них (90 %) – жители Республики Коми. Университет ведет подготовку студентов по 197 программам высшего образования по 82 направлениям, 28 укрупненным группам направлений (специальностей). СГУ им. Питирима Сорокина – крупнейшее образовательное учреждение высшего образования в Республике Коми, объединяющее 12 институтов, колледж, подразделения, реализующие программы дополнительного образования. За 50-летний период деятельности вуз подготовил более 40 тыс. высококвалифицированных специалистов.

В 2022 г. в вузе открывается набор на 50 программ бакалавриата, более 30 программ магистратуры, около 20 программ аспирантуры, объявлен прием в ординатуру на специальности «Кардиология» и «Терапия». Появятся направление подготовки бакалавриата «Геология», в направлении «Лингвистика» – профиль «Перевод и переводо-

ведение». Будут запущены новые магистерские программы: «Цифровые и компьютерные технологии», «Экономика природопользования», «Технологическое предпринимательство», «Искусственный интеллект в цифровой среде образовательной организации», «Брендинг и коммуникации в дизайне».

Республика Коми – финно-угорский регион, поэтому СГУ им. Питирима Сорокина активно участвует в процессах развития финно-угорских народов и связанных с ними мероприятиях как на своей площадке, так и в других регионах.

Традиционно одним из важных направлений научно-образовательной деятельности СГУ им. Питирима Сорокина является финно-угроведение.

Программы обучения по ряду направлений подготовки реализуются кафедрой коми филологии, финно-угроведения и регионоведения Института гуманитарных наук, а также кафедрами других институтов.

1. Институт гуманитарных наук, кафедра коми филологии, финно-угроведения и регионоведения:

44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки), профили: Родной язык и литература. Английский язык, Родной язык и литература. Русский язык и литература;

45.04.01 Филология, профиль Финно-угорские языки в поликультурном пространстве;

45.06.01 Языкознание и литературоведение, профиль Литература народов РФ.

2. Институт менеджмента и предпринимательства, кафедра экономики и менеджмента сервиса:

10.04.00 Туризм, профиль Туризм. Дисциплина «Этнокультура народов России и этнотуризм».

3. Институт истории и права:

44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями), профили: История, Правоведение;

46.03.01 История, профиль История России и зарубежных стран. Дисциплины: «Этнология и социальная антропология», «Традиционная культура коми по материалам этнологии и археологии»;

46.04.01 История, профили: Отечественная история, Историческая урбанистика. Дисциплина по выбору: «Финно-угорские народы России: история и современность» / «Финно-угорские народы мира: история и современность».

4. Институт непрерывного образования. Программы повышения квалификации: «Этнокультурное образование детей дошкольного возраста в современных условиях»; «Реализация этнокультурного компонента в литературном образовании младших школьников», «Вопросы этнокультурного воспитания детей в ДОО».

СГУ им. Питирима Сорокина активно внедряет в учебный процесс технологии этнокультурного образования, подразумевающие использование имеющегося у университета научного и кадрового потенциала, в частности фондов Музея археологии и этнографии и Музея редкой книги, оцифровку и размещение на портале «Территория просвещения» этнокультурных объектов, а также научных и научно-популярных материалов об этнокультурном наследии региона, учебно-методических разработок для этнокультурного образования.

На основе практико-ориентированного подхода препода-

Первый ректор Сыктывкарского государственного университета
В. А. Витязева

V. A. Vityazeva, the first Rector of Syktyvkar State University

вателями кафедры начального образования Института педагогики и психологии были созданы педагогические условия, направленные на формирование этнокультурной компетентности будущих учителей, способных осуществлять профессиональную деятельность в билингвальной среде с использованием элементов этнокультурного образования Республики Коми.

Регулярно проводятся мероприятия, направленные на разработку электронных образовательных ресурсов (электронное учебное пособие к учебнику «Коми язык. 1 класс»); организацию методических семинаров по совершенствованию информационно-образовательной среды этнокультурного образования;

разработку и сопровождение конкурсов этнокультурного содержания для школьников. Это республиканская олимпиада по коми языку, литературе, фольклору и переводу для учащихся общеобразовательных школ, лицеев и гимназий; национально-региональный конкурс этнокультурной и краеведческой направленности для детей дошкольного и младшего школьного возраста «Талантливый Я»; республиканский конкурс чтецов «Видза, "Войвыв кодзув"» (2019 г., в партнерстве с Министерством национальной политики Республики Коми, Издательским домом Коми); городской квест «На родном языке» («Чужан кыв вылын», 2018 г.); интерактивный баттл на коми

Сыктывкарский государственный университет
имени Питирима Сорокина

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University

языке «Ме да Коми му» (2019 г.); конкурс переводчиков среди студентов СГУ им. Питирима Сорокина (2019 г.). Планируется разработка консультативного портала (блога) для родителей «Коми помогайка», направленного на организацию помощи при выполнении домашних заданий по коми языку.

Кафедра коми филологии, финно-угроведения и регионоведения тесно сотрудничает с финно-угорскими университетами России и зарубежными вузами, с Министерством образования и культуры Финляндии, Обществом М. А. Кастрена (Финляндия). Ряд проектов осуществлен на грантовые средства.

Ежегодно студенты, изучающие финский язык, направляются на международные летние курсы финского языка в университеты Финляндии и университеты финно-угорских регионов России. В июле 2019 г. Международные летние курсы финского языка были проведены в СГУ им. Питирима Сорокина.

В университете ведутся многолетние исследования материальной и духовной культуры народов Европейского Севера России, в том числе народа коми, созданы фонды объектов этнокультурного наследия, развивается музейная и выставочная работа. С 2017 г. функционирует научно-исследовательская лаборатория «Филологические исследования духовной культуры Севера». Научную и научно-методическую деятельность осуществляет научно-образовательный центр «Инновации в национальном гуманитарном образовании».

Основными направлениями исследований в финно-угроведении являются коми диалектология, фонетика и фонология коми языка, синтаксис финно-угорских языков, язык коми художественных произведений, теория перевода, поэтика коми литературы. Научные исследования кафедры коми филологии, финно-угроведения и регионоведения проводятся по теме «Слово и текст в контексте

О. А. Сотникова –
ректор Сыктывкарского
государственного университета
имени Питирима Сорокина

O. A. Sotnikova –
Rector of Pitirim Sorokin Syktyvkar
State University

культуры», разрабатываются темы «Актуальные проблемы пермской филологии», «Язык фольклора и коми художественной литературы», «Язык и литература в аспекте переводоведения».

По результатам исследований преподаватели вуза с докладами и сообщениями выступают на международных, всероссийских и региональных научных конференциях. С 2016 г. под руководством преподавателей кафедры коми филологии, финно-угроведения и регионоведения студентами были подготовлены 115 публикаций, прочитаны 103 доклада.

В университете издаются научно-образовательный журнал «Коми филология» (главный редактор кандидат филологических наук Е. В. Остапова, подготовлено четыре выпуска) и сборники статей серии «Эскизы к литературному портрету» (подготовлено два выпуска, посвященных поэту Александру Лужикову и драматургу Николаю Дьяконову).

В сфере распространения этнографических знаний реализуется совместный проект

Музея археологии и этнографии, кафедры истории России и зарубежных стран Института истории и права и кафедры информационных систем Института точных наук и информационных технологий «Зырянский мир», направленный на популяризацию традиционной культуры коми (зырян). Тематический блок проекта «Зырянский быт» разбит на разделы, характеризующие этнографическую специфику народной культуры коми: «Зырянский домострой», «Кухонный инструментарий», «Зырянская кухня», «Зырянская одежда», «Зырянский календарь». Материалы, размещенные в этих блоках, обеспечивают наглядность при обучении по курсу этнографии коми и направлены на популяризацию знаний по традиционной культуре.

На базе СГУ им. Питирима Сорокина активно ведет работу Ассоциация национальной студенческой молодежи, с 2017 г. ее команда реализует межрегиональный проект «Гордость народа – родной язык». Проект направлен на сохранение культуры и национальных традиций, укрепление межнационального взаимопонимания в полиэтнической среде, повышение интереса молодежи к изучению языков коренных и малочисленных народов финно-угорской группы, развитие добровольчества. Общее число его участников на сегодняшний день превысило 13 тыс. чел. Они представляют 16 муниципалитетов Республики Коми и 10 городов Российской Федерации, где проживают финно-угры. Студентами проведено более 100 мероприятий в формате дня единых действий по одной технологии. В 2019 г. проект стал победителем II Всероссийского конкурса лучших практик в сфере национальных отношений, а в 2020 г. – победителем конкурса «Лучший этносоциальный проект центров коми и национальных культур Республики Коми».

Активом Ассоциации национальной студенческой мо-

лодежи впервые в 2020 г. был реализован проект «Выездная этнокультурная лаборатория “Отув” (“Вместе”)». Это творческая, образовательная, этнокультурная площадка для молодых людей, способствующая свободному обмену информацией, повышению гражданской активности и национального самосознания. Основная аудитория – школьники и молодежь. Студенты самостоятельно изучают особенности районов республики и создают виртуальные экскурсии по интересным местам муниципалитетов 11-го региона, т. е. Республики Коми. Каждый месяц 11 числа в 11 часов дня на YouTube-канале университета размещается выпуск под названием «Смотри 11», давая зрителям возможность узнать что-то новое и полезное о том или ином муниципалитете Республики Коми, а создателям – попробовать силы в сфере трэвел-журналистики.

Студенты СГУ им. Питирима Сорокина разработали эскиз знака ведомственной награды Министерства национальной политики Республики Коми «За вклад в межнациональный мир и согласие в Республике Коми». Этот знак вручается лидерам национальных общественных движений.

Университет является одним из учредителей Ассоциации финно-угорских университетов (АФУУ). Это неправительственная организация, объединяющая на добровольных началах университеты стран и регионов проживания финно-угорских народов, проявляющие интерес к финно-угорской проблематике. Членами Ассоциации являются Университет Западной Венгрии, Университет Восточной Финляндии, российские вузы из Мордовии, Югры, Карелии, Марий Эл, Удмуртии, Коми и других регионов. В 2021 г. сроком на три года председательство в Ассоциации перешло СГУ им. Питирима Сорокина.

На заседании Совета ректоров вузов АФУУ (2 октября 2021 г.) СГУ им. Питирима Со-

рокина внес предложения по развитию Ассоциации на 2022–2024 гг., касающиеся, в частности, продолжения работы:

по реализации сетевых образовательных программ (уровень магистратуры) «Языки и культура финно-угорских народов», «Компьютерная лингвистика»; реализации совместных образовательных проектов, участия в образовательных и просветительских проектах, реализуемых вузами АФУУ. Проекты СГУ им. Питирима Сорокина: «Родной язык – гордость народа», «Территория просвещения», «Созвездие талантливой молодежи», «Долголетие и качество жизни на Севере»;

формированию межвузовских научных коллективов по финно-угорской филологии, истории и культуре финно-угорских народов, юриспруденции (традиционное право финно-угорских народов), медицине, ИКТ и др. Опыт такой работы уже был при реализации в 2010–2011 гг. проекта «Создание терминологических словарей по национальным языкам для общеобразовательных школ в регионах проживания финно-угорских народов Российской Федерации»;

активизации академической мобильности (обменов) студентов и преподавателей университетов АФУУ;

поддержке деятельности Молодежного совета АФУУ;

развитию финно-угорских национальных видов спорта в

вузах АФУУ (проведение спартакиады по финно-угорским национальным видам спорта);

проведению семинаров-совещаний, круглых столов по актуальным проблемам образовательной, научной, воспитательной, культурно-массовой, спортивно-оздоровительной деятельности с целью обсуждения лучших практик, обмена опытом, разработки и реализации совместных проектов;

информационному сопровождению деятельности АФУУ на сайте Ассоциации и в социальных сетях.

В рамках международного финно-угорского сотрудничества университета развивает академическую мобильность студентов. В 2020 г. пять студентов вуза проходили обучение в Венгрии по программе “Stipendium Hungaricum”, один выпускник университета был зачислен в Дебреценский университет на очную программу аспирантуры «Докторская школа литературных и культурных исследований» с первого семестра 2021/22 учебного года.

Сохраняя традиции и приумножая богатый опыт, помня неповторимую историю и строя планы на будущее, мы с уверенностью говорим, что наш университет – это целеустремленные и мотивированные студенты, высококвалифицированный научно-педагогический коллектив, это место реализации научных проектов и творческих идей.

Ольга Александровна Сотникова –

*доктор педагогических наук,
ректор Сыктывкарского государственного университета
имени Питирима Сорокина,
Сыктывкар, Россия, sotnikovaoa@syktsu.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-9534-1988>*

Olga A. Sotnikova –

*Doctor of Pedagogical Sciences,
Rector of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University,
Syktyvkar, Russia, sotnikovaoa@syktsu.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-9534-1988>*

НОВАЯ КНИГА О ТРАДИЦИЯХ ЧУВАШЕЙ И УДМУРТОВ

A NEW BOOK ABOUT THE TRADITIONS OF THE CHUVASH AND UDMURTS

Рецензия на книгу: Кондратьева Е. В. Празднично-обрядовые традиции в общественной жизни чувашей и удмуртов. – СПб.: Нестор-История, 2021. – 256 с.

Book review: Kondratyeva E. V. Holiday-ceremonial traditions in the social life of the Chuvash and Udmurts. – Saint-Petersburg: Nestor-History, 2021. – 256 p.

В 2021 г. в Санкт-Петербурге в издательстве «Нестор-История» вышла в свет монография молодой чувашской исследовательницы Е. В. Кондратьевой «Празднично-обрядовые традиции в общественной жизни чувашей и удмуртов». Данная работа посвящена весьма важной и актуальной теме. Празднично-обрядовые традиции с древности играли значимую роль в общественной жизни чувашей и удмуртов, но до сих пор эта проблема на уровне монографических исследований практически не освещалась. Хотя праздники и обряды народов Волго-Камья в целом рассматривались в научной и иной литературе, не было специальных работ, раскрывающих роль сельской общины и общественности в их подготовке и проведении. Высказанное утверждение относится прежде всего к изучению семейно-родовых праздников и обрядов (Мункун, Семик и др.). В то же время, по наблюдениям многих исследователей этих народов, чуваш и удмурты и сегодня достаточно прочно сохраняют родовые связи. Таким образом, работа Е. В. Кондратьевой во многом восполняет имеющийся пробел.

Несмотря на то что чуваш и удмурты входят в различные языковые и этнические группы, у них сложилось много общих черт в жизнедеятельности в силу многовекового взаимопроникновения этнокультурных традиций еще со времен Волжско-Камской Булгарии, что позволяет провести интересные этнографические параллели, дает стимул для реконструкции утерянных цепей в единой системе духовности как в прошлом, так и в наши дни. К тому же, по справедливому замеча-

нию автора, «эти два народа издавна проживают в сходных условиях среды, ведя однотипное крестьянское хозяйство, исповедуют православную религию» (с. 6). Данное обстоятельство также способствовало выработке близких празднично-обрядовых традиций.

Исследование Е. В. Кондратьевой помогает выявить универсальные механизмы в традиционной обрядности чувашей и удмуртов, проследить их динамику в контексте общественных процессов, происходивших в средневолжско-камской деревне, узнать много нового из обрядово-бытовой и религиозной сфер жизнедеятельности данных этносов.

Среди достоинств монографии следует отметить то, что она написана на базе широкого круга разнообразных неопубликованных и опубликованных источников (архивных и собственных полевых этнографических материалов, музейных коллекций, периодики, фольклора, сборников документов и др.), многие из которых впервые вводятся в научный оборот и являются довольно оригинальными.

Е. В. Кондратьева продемонстрировала хорошее знание историографии проблемы, вла-

дение современной методологией и методами историко-этнографического исследования, в том числе полевыми (включенного и экспедиционного наблюдения, опроса, интервью и др.), способность самостоятельно делать аргументированные выводы, вести дискуссию по этнокультурным, мировоззренческим и бытовым проблемам жизнедеятельности чувашей и удмуртов, вопросам развития и функционирования их празднично-обрядовых традиций. Базовыми для проведения исследования стали принципы историзма, объективности и системности.

В работе рассматриваются всенародные, межсельские, общесельские и семейно-ро-

довые праздники и обряды чувашей и удмуртов, причем историко-типологическое и сравнительно-историческое изучение сопровождается выявлением бытующих и ныне традиций, довольно подробно освещаются их социально-хозяйственная и, особенно, духовно-нравственная ипостаси.

Весьма взвешенными и логичными являются выводы автора, а данные им практические советы и рекомендации могут быть полезны органам государственной власти при разработке стратегии национальной политики в Чувашской и Удмуртской республиках, научно-образовательным и культурно-просветительским организациям при определении

перспективной тематики научных изысканий. Без сомнения, материалы исследования могут широко использоваться при написании научных и учебно-методических работ по этнографии чувашей и удмуртов, а также в разработке учебных курсов и спецкурсов по дисциплинам историко-этнологического цикла.

Можно предположить, что в перспективе рассмотрение сравнительных параллелей в празднично-обрядовых традициях чувашей с другими народами, живущими в Поволжье, – марийцами, мордвой, татарами, русскими – поможет исследователям лучше понять историко-генетические истоки их региональной общности.

Елена Николаевна Мокшина –

доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, Саранск, Россия, enm2112@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7069-6563>

Elena N. Mokshina –

Doctor of History, Professor, Department of History of Russia, National Research Mordovia State University, Saransk, Russia, enm2112@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7069-6563>

ПОДВИГУ «ПОЛЯРНОЙ КАВАЛЕРИИ» ПОСВЯЩАЕТСЯ... | DEDICATED TO THE FEAT OF THE "POLAR CAVALRY"...

Рецензия на книгу: Оленно-транспортные батальоны в снегах Заполярья. – Сыктывкар: Филиал ГРДНТ им. В. Д. Поленова «Финно-угорский культурный центр Российской Федерации», 2021. – 36 с.

Book review: Reindeer transport battalions in the snows of the Arctic. – Syktvykar: Branch of V. D. Polenov "Finno-Ugric Cultural Center of the Russian Federation", 2021. – 36 p.

В 2020 г., в год 75-летнего юбилея Победы советского народа в Великой Отечественной войне, в Сыктывкаре, в филиале Государственного Российского Дома народного творчества имени В. Д. Поленова «Финно-угорский культурный центр Российской Федерации» состоялась планшетная фотовыставка «Оленно-транспортные батальоны в снегах Заполярья», посвященная малоизвестным страницам войны. Фотовыставка была создана в рамках культурно-просветительского проекта «Помним. Гордимся. Сохраним» на средства гранта Главы Республики Коми в области культурно-досуговой деятельности. Экспозиция была сформирована на основе архивных фотоматериалов из фондов Мурманского областного краеведческого музея, Ижемского районного историко-краеведческого музея и Интинского краеведческого музея Республики Коми, а также Этнокультурного центра Ненецкого автономного округа (г. Нарьян-Мар).

Дополнением к выставке стало издание информационно-презентационного буклета с тем же названием, представление которого состоялось в

конце 2021 г. и было приурочено к 80-летию со дня принятия постановления Государственного Комитета Обороны «О проведении мобилизации оленей, оленьих упряжек, ездовых (каюров) в Коми АССР и Архангельской области» (20 ноября 1941 г.). В издание вошли снимки советских фотографов в сопровождении архивных статей, биографических справок, исторических фактов о войне в Заполярье, о вкладе народов Севера в великую Победу. При этом наряду с фотографиями, которые легли в основу экспозиции, в буклете присутствуют «исторические и современные снимки, не вошедшие в выставку, но представляющие интерес для зрителя» (с. 1). Читателю

предоставляется возможность изучить боевой путь и подвиги участников подразделений, не имеющих аналогов в мировой истории.

22 июня 1941 г. фашистские войска вторглись в пространство СССР. На границе Финляндии и СССР началась гитлеровская операция с символическим названием «Renntier» («Северный олень»), ставшая частью Мурманской операции. Для того чтобы сдержать натиск врага, стремившегося захватить Кольский полуостров и Советскую Карелию, обрушиться на Мурманск и Архангельск, в августе 1941 г. Верховным главнокомандованием был создан Карельский фронт, протянувшийся от Баренцева моря до Ладожского озера.

На огромной по протяженности линии боевых действий, доходившей до 1 600 км, в труднодоступной местности и в исключительно тяжелых климатических условиях требовалось срочно организовать снабжение войск, производить диверсионные вылазки и вывоз раненых. Впервые в истории войн длительные боевые действия крупными массами войск велись в суровых условиях полярной

зимы. Между тем передвижение любого транспорта (тракторов, грузовиков, гужевого) было практически невозможно из-за отсутствия дорог и глубокого снежного покрова, сохраняющегося до восьми месяцев.

Из буклета мы узнаем, что для решения задач транспортировки грузов, вооружения, эвакуации раненых и обмороженных были организованы уникальные подразделения Карельского фронта, названные оленьими транспортами. В их состав входили оленеводы, крестьяне, рабочие и служащие из Мурманской и Архангельской областей, Коми АССР и Ненецкого национального округа. В соответствии с секретным постановлением Государственного Комитета Обороны от 20 ноября 1941 г., подписанным И. В. Сталиным, было мобилизовано десять тысяч оленей, две тысячи нарт с упряжью, около полутора тысяч каюров.

Как сообщается в информационно-презентационном издании, «северный олень неприхотлив к пище, не требует особого ухода и способен сам добыть еду: серебристый ягель, траву, листья... У оленя тонкие длинные и чуткие ноги, широкие крепкие раздвоенные копыта, позволяющие не проваливаться в снег и раскапывать под ним мох... Суровые условия Крайнего Севера выработали у оленей хорошо развитые мощные легкие и сильное сердце, создали предпосылки для исключительной работоспособности этих животных» (с. 2).

Неповторимые качества северных оленей стали основой их широкого использования войсками Карельского фронта. Олени имелись во всех отрядах, засылаемых в тыл противника для выполнения боевых задач, в период походов партизанских и разведывательных групп, нередко занимавших несколько суток. Во время боевых операций олени везли артиллерийское и минометное вооружение, боекомплекты к нему, станковые пулеметы, вин-

товочные патроны, средства минирования, топливо, продовольствие, фураж. Они подвозили к аэродромам авиабомбы и патроны, разыскивали в лесу летчиков, совершивших вынужденную посадку, эвакуировали поврежденные самолеты. Применялись олени и для доставки приказов и донесений в штабы.

Как вспоминал один из участников Мурманской наступательной операции, «во время контрнаступления, когда на Мурманских сопках шли кровопролитные бои, разразилась невиданной силы пурга. Все дороги стали непроходимыми. И лишь наши «вездеходы»-олешки могли шагать по таким снежным заносам...» (с. 15).

Особое место в работе оленно-транспортных подразделений занимала санитарная эвакуация. За годы войны на оленях были транспортированы в тыл, а значит, получили шанс выжить десятки тысяч раненых. По воспоминаниям командира отделения оленьего транспорта, «раненый человек много крови теряет, тепло из него выходит. Стынет человек, погибает. А вот оленья шкура тепло очень хорошо держит. Завернешь раненого в шкуру, положишь на нарты и везешь. Доставишь в госпиталь – человек теплый, живой!» (с. 23).

Красноармейцы, из которых формировались оленно-транспортные подразделения, в основном были из ненцев, коми, саамов, хантов и манси. Представители этих народов ориентировались в тундре, находили ягельники для выпаса оленей, могли проложить путь по бездорожью. «Они всю жизнь имели дело с оленями... Кто налов-

чился на оленях кухни отвозить, кто за санитаров был. Даже несколько девушек-саамок было» (с. 14).

Подвиг воинов-оленьеводов и их четвероногих друзей увековечен в памятниках, установленных в населенных пунктах Ненецкого автономного округа, Республики Коми, а также в городе-герое Мурманске. С 2013 г. в Ненецком автономном округе 20 ноября отмечается День памяти участников оленно-транспортных батальонов в Великой Отечественной войне.

Представляется ценным, что исторические фотографии и комментарии к ним сопровождаются биографическими справками об авторах снимков – военачальниках, журналистах, фотокорреспондентах. Среди них – старший лейтенант С. Раскин, полковник Д. Тульчинский, писатель и журналист Н. Вирта, сотрудник газеты «Красная звезда» О. Кнорринг, фотограф-документалист Р. Диамант, и наконец, фотокорреспондент ТАСС Е. Халдей, впоследствии признанный главным фотографом Великой Отечественной войны.

Информационно-презентационный буклет «Оленно-транспортные батальоны в снегах Заполярья», по замыслу его создателей, призван сохранить историческую память о беспримерном героизме коренных народов Севера в годы Великой Отечественной войны, и с этой задачей он, безусловно, справился. Знакомясь с фронтовыми буднями «заполярной кавалерии», понимаешь, что «на Красном Знамени Победы есть капельки крови каюров и их боевых товарищей – оленей...» (с. 33).

Елена Степановна Руськина –

редактор Межрегионального научного центра финно-угроведения Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, Саранск, Россия, redizd@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4436-1049>

Elena S. Ruskina –

Editor, Interregional Research Center for Finno-Ugric Studies, National Research Mordovia State University, Saransk, Russia, redizd@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4436-1049>

ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА ИВАНА СЕМЕНОВИЧА ИВАНОВА

IN MEMORY OF PROFESSOR IVAN SEMENOVICH IVANOV

26 ноября 2021 г. на 88-м году жизни скончался почетный профессор Марийского государственного университета Иван Семенович Иванов.

Научно-педагогическая деятельность И. С. Иванова в системе высшей школы началась с должности ассистента кафедры марийского языка и литературы Марийского государственного педагогического института им. Н. К. Крупской в 1963 г. Более 20 лет Иван Семенович возглавлял кафедру марийского языка и литературы, работал заместителем декана историко-филологического факультета, а с присоединением педагогического института к Марийскому государственному университету – профессором кафедры марийской литературы вуза.

Руководство кафедрой позволило в полной мере проявиться организаторским способностям И. С. Иванова. Кафедра марийского языка и литературы стала научно-методическим центром марийского национального образования, научно-образовательным центром по подготовке учителей марийской национальной школы, работников СМИ и творческой сферы, а также научно-педагогических кадров по марийской филологии. Заведующий придавал большое значение повышению теоретического уровня и педагогического мастерства преподавателей, разработке программ учебных дисциплин, публикации учебников и учебно-методических пособий, укреплению сотрудничества кафедры

и факультета с Министерством образования Республики Марий Эл, со школами республики, вузами и научными учреждениями финно-угорских регионов и государств. Интеллигентный, всегда подтянутый, с легкой походкой, приятной мелодичной речью, выразительностью и точностью языка, И. С. Иванов завораживал собеседника.

Организаторскую деятельность Иван Семенович умело сочетал с педагогической и научной. В течение многих лет читал лекции по марийскому и финно-угорскому фольклору, истории марийской литературы, методологии и методике литературоведческих исследований, марийской литературной критике, литературе финно-угорских народов, литературе народов Поволжья и Приуралья, методике преподавания марийской литературы, руководил фольклорной практикой студентов. Богатейший рукописный фольклорный фонд кафедры, созданный под его научным руководством, до настоящего времени остается источниковедческой базой для диссертационных исследований. Содержание всех дисциплин, по которым И. С. Иванов вел занятия, нашло широкое отражение в учебно-методических публикациях ученого. Руководимый им литературно-творческий кружок активно содействовал творческому росту студентов; более 25 бывших членов кружка со временем удостоились почетных званий «Народный писатель Республи-

ки Марий Эл» и «Народный поэт Республики Марий Эл», стали лауреатами Государственной премии республики.

В последнее десятилетие И. С. Ивановым были опубликованы 103 научные работы по различным проблемам марийской и финно-угорской фольклористики и литературоведения. Именно благодаря трудам Ивана Семеновича марийский фольклор и марийская литература впервые оказались вписанными в систему финно-угорской и урало-поволжской словесности. Его глубокие исследования о жанрах фольклора луговых, горных, северо-западных и восточных мари в сравнительном плане явились теоретической основой для формирования марийской фольклорно-этнографической научной школы. И. С. Иванов – автор двух фундаментальных монографий «Марийская народная лирика» и «Марийская свадьба», в которых создана научно-теоретическая и методологическая база для системного изучения марийского фольклора, а также двух научных изданий по поэтике и стилистике марийской литературы («Язык писателя» и «Поэтика произведений писателей»). Они представлены во всех библиотеках России и финно-угорских госу-

дарств. Перу И. С. Иванова принадлежат более 270 научных и учебно-методических работ, из них 24 учебника, 8 учебных и 15 учебно-методических пособий, 5 учебных программ для вуза и национальной школы,

2 монографии. Кроме того, более 200 научно-публицистических и литературно-критических статей опубликованы им в региональных и республиканских газетах. Его научный авторитет признан далеко за пределами Республики Марий Эл.

Профессор был участником многочисленных международных, всесоюзных и всероссийских конференций по финно-угроведению и урало-поволжской филологии. К его работам широко обращаются ученые, преподаватели, аспиранты и студенты филологических, культурологических, этнологических, педагогических направлений подготовки не только Республики Марий Эл, но и всего финно-угорского мира. И. С. Иванов принимал участие в подготовке (в качестве автора, составителя или редактора) таких важных фундаментальных изданий международного и общероссийского значения, как «Энциклопедия Республики Марий Эл» (2009), «История Марийской АССР» (1960, 1986–1987), «Очерки истории марийской литературы» (1960, 1963), «История марийской литературы» (1989), «Писатели Марий Эл» (2008). Выступал как официальный оппонент на защите кандидатских диссертаций в Тартуском (Эстония), Чувашском, Марийском государственных университетах, Институте языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан.

И. С. Иванов опубликовал также ряд учебных и учебно-методических пособий для студентов вуза, среди которых «Детская литература» (в двух книгах), «Язык марийской прозы», «Художественные особенности марийской поэзии». Он оказывал огромную научно-методическую помощь национальной общеобразовательной школе. Являлся автором учебника по марийской литературе для 5–6 классов, переиздаваемого и используемого более 25 лет в школах Республики Марий Эл, Республики Башкортостан,

Республики Татарстан, Удмуртской Республики, Кировской, Свердловской, Нижегородской областей и Пермского края, а также одним из авторов учебников по родной марийской литературе для 9–11 классов и по истории и культуре марийского народа для учащихся 5–10 классов. Для учителей марийской литературы им опубликованы 8 методических пособий, содержащих богатейший краеведческий материал, в том числе «Марийская литература в 6 классе», «С. Г. Чавайн в школе», «Художественное слово зовет в дорогу».

Научная, преподавательская и организаторская деятельность И. С. Иванова была отмечена множеством наград, среди них почетные грамоты Марийского государственного педагогического института им. Н. К. Крупской и Марийского государственного университета, Почетная грамота Президиума Верховного Совета Марийской АССР, Почетная грамота Правительства Республики Марий Эл, Почетная грамота Министерства образования и науки Российской Федерации,

нагрудные знаки «За отличные успехи в работе» Государственного комитета СССР по народному образованию и «Почетный работник высшей школы профессионального образования Российской Федерации», медаль «Ветеран труда». Он был обладателем почетных званий «Заслуженный деятель науки Марийской АССР», «Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации». С 2004 г. являлся почетным профессором Марийского государственного педагогического института, с 2008 г. – почетным профессором Марийского государственного университета.

Светлая память об Иване Семеновиче Иванове, замечательном человеке, прекрасном педагоге и ученом, пользовавшемся заслуженным уважением и огромным авторитетом не только в коллективе Марийского государственного университета, но и среди научной и педагогической общественности Республики Марий Эл и финно-угорского мира, навсегда сохранится в наших сердцах.

Кийыме верет мамык гай пушкыдо лийже.

Валерий Николаевич Максимов –

кандидат филологических наук, доцент кафедры марийского языка и литературы, заведующий НОЦ языковых технологий “Марий йылме” Марийского государственного университета, Йошкар-Ола, Россия, sernur@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7818-9948>

Раисия Алексеевна Кудрявцева –

доктор филологических наук, профессор кафедры финно-угорской и сравнительной филологии Марийского государственного университета, Йошкар-Ола, Россия, kudsebs@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8933-5955>

Valerij N. Maksimov –

Candidate Sc. (Philology), Associate Professor, Department of the Mari Language and Literature, Head of the Research Center of Language Technologies “The Mari Language”, Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia, sernur@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7818-9948>

Raisia A. Kudryavtseva –

Doctor of Philology, Professor, Department of Finno-Ugric and Comparative Philology, Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia, kudsebs@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8933-5955>

Рецензируемый научный журнал «Финно-угорский мир **Finno-Ugric World**» основан в 2008 г. и считает своей миссией всемерное распространение знаний о финно-угорских народах, популяризацию языков, литературы, народной культуры и искусств, истории родного края.

Наименование и содержание рубрик журнала соответствуют отраслям науки и группам специальностей научных работников согласно Номенклатуре специальностей научных работников. Проводится научное рецензирование поступающих в редакцию материалов с целью их экспертной оценки.

К рассмотрению принимаются оригинальные работы (научные статьи, обзоры, рецензии и отзывы), тематически связанные с проблемами финно-угорского мира. Набор материалов осуществляется по следующим научным направлениям:

«Филологические науки» – **10.02.00 Языкознание;**

«Исторические науки» – **07.00.00 История и археология;**

«Культурология» – **24.00.00 Культурология.**

Учредителем и издателем журнала является федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва».

С 2012 г. журнал входит в утвержденный Министерством образования и науки Российской Федерации Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Главный редактор:

Макаркин Николай Петрович, доктор экономических наук, профессор, президент ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», руководитель Межрегионального научного центра финно-угроведения.

Научные редакторы:

Мосина Наталья Михайловна, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка для профессиональной коммуникации ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» – рубрика «Филологические науки»;

Корнишина Галина Альбертовна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» – рубрика «Исторические науки»;

Бояркин Николай Иванович, доктор искусствоведения, профессор, ведущий научный сотрудник Межрегионального научного центра финно-угроведения ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» – рубрика «Культурология».

В состав редакционного и экспертного советов входят ученые, организаторы науки, представители государственной власти, национальных общественных объединений, деятели культуры и искусств финно-угорских регионов Российской Федерации, Финляндии, Венгрии, Эстонии, Франции и Литвы.

Журнал индексируется и архивируется в следующих базах данных:

Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

ERIH PLUS

Directory of Open Access Journals (DOAJ)

OASPA

Ulrich's Global Serials Directory

The peer-reviewed academic journal “**Finno-Ugric World**” was founded in 2008. It seeks to develop Finno-Ugric studies, Finno-Ugric languages, literature, folk culture and arts, and the history of the native land.

The names and content of the journal’s sections correspond to the groups of specialties of academic staff in accordance with the Nomenclature of Specialties of Academic Personnel. The journal follows a double-blind peer review process to maintain its high standard of the editorial expert assessment.

The journal seeks papers and book reviews on various aspects of Finno-Ugric Studies. It covers the following research areas:

“Philology” – **10.02.00 Linguistics**;

“History” – **07.00.00 History and Archeology**;

“Cultural Studies” – **24.00.00 Cultural Studies**.

The founder and publisher of the journal is Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “National Research Ogarev Mordovia State University”.

Since 2012, the journal is included in the “List of Russian peer-reviewed academic journals approved by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation to publish research results of Dissertations for the academic degrees of Doctor and Candidate of Sciences”.

Editor in Chief:

Nikolay P. Makarkin, Doctor of Economics, Professor, President of National Research Mordovia State University, Head of the Interregional Research Center of Finno-Ugric Studies

Editorial Board:

Natalya M. Mosina, Doctor of Philology, Professor, Department of English for Professional Communication, National Research Ogarev Mordovia State University, section “Philology”;

Galina A. Kornishina, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Russian History, National Research Ogarev Mordovia State University, section “Historical Studies”;

Nikolay I. Boyarkin, Doctor of Art History, Professor, Leading Researcher of the Interregional Research Center of Finno-Ugric Studies, National Research Ogarev Mordovia State University, section “Cultural Studies”.

The editorial board includes scholars, academics, representatives of State Bodies, National Public Associations, and representatives of culture and arts of the Finno-Ugric regions of the Russian Federation, Finland, Hungary, Estonia, France and Lithuania.

The journal is indexed and archived:

Russian Science Citation Index (RSCI) on the Web of Science platform

Russian Science Citation Index (RISC)

European Reference Index for the Humanities and the Social Sciences (ERIH PLUS)

Directory of Open Access Journals (DOAJ)

OASPA

Ulrich’s Global Serials Directory

Главный редактор *Н. П. Макаркин*

Заместитель главного редактора *А. В. Родняков*

Научные редакторы:
Н. И. Бояркин, Н. М. Мосина, Г. А. Корнишина

Редактор *Е. С. Руськина*
Верстка и дизайн *Л. В. Калачина*
Корректор *Е. В. Савойская*
Перевод *О. С. Сафонкина*

Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Рукописи не возвращаются.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей

Перепечатка материалов, размещенных в журнале, допускается только с разрешения редакции

*На обложке: 1-я стр. – рисунок «Лифляндский мужик»
из книги «Этнографическое описание народов России», 1803, ч. 1;
4-я стр. – творческая работа Е. Гулькиной, декоративное панно. Смешанная техника, 2015*

Editor in Chief *N. P. Makarkin*

Assistant Editor *A. V. Rodniakov*

Editorial Board:
N. I. Boyarkin, N. M. Mosina, G. A. Kornishina

Editor *E. S. Ruskina*
Layout design *L. V. Kalachina*
Correction by *E. V. Savoiskaia*
Translation by *O. S. Safonkina*

The journal is included in the list of Russian peer-reviewed journals to publish research results of the dissertations for the academic degrees of Doctor and Candidate of Sciences

The Editorial board reserves the right not to return manuscripts.
Editorial opinion may not coincide with the views of the authors of articles

Articles reprinting is allowed only with the permission of the Editors

On the cover: page 1 – drawing “*The Livonian peasant*”
from the book “*Ethnographic Description of the Peoples of Russia*”, 1803, part 1;
page 4 – creative work by E. Gunkina, decorative panel. Mixed techniques, 2015